

ISSN 0235-1188 (Print)
ISSN 2618-8961 (Online)

67(4) 2024

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ФН

**RUSSIAN JOURNAL OF
PHILOSOPHICAL SCIENCES**

- ◆ *РОССИЯ ДВУХЪЯДЕРНАЯ!*
- ◆ *ВОСТОЧНО-АЗИАТСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ*
- ◆ *ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕЛИГИЯ*
- ◆ *КУЛЬТУРА ТРЕХ «Д»*
- ◆ *ПРИНЦИПЫ ЧЕРЕЗМЫСЛИЯ*
- ◆ *МАГИЯ ДИАЛОГА*
- ◆ *ФИЛОСОФИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА*

МОСКВА
ГУМАНИТАРИЙ

MOSCOW
HUMANIST PUBLISHING HOUSE

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ
И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АКАДЕМИЯ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

ФН

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Том 67. № 4/2024

Научный образовательный просветительский журнал
Издается с 1958 год

Журнал включен в «Реферативный журнал» и в базы данных
**ВИНИТИ РАН, Российский индекс научного цитирования,
EBSCO Academic Complete Search, The Philosopher's Index.**

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной
справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям
«Ulrich's Periodicals Directory»

DOI: 10.30727/0235-1188

Москва
Гуманитарий

Международная редакционная коллегия

Председатель международной редакционной коллегии **Гусейнов А.А.**

Амиллеби С.А., д.филос., проф. Ун-та Джорджа Вашингтона (США); **Бараш Дж.Э.**, д.филос., проф. Ун-та Пикардии им. Ж. Верна (Франция); **Брес И.**, проф., гл. ред. «Revue philosophique de la France et de l'étranger» (Франция); **Даллмайр Ф.Р.**, д.филос., проф. Ун-та Нотр-Дам (США); **Дени М.**, д.филос., проф., координатор отношений и международных проектов с Россией и странами Восточной Европы Ун-та Бордо им. Монтея (Франция); **Майнцер К.**, проф. Мюнхенского технического университета, научный директор Академии им. Карла фон Линде (Германия); **Тиханов Г.**, д.филос., зав. кафедрой сравнительного литературоведения Лондонского ун-та Королевы Марии (Великобритания); **Чжан Байчунь**, проф. Пекинского педагогического университета (Китай); **Штольценберг Ю.**, д.филос., проф. Ун-та Галле-Виттенберга им. М. Лютера (Германия); **Эпштейн М.**, проф. Ун-та Эмори (США), директор Центра обновления гуманитарных наук Даремского ун-та (Великобритания); **Эспехо Р.**, д.филос., президент Международной организации систем и кибернетики (Великобритания), приглашенный проф. Ун-та Сантьяго (Чили).

Редакционная коллегия

Председатель редакционной коллегии **Смирнов А.В.**

Автономова Н.С., ак. Академии гуманитарных исследований (АГИ), д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Аршинов В.И.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Блауберг И.И.**, д.филос.н., в.н.с. ИФ РАН; **Вдовина И.С.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Володазов Г.Г.**, ак. Академии политической науки (АПН), вице-президент АПН, проф. МГИМО (У); **Гусейнов А.А.**, ак. РАН, ВРИО директора ИФ РАН; **Давыдов А.П.**, д.культурологии, гл.н.с. ИС РАН; **Дубровский Д.И.**, д.филос.н., проф., гл.н.с. ИФ РАН; **Журавлев А.Л.**, ак. РАН, научный руководитель ИП РАН; **Кашников Б.Н.**, д.филос.н., проф. НИУ ВШЭ; **Клюев А.С.**, д.филос.н., проф. РГПУ им. А.И. Герцена; **Лепский В.Е.**, д.психолог.н., проф., гл.н.с. ИФ РАН; **Михайлов И.А.**, к.филос.н., с.н.с. ИФ РАН; **Пантин В.И.**, ак. АПН, зав. отделом ИМЭМО РАН; **Порус В.Н.**, д.филос.н., руководитель Школы философии факта гум. наук НИУ ВШЭ; **Розин В.М.**, д.филос.н., г.н.с. ИФ РАН; **Рябов В.В.**, чл.-корр. РАО, президент МГПУ; **Сиземская И.Н.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Смирнов А.В.**, ак. РАН, зам. академика-секретаря Отделения общественных наук РАН, ВРИО зам. директора ИФ РАН; **Смолин О.Н.**, ак. РАО, 1-й зам. пред. комитета ГД ФС РФ по образованию и науке; **Соловьёв А.В.**, к.филос.н., доц. МГУ имени М.В. Ломоносова; **Степанянц М.Т.**, ак. АГИ, д.филос.н., зав. кафедрой ЮНЕСКО ИФ РАН; **Тульчинский Г.Л.**, д.филос.н., проф. НИУ ВШЭ (СПб); **Федотова В.Г.**, ак. РАЕН, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Черниговская Т.В.**, чл.-корр. РАО, д.б.н., д.ф.н., проф., зав. кафедрой СПбГУ; **Шевченко В.Н.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН.

Редакция:

Главный редактор Дубровский Д.И.

Научный редактор Винник Д.В.

Редактор отдела культурологии и религиоведения Дуркин Р.А.

Литературный редактор Чулкова Е.С.

Верстка: Топилина В.М.

E-mail: academyRH@list.ru

<http://www.phisci.info>

Шеф-редактор Мариносян Х.Э.

THE MINISTRY OF SCIENCE
AND HIGHER EDUCATION OF
THE RUSSIAN FEDERATION

ACADEMY FOR
RESEARCH INTO
THE HUMANITIES

ФН

RUSSIAN JOURNAL OF
PHILOSOPHICAL SCIENCES
(FILOSOFSKIE NAUKI)

Vol. 67. No. 4/2024

Scientific and Educational Journal
Published since the Year 1958

The journal is listed in the *Abstracts Journal* and **databases of the VINITI** (All-Russian Institute for Scientific and Technical Information of the Russian Academy of Sciences), **Russian Index of Science Citation, EBSCO Academic Complete Search, The Philosopher's Index.**

The information about the journal is published annually
in the international information system on serial publications

Ulrich's Periodicals Directory

DOI: 10.30727/0235-1188

Moscow
Humanist Publishing House

International Editorial Board:

Chairman of the International Editorial Board **Guseynov A.A.**

Barash J.A., Dr., Prof., Jules Verne University of Picardy (France); **Brès Y.**, Dr., Prof. em., Paris Diderot University – Paris 7, Editor-in-Chief of the *Revue philosophique de la France et de l'étranger* (France); **Dallmayr F.R.**, Ph.D., Packey J. Dee Professor at the University of Notre Dame (USA); **Dennes M.**, Dr., Prof., coordinator of relations and international projects with Russia and other Eastern European countries, Montaigne Bordeaux 3 University (France); **Epstein M.**, Ph.D., S.C. Dobbs Prof. at Emory University (USA), Director of the Centre for Humanities Innovation at Durham University (UK); **Espejo R.**, Ph.D., President of the World Organisation of Systems and Cybernetics (UK), Visiting Prof. at the University of Santiago (Chili); **Mainzer K.**, Dr., Prof. em., Technical University of Munich (Germany); **Stolzenberg J.**, Dr., Prof. em., Martin Luther University of Halle-Wittenberg (Germany); **Tihanov G.**, Ph.D., George Steiner Professor of Comparative Literature at Queen Mary University of London (UK); **Umpleby S.A.**, Ph.D., Prof., The George Washington University (USA); **Zhang Baichun**, Prof., Beijing Normal University (China).

Editorial Board:

Chairman of the Editorial Board **Smirnov A.V.**

Arshinov V.I., D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Avtonomova N.S.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Blauberg I.I.**, D.Sc., Lead.Res.Fell., IPhRAS; **Chernigovskaya T.V.**, RAE Corr Memb., D.Sc., Prof., Head of the Department at Saint Petersburg State University (Saint Petersburg); **Davydov A.P.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., Institute of Sociology of the RAS; **Dubrovsky D.I.**, D.Sc., Prof., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Fedotova V.G.**, RANS Full Memb., Prin.Res.Fell., IPhRAS, Ph.D.; **Guseynov A.A.**, RAS Full Memb., Director of the Institute of Philosophy of the RAS; **Kashnikov B.N.**, D.Sc., Prof., NRU HSE; **Klujev A.S.**, D.Sc., Prof., Herzen University; **Lepskiy V.E.**, D.Sc., Prof., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Mikhailov I.A.**, Ph.D., Sen.Res.Fell., IPhRAS; **Pantin V.I.**, Academy of Political Sciences (Russia) Full Memb., Head of the Department at the Institute of World Economy and International Relations of the RAS; **Porus V.N.**, D.Sc., Head of the Department at the NRU HSE; **Rozin V.M.**, D.Sc., Lead.Res.Fell., IPhRAS; **Ryabov V.V.**, RAE Corr. Memb., President of the Moscow City Teacher Training University; **Shevchenko V.N.**, D.Sc., Prin. Res. Fell., IPhRAS; **Sizemskaya I.N.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Smirnov A.V.**, RAS Full Memb., Deputy Academician-Secretary of the Department of Social Sciences of the RAS, Acting Deputy Director of the Institute of Philosophy of the RAS; **Smolin O.N.**, RAE Corr. Memb., First Deputy Chairman of the Russian State Duma Committee for Education; **Soloviev A.V.**, Ph.D., Assoc. Prof., Lomonosov Moscow State University; **Stepanyants M.T.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., UNESCO Chairholder at the IPhRAS; **Tulchinskii G.L.**, D.Sc., Prof., NRU HSE (St. Petersburg); **Vdovina I.S.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Vodolazov G.G.**, APS Full Memb., Vice President of the Academy of Political Sciences (APS), Prof., Moscow State Institute of International Relations; **Zhuravlev A.L.**, RAS Full Memb., Chief Scientific Officer of the Institute of Psychology of the RAS.

Editorial Staff:

Main Editor Dubrovsky D.I.

Scientific Editor Vinnik D.V.

Cultural and Religious Studies Department's Editor Durkin R.A.

Literary editor Chulkova E.S.

Page Layout: Topilina V.M.

E-mail: academyRH@list.ru

<http://www.phisci.info>

Editor-in-Chief Marinossyan Kh.E.

ОГЛАВЛЕНИЕ

МОДУСЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ:
СОЦИАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

<i>А.П. ДАВЫДОВ</i>	Междисциплинарный подход к изучению медиационных процессов	7
Социоиндивидуальный синтез и процесс институционализации ■		
<i>А.А. АУЗАН</i>	Индивидуализм и коллективизм: два культурных ядра России	11
<i>Е.В. БАЛАЦКИЙ</i>	Философия сотрудничества в институциональном проектировании: истоки, ограничения и перспективы	27
<i>Н.М. ПЛИСКЕВИЧ</i>	Диалог индивидуального и социального как пространство синтеза социально-экономических теорий ценностной эволюции	47
<i>С.В. ПАТРУШЕВ, А.Х. МАРИНОСЯН, Ю.Е. ОСТРОВСКАЯ, Л.Е. ФИЛИППОВА</i>	Понятие социального диалога: типологизация подходов и проблемы концептуализации	72
<i>А.А. МЕРЗЛЯКОВ</i>	Социальный диалог как инструмент институционального управления социальным развитием	99
<i>А.П. ДАВЫДОВ</i>	«Середина» как метод: поиск социоиндивидуального	114

**Религия, политика, власть.
В поисках середины ■**

<i>Б. БУРДЕН (Париж, Франция)</i>	Авторитет совести: к вопросу о легитимности теологии политического в демократическом обществе	136
-----------------------------------	---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Обзоры, объявления, сообщения ■

Международная конференция по развитию современного образования «Образование будущего и будущее образования» (Москва, 24–27 марта 2025 года)	159
---	-----

CONTENTS

MODES OF SOCIOCULTURAL DEVELOPMENT:
SOCIAL DIALOGUE

<i>A.P. DAVYDOV</i>	Interdisciplinary Approach to Studying Mediation Processes	7
Socio-Individual Synthesis and the Process of Institutionalization ■		
<i>A.A. AUZAN</i>	Individualism and Collectivism: Two Cultural Cores of Russia	11
<i>E.V. BALATSKY</i>	Philosophy of Cooperation in Institutional Design: Origins, Limitations, and Prospects	27
<i>N.M. PLISKEVICH</i>	Dialogue Between the Individual and the Social: A Framework for Synthesizing Socio-Economic Theories of Value Evolution	47
<i>S.V. PATRUSHEV, A.K. MARINOSYAN, J.E. OSTROVSKAYA, L.E. FILIPPOVA</i>	Understanding Social Dialogue: Typology of Approaches and Problems of Conceptualization	72
<i>A.A. MERZLYKOV</i>	Social Dialogue as an Instrument of Institutional Governance in Social Development	99
<i>A.P. DAVYDOV</i>	The “Middle” as a Method: In Search for the Socio-Individual	114

**Religion, Politics, Power:
In Search of the “Middle” ■**

<i>B. BOURDIN (Paris, France)</i>	Authority of Conscience: Legitimizing a Theology of the Political in Democratic Society	136
-----------------------------------	---	-----

SCIENTIFIC LIFE

Reviews, Announcements, Notices ■

International Conference on Modern Education Development “Education of the Future, and the Future of Education” (Moscow, March 24–27, 2025)	159
---	-----

МОДУСЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ: СОЦИАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

Введение в раздел
Section introduction

Междисциплинарный подход к изучению медиационных процессов

Перед вами третья журнальная подборка статей участников заседания секции № 4 «Проблемы медиации и диалога» Всероссийской научной конференции «Индивидуализация и коллективизм в современном российском обществе» (Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, 24 мая 2024 года). Первая подборка была опубликована в № 2, вторая – в № 3 журнала «Философские науки» за 2024 год. В представленных работах авторов решается задача, которая была поставлена на заседании секции – внести вклад в изучение медиационных процессов, предшествующих диалогу, в научную разработку предпосылок, оснований диалога между субъектами, чьи интересы не совпадают, совпадают частично или полностью. Естественно, мы, сконцентрировав наш интерес на связи между Я и Другим, работаем в рамках неклассической системы «Я – Другой», продолжая медиационный анализ М. Фуко, З. Баумана, Э. Гидденса, Б. Латура, Н. Лумана, идею срединного пути Конфуция. Мы назвали нашу исследовательскую установку медиационным мышлением, изучением межполюсной «середины», медиацией. Пытаясь сформировать социальное содержание этой многоуровневой «середины», мы опираемся на новейшие разработки в различных научных дисциплинах – в экономике, социологии, политологии, теологии, философии и в области изучения искусственного интеллекта.

В данную подборку включена также статья профессора политической философии и истории идей, директора докторантуры факультета социальных, экономических и юридических наук Парижского католического института Б. Бурдена, который не принимал участия в работе нашей конференции. Бурден выражает обеспокоенность по поводу того, что в современных демократиях отсутствует баланс между религиозным и политическим измерениями общественной жизни. В результате этого возникает

опасное явление «войны совестей», когда сталкиваются различные мировоззрения по важнейшим социально-политическим вопросам, что приводит к конфликту между индивидуальными правами и потребностями сплоченности политического общества. Бурден предлагает концепцию «не-совпадения» политики и религии, которая позволяет эпицентр исследования перенести в «сферу между» религией и политикой, в условную «середину», чтобы избежать как предельного разделения, так и их полного слияния в виде гражданской религии или религиозной идеологии. Это противоречие имеет свои истоки в стремлении религии стать политической для реализации божественных императивов, а политики – стать религией для подчинения людей своему порядку. По его мнению, такой союз религии и политического, ведущий к их совпадению, разрушает оба явления, поскольку попытка совместить две несводимые истины человека неизбежно губительна, что подтверждается опытом тоталитаризма XX века. Автор полагает, что если Ницше и другие философы объявили о «смерти Бога» и европейская элита с этим согласилась, то сегодня начинается эпоха «возвращения Бога» и, следовательно, нарастает конфликт между божественным от Бога и сложившимися на земле порядками, которые отнюдь не несут в себе божественного. Автор ставит вопрос о том, что демократия и религия, которые зарождались в соответствии с божественным, должны делать в свете назревающего сегодня конфликта, и приходит к выводу, что они «созданы для взаимопонимания и совместного выхода из очень трудного положения, поскольку и та, и другая имеют общую черту – чувство инаковости (или не-совпадения)». Будучи католическим христианским деятелем, в качестве медиационной альтернативы Бурден предлагает обратиться к авторитету голоса совести как основания.

Важное значение в контексте поиска срединного пути имеет статья доктора экономических наук, профессора, декана экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова А.А. Аузана. Он разрабатывает концепцию наличия в России двух культурных ядер: индивидуалистской России и коллективистской России, представленных разными регионами. Эта двухъядерность русской культуры, которая проявляется в разных сферах, но главным образом – в современной экономике. Это оригинальное продолжение основной идеи А.С. Ахиезера (1929–2008) о социокультурном расколе русской действительности. Предложенная Аузаном про-

грамма ЗД (долгосрочный взгляд, доверие большинству людей, договороспособность) носит медиационный характер, поскольку располагается между двумя ядрами и нацелена на стимулирование диалога между ними. Она отличается от альтернативы Ахиезера, т.к. сформулирована с учетом опыта краха перестройки и начала шельмования либерализма, а в произведениях Ахиезера, хотя и не просматривается вера в победу либеральной России, но он был уверен, что новая Россия родится, только встав на либеральный путь развития. Двухядерность – единственная сегодня научная концепция России, которая не только объясняет специфику социально-экономического развития страны через раскол и медиационные процессы, но и ставит вопрос о необходимости двух подходов к социологическим исследованиям российского общества.

В этом же ряду стоят статьи известных экономистов – заместителя главного редактора журнала «Теоретические проблемы экономики» Н.М. Плискевич и доктора экономических наук, профессора Е.В. Балацкого. Исследуя экономические идеи Полтеровича и Евстигнеевых, оба автора нацелены на объяснение *необходимости медиационного поворота в экономике России*. В частности, они, не принижая значимости рынка, обосновывают тезисы об акцентировании договороспособности государства и рынка в партнерской экономической деятельности, о развитии культуры доверия и т.д. И Аузан, и Балацкий, и Плискевич говорят, по существу о том, что в России нужна фундаментальная реформа: наряду с конкуренцией и рынком должен работать механизм договороспособности – между рынком и государством, производством и торговлей, производством и финансами, государством и обществом, центром и регионами. Программа медиационно мыслящих российских экономистов, по существу, совпадает с социально-экономической программой нобелевского лауреата по экономике Дж. Стиглица.

В настоящем номере журнала опубликованы также две статьи крупных социологов. Первая статья подготовлена авторским коллективом (С.В. Патрушев, Ю.Е. Островская, Л.Е. Филиппова, А.Х. Мариносян) под руководством заведующего отделом сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН С.В. Патрушева. Автор второй статьи – А.А. Мерзляков, руководитель Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН. Они посвящены самому, я считаю, трудному в социальных науках – теме соци-

ального диалога. Предварительное изучение темы показало, что определения социального диалога нет ни в российской научной литературе, ни в зарубежной. Но оно необходимо! Потому что, если в стране нет понимания необходимости иметь и развивать социальный диалог, т.е. диалог с собственным населением, то, следовательно, мы не будем знать как установить обратную связь с людьми и по каким социальным законам организовать управление людьми. Авторы первой статьи взяли на себя трудную миссию – выявить наиболее характерную черту, которая могла бы определять суть социального диалога. Авторы предложили отнести к социальному диалогу т.н. делиберативный диалог (т.е. диалог партнеров, в котором в той или иной форме участвует население), развивающийся на общем основании и нацеленный на достижение договоренности по поводу *меры совместности*. Автор другой статьи А.А. Мерзляков сделал второй шаг: он предложил исходить из того, что в стране существует утвержденный законом институт – трехстороннее соглашение, субъектами которого являются правительство РФ, работодатели и профсоюзы. Мерзляков предлагает включить (пусть и неформально) в этот механизм население как четвертое звено и «возложить ответственность» за это звено на социологов, которые массовыми опросами, исследованиями и другими средствами всегда смогут определить меру поддержки того или иного предлагаемого экономического или социального проекта. Через выявление меры поддержки, по существу, осуществляется самоопределение общества касательно этого проекта. Эта идея, на мой взгляд, может улучшить работу трехстороннего соглашения и может стать началом организации конструктивного социального диалога власти с населением.

Представлять мне свою статью нет смысла. Скажу только одно: она посвящена вопросам медиации как инструмента изучения социальной реальности. В какой связи? В связи с попыткой коллектива участников заседания секция № 4 «Проблемы медиации и диалога» вышеупомянутой научной конференции ответить на призыв программы конференции ввести относительно новые понятия «социально ориентированный индивид», «индивидуализация социального» и «социоиндивидуализм».

*Руководитель проекта
А.П. Давыдов*

DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-4-11-26
Оригинальная исследовательская статья
Original research article

Индивидуализм и коллективизм: два культурных ядра России

А.А. Аузан

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

Аннотация

В статье исследована проблема влияния коллективизма и индивидуализма как культурно-ценностных характеристик на институциональную систему страны. Исследования социокультурной специфики на региональном уровне демонстрируют наличие в России двух четко выраженных культурных ядер: индивидуалистской России (И-России), включающей мегаполисы, Урал, Сибирь и Дальний Восток, и коллективистской России (К-России), охватывающей остальные территории страны. Приверженность разным культурным моделям создает определенные проблемы для институционального строительства. И-Россия создает спрос на институты демократии и свободного предпринимательства, тогда как К-Россия ориентирована на институты социальной защиты и государственной поддержки. Противоречивость этих запросов приводит к формированию слабой институциональной среды и необходимости ручного управления со стороны власти. Но оба культурных ядра при условии медиации и диалога между ними могут способствовать модернизационным процессам. В качестве решения проблемы культурного раскола предлагается концепция трех «Д» (3Д): долгосрочный взгляд, доверие большинству людей и договороспособность. Особое внимание уделяется формированию долгосрочного взгляда как основы для развития доверия и способности к достижению договоренностей. Система 3Д направлена на преодоление разрыва между культурными ядрами путем налаживания эффективного диалога между носителями различных ценностных установок, что должно способствовать формированию коллаборативных институтов, обеспечивающих устойчивость социального и экономического развития.

Ключевые слова: социокультурная экономика, институциональная эффективность, социальное развитие, модернизация, культурный

код, ценностные ориентации, культурный раскол, доверие, договороспособность.

Аузан Александр Александрович – доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

auzan@inp.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6974-2289>

Для цитирования: Аузан А.А. Индивидуализм и коллективизм: два культурных ядра России // Философские науки. 2024. Т. 67. № 4. С. 11–26. DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-4-11-26

Individualism and Collectivism: Two Cultural Cores of Russia

A.A. Auzan

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract

The article discusses the influence of collectivism and individualism as cultural and value characteristics on the country's institutional system. Studies of sociocultural specifics at the regional level demonstrate the presence of two distinct cultural cores in Russia: individualistic Russia (I-Russia), which includes metropolitan areas, the Urals, Siberia, and the Far East, and collectivist Russia (C-Russia), covering the remaining territories of the country. Adherence to different cultural models creates certain challenges for institutional building. I-Russia generates demand for institutions of democracy and free enterprise, while C-Russia is oriented toward institutions of social protection and state support. The contradictory nature of these demands leads to the formation of a weak institutional environment and the need for manual control by the authorities. However, both cultural cores can contribute to modernization processes given mediation and dialogue between them. As a solution to the problem of cultural division, the concept of three D's (3D) is proposed: development of long-term perspective, development of social trust, and development of consensus-building capability. Special attention is paid to developing a long-term vision as a foundation for building trust and the capacity to reach agreements. The 3D system aims to bridge the gap between cultural cores by establishing effective dialogue between holders of different value systems, which should contribute to the formation of collaborative institutions ensuring sustainable social and economic development.

Keywords: sociocultural economics, institutional effectiveness, social development, modernization, cultural code, value orientations, cultural division, trust, consensus-building capability.

Alexander A. Auzan – D.Sc. in Economics, Professor, Dean of the Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University.

auzan@inp.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6974-2289>

For citation: Auzan A.A. (2024) Individualism and Collectivism: Two Cultural Cores of Russia. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 4, pp. 11–26. DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-4-11-26

Введение

Каждая страна имеет свой культурный код, сложившийся под влиянием религии, истории, языка, климата, других факторов. Культура влияет на экономическое развитие, хотя и не детерминирует его. Она может тормозить или стимулировать экономическое развитие, что позволяет трактовать совокупность социокультурных факторов как социальный и культурный капиталы. Исследованием этих процессов занимается социокультурная экономика, являющаяся перспективным направлением современной науки.

На благосостояние стран воздействуют не только технологии, наличие или отсутствие ресурсов, но и ценности, поведенческие установки, которыми руководствуются люди. Одной из принципиально значимых в этом аспекте характеристик общества служит соотношение коллективизма и индивидуализма, которое проявляется как в мировоззрении, так и в поведенческих моделях.

В методологию исследований глубинных культурных и ценностных оснований экономического поведения людей значительный вклад внесли нидерландский социолог Герт Хофстеде, предложивший систему показателей для сравнения ценностных ориентаций различных сообществ [Hofstede 1993; Hofstede 2001], и израильский социальный психолог Шалом Шварц, автор теории кросс-культурного анализа ценностей [Schwartz 2006; Schwartz 2014]. Указанные подходы на протяжении долгого времени составляют часть методологической базы отечественных исследований, а потому претерпели ряд дополнений и адаптаций, естественных и для развития науки в целом, и для отражения российских особенностей.

Согласно позиции Г. Хофстеде, индивидуализм проявляется в сообществах, в которых каждый заботится только о себе и ближайших родственниках. Однако, если говорить о нашей стране, то более репрезентативным оказывается иной ракурс. Советский и российский писатель Д.А. Гранин утверждал: «В России можно сделать очень многое, если не спрашивать разрешения». В этом, как нам видится, различия между индивидуализмом и коллективизмом прослеживаются особенно четко: если индивидуалист действует, не обращаясь за разрешением других лиц, то действие «идеального» коллективиста будет невозможным без санкции референтной группы или лица, в частности начальника, духовного авторитета, семьи.

Такая черта, на первый взгляд представляющаяся негативной, отнюдь не несет в себе коннотации слабости, неспособности принимать решения, а напротив, как это часто бывает, имеет сильную сторону, представляя собой социальное преимущество. Ю.М. Лотман писал о культурном архетипе «отдания себя», который проявляется в готовности пожертвовать, инвестировать в проект, идею, движение, город, страну [Лотман 1993], что и составляет в большей мере сущность коллективного.

В этом контексте практический и исследовательский интерес представляют следующие вопросы. Каково соотношение индивидуалистского и коллективистского в России? Является ли это соотношение уникальным по сравнению с другими странами мира? Как оно влияет на общество? Какие стратегии могли бы стать полезными для общественного развития?

Проблема усреднения данных

Согласно международным исследованиям [Green et al. 2005], Россия имеет медианные значения индивидуализма, несколько смещенные в направлении коллективизма. Такую оценку можно трактовать двумя способами: либо и индивидуалистские, и коллективистские черты проявляются в поведении каждого индивида, либо в стране живут разные люди. Полевые исследования об определении социокультурных факторов, влияющих на инновационные процессы, проведенные Институтом национальных проектов и Российской венчурной компанией в четырнадцати регионах с 2018 по 2020 год, дали неожиданные результаты [Антонов и др. 2019; Аузан и др. 2020; Брызгалин, Никишина 2020; Бахтигараева и др. 2021]. Один из «побочных» выводов оказался

принципиально важным для гуманитарной науки, для социально-философского осмысления нашего общества в целом.

Речь идет о фиксации двух культурных ядер, имеющих четкую географическую привязку: И-России (индивидуалистской) и К-России (коллективистской). К первой относятся все мегаполисы, Урал, Сибирь, Дальний Восток. Столицей российского индивидуализма выступает Сахалин. Развитие индивидуализма происходит, если человек отделяется от своей привычной общины, сообщества. Это может быть связано с релокацией: либо при переезде в большой город (чем больше город, тем сильнее разрушение такой «родовой» связности), либо в процессе поселенческого освоения новых земель. Чем дальше уходят люди, тем в большей степени они действуют, «не спрашивая разрешения». Развитие индивидуалистского сознания предполагает иной способ решения жизненных вопросов. В результате формируется спрос на новые институты, отличающиеся от эффективно работавших в обществе коллективистов.

Корни коллективистских институтов остались в двух видах: традиционном, т.е. в национальных республиках, и «самозащитном», т.е. во многих бедных районах. Например, в Дагестане нами обнаружена самая низкая дистанция власти, что определено именно коллективистским, клановым характером социума. Через родовые связи практически каждый индивид, гражданин чувствует свою близость к власти любого уровня, в том числе и федерального, на который ощущение сопричастности распространяется, скорее, подсознательно, чем в действительности. Коллективизм также силен в депрессивных регионах, поскольку обеспечивает условное «хеджирование», дает страховку в трудных ситуациях в виде заботы о близких, взаимной поддержки. На территориях, на которых разрушена прежняя экономика, люди выживают за счет взаимной поддержки. Более того, они не уезжают, поскольку боятся потерять ее, утратить т.н. кокон, в котором они способны обеспечить собственную жизнь и жизнь следующего поколения.

Коллективистская культура, несмотря на некую традиционность, не подразумевает обязательной ретроградности. Известен тот факт, что восточно-азиатские модернизации – это модернизации, основанные на коллективистских типах [Аузан, Келимбетов 2012]. Они были успешны, потому что использовали некоторые специфические особенности коллективистских

культур. Например, представители индивидуалистической культуры воспринимают необходимость общения с пятью-семью людьми как издержки. В восточной культуре такое общение воспринимается иначе. Мы понимаем, что на восточном базаре два часа люди находятся в диалоге, хотя один не собирается продавать, а второй не собирается покупать, т.е. речь идет о роскоши человеческого общения. В результате такой сдерживающий фактор, как издержки коммуникации, не работал при восточно-азиатской модернизации и позитивно сказался на экономических результатах.

Академик В.М. Полтерович в 2023 году сделал доклад, посвященный недостаткам общества конкуренции и достоинствам коллаборации [Полтерович 2023], в котором на основе расчетов индексов и дифференциации стран за определенные периоды выявил, что коллаборативные институты дают нарастающие преимущества. В этом докладе утверждалось, что можно говорить о т.н. счастливой семерке, в которую входят Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия, Исландия, Швейцария и Нидерланды. Перечисленные страны занимают лидирующие позиции в индексах удовлетворенности жизнью, качества жизни, уровня гражданской культуры и эффективности институтов. К ним приближены Австрия и Германия, институциональная система которых отличается от англосаксонской: институты в них основаны на других принципах, конкуренция признана, но отсутствует как доминанта [Полтерович 2022]. Институциональная система России оказалась далеко не самой эффективной именно вследствие описываемого культурного раскола по линии «индивидуализм – коллективизм». Наличие двухъядерной системы представляет собой существенную проблему для страны, особенно в аспекте управления и стратегической государственной политики.

Формирование индивидуалистских и коллективистских паттернов в России – результат сложного исторического процесса. Модернизация в нашем государстве эпохи правления Петра I принципиально иная, чем модернизация советского периода. Тем не менее коллективистское советское общество имело элементы индивидуализма, постепенно вызревало в формах институтов самоорганизации, что привело к перестройке и реформам 90-х годов XX века. Волна индивидуализма захлестнула общество, но ее доминирование опять-таки не приобрело тотального характера.

Помимо географического и исторического факторов, на выбор ценностей индивидуализма/коллективизма среди россиян

вливают социально-демографические характеристики, в отношении которых также наблюдается дифференциация. Например, у новоприбывших в мегаполис сохраняются еще бондинги, например в виде землячества, т.е. не утрачиваются К-характеристики. У тех, кто долго прожил и имеет опыт разнообразных бриджинговых взаимодействий, возрастает индивидуализм, уменьшается дистанция власти, снижается избегание определенности. Иными словами, можно говорить о некотором социально-историческом процессе и отсутствии непреодолимого разрыва катастрофического характера. Приведенный тезис подтверждается сравнением с мировыми данными и нашими региональными исследованиями, которые показали, что такие фундаментальные факторы как, например, религия, исторический опыт крепостного права, определяют различия на минимальном уровне. Нация сложилась, и поэтому описываемые различия все-таки остаются в рамках общей характеристики.

Ценностный разрыв и спрос на институты

Вместе с тем проблема «разорванных» стран науке ранее известна. Такие страны, подвергаясь экспансии мощного молодого Запада, отстаивали суверенитет за счет перехвата управленческой, военной, технологической культуры и в итоге обрели, согласно С. Хантингтону, два культурных ядра [Хантингтон 2003, 210–237]. О такой структуре можно говорить применительно к Японии в эпоху Мейдзи, России в период реформ Петра I, Мексике в годы революции (1910–1917), Турции во время кемалистских реформ.

Ценностные установки формируют спрос на институты. Без спроса со стороны общества даже формально созданные институциональные структуры останутся нерабочими [Аузан 2014, 132–133]. В основной части России отмечается низкий спрос на институты западного образца. Наблюдаются практики неформальных связей, решения проблем через знакомых, что считают нормальным для К-России.

Климатические условия, а значит, и особенности ведения сельского хозяйства, веками влиявшие на социальный уклад, вынуждали русских решать такие же задачи, что и у европейцев, но за вдвое более короткий срок. Этим вызвано и иное отношение к вероятности достижения результата и появлению уникальных культурно-цивилизационных категорий «авось» и

«небось», отражающих не только высокий уровень избегания неопределенности, но и готовность к крайнему риску. Сегодня это находит отражение в моделях финансового поведения: люди проявляют, с одной стороны, крайнюю консервативность и избегание рисков, с другой – склонность к очень высокому риску и участию в головокружительных авантюрах, поскольку «авось» да «небось» встроены в культурный код. На Востоке долгосрочная ориентация сочетается с маскулинностью, отсутствующей у нас. Поэтому необходимо искать путь модернизации по-русски, учитывая высокую дистанцию власти, избегание неопределенности, феминность, долгосрочную ориентацию и склонность к краткосрочной мобилизации.

Двухъядерная культура – культурно-цивилизационная характеристика. Византийская традиция, как известно, принципиально повлиявшая на развитие Руси, в отличие от западно-римской, оказалась устойчивой, поскольку сочетала европейский источник индивидуалистической культуры (греческое и римское наследие) и опыт Востока. Но каковы недостатки двухъядерной структуры? Основной из них заключается в том, что культура – это источник спроса на те или иные институты, те или иные системы правил и механизмы принуждения. Каждое из культурных ядер генерирует свой уникальный запрос. В результате такого разрыва в обществе проявляется пониженный уровень доверия, что создает принципиальную угрозу оптимальному развитию. По исследованиям французских экономистов [Algan, Cahuc 2014, 87], пониженный уровень доверия приводит к тому, что Россия теряет примерно треть валового внутреннего продукта на душу населения. Иными словами, если бы уровень обобщенного доверия в России был таким, как в Швеции, то показатель ВВП на душу населения превосходил бы текущий уровень на 69% (см. подробнее: [Аузан 2022, 136–155]).

Связано это с тем, что И-Россия предъявляет спрос на институты демократии, свободное предпринимательство, модернизацию. К-Россия предъявляет спрос на институты социальной защиты, перераспределения, государственной поддержки. Два сигнала поднимаются, происходит аннигиляция, и в результате рождается слабая институциональная среда, которая требует со стороны власти ручного управления, лавирования между К-Россией как политической опорой, основным источником электоральной поддержки и И-Россией как источником реали-

зации проектов развития. Это два мотора, каждый из которых способен обеспечить модернизацию, но которые в современных условиях, скорее, работают один против другого, а значит, необходимо искать пути медиации и диалога [Давыдов 2024]. В данном направлении уже известны некоторые достижения.

В поисках институциональной эффективности

На основе идей В.М. Полтеровича можно предположить, что существует пороговое условие эффективности того, чтобы все институциональные механизмы раскрывались и нормально функционировали, т.е. необходима культурная трансформация, конвергенция. Речь идет о некоем основании для развития диалога между И-Россией и К-Россией. Таким основанием нам представляется культура трех «Д» (ЗД) – долгосрочный взгляд, доверие большинству людей, договороспособность.

Для России, как, например, и для Франции, не очень характерен долгосрочный взгляд. Это, видимо, связано с многократными революциями, повторяющимися глубокими социальными потрясениями, из-за которых у людей формируется страх перед будущим, а значит, и защитный паттерн сохранения статус-кво, «короткий взгляд», и большая дистанция власти. Институциональный диалог при таких вводных оказывается затруднительным, поскольку выгоды кооперации чаще всего раскрываются именно в многоэтапном взаимодействии, что, конечно, требует долговременного планирования. Если в обществе доминируют ценности, ориентированные на долгосрочную перспективу, формируется реальный спрос на качественные институты, поскольку их создание требует долгосрочных инвестиций и готовности к издержкам.

Второй связанный фактор – доверие большинству. Мы опирались при этом на разработки французских экономистов Я. Алгана и П. Каюка, проводивших исследование того, как с 1930 по 2000 год изменялись измеряемые культурные характеристики по поколениям эмигрировавших в США, и сравнили их с соответствующими поколениями в странах исхода [Algan, Cahuc 2010]. Им удалось количественно доказать эффект воздействия культуры на экономику. Оказалось, что самый сильный действующий фактор – это доверие большинству, то, что социологически выглядит как положительный ответ на вопрос о том, «можно ли доверять большинству людей».

И, наконец, третий фактор – договороспособность. Доверие может быть устроено структурно по-разному. Каким образом

устроено доверие в К-России? Это бондинговый¹ социальный капитал, который условно раскрывается в том, что «омские» дружат против «красноярских», а все вместе дружат против «московских». Каким образом устроено доверие в И-России? Это в большей степени бриджинговое² доверие, не связанное со своими и чужими. Вместе с тем чрезвычайно высоки издержки достижения согласия, поскольку каждый считает свою идею правильной, а компромисс – проявлением слабости. Если все решилось компромиссом, все разошлись недовольными. Если все разошлись гордыми и довольными собой, то ничего не сделали. Двухъядерность культуры, возможно, служит ключом к пониманию недоговороспособности, носители И-ценностей и К-ценностей по-разному понимают обязательства. В индивидуалистической культуре механизм обеспечения обязательств связан или с поддержанием репутации, или с формальной институциональной структурой: правоохранительными органами, судами, адвокатами и т.п. В коллективистской культуре на первом плане находятся авторитеты. Эти механизмы плохо совместимы, поэтому возникает общее ощущение ненадежности.

Основная задача, которая ставится при разработке и внедрении системы 3Д, сводится к сближению двух культурных ядер, выстраиванию качественной коммуникации между носителями несочетаемых позиций и, как следствие, организации среды более эффективного общественного развития. Если практики и уровень доверия часто разнятся от сообщества к сообществу, то долгосрочный взгляд – это фундаментальная основа, общий знаменатель, от которого можно отталкиваться при трансляции системы 3Д. Он имманентен индивиду, осознавшему свою роль в связи поколений и принявшему тот факт, что он не является ни началом жизни, ни ее концом, но лишь продолжением.

Категория многопоколенности, воспринимаемая как ценность предков и будущих поколений, уважение к истории и стремление к светлому будущему, забота о старших и любовь к детям, актуальна и для коллективистов, и для индивидуалистов, носителей самых разных ценностных систем и политических взглядов. Именно к этому восходит изначально долгосрочный взгляд, из которого рождается доверие, а за ним и умение договариваться.

¹ Бондинговый – ограниченный определенным сообществом.

² Бриджинговый – формирующийся поверх социальных групп.

Иллюстрацией данного тезиса служит знаменитая «дилемма заключенного», в которой решается вопрос о том, «предать или не предать». Если это многоходовая игра, игра вдолгую, то нельзя предать, поскольку иначе проигрыш в следующих циклах неизбежен. Жизнь – это всегда игра вдолгую, а жизнь общества, государства, страны – еще дольше. Поэтому общий для И-России и К-России подход состоит в том, чтобы сформировать долгий взгляд.

Рассматривая более практические меры укрепления взаимопонимания между представителями двух культурных ядер в долгосрочной перспективе, стоит выделить федерализацию. Такая мера будет способствовать более четкому проявлению потенциалов, и за счет миграции люди могли бы отчетливее осознать особенности каждой из систем, которые сегодня размыты и сложно воспринимаются обыденным сознанием. Следующим шагом будет сшивание этих потенциалов как результат целенаправленной политики, ключевым механизмом которой послужит поддержка естественного процесса, наблюдающегося повсеместно, а именно – создание агломераций. Мегалополисы становятся центрами притяжения для близлежащих территорий, благодаря плотной среде имеют более высокую производительность и открывают многочисленные возможности. Через маятниковую миграцию людей из коллективистских регионов в индивидуалистские и через разделение труда будут возникать симбиозы И-России и К-России.

Еще одним естественным фактором, способствующим преодолению раскола между И-Россией и К-Россией, является цифровизация. Посредством нее возникает новая неожиданная возможность: она позволяет выявить арбитров из числа инфлюэнсеров, которых признает и та, и другая культура и к суждению которых будет прислушиваться как И-Россия, так и К-Россия, расширяя границы договороспособности.

Социальная работа в стратегии 3Д-структуры открывает поля для создания коллаборативных институтов между И-Россией и К-Россией, составляя сегодня предмет наших поисков и экспериментов в крупных компаниях. Начат трехлетний проект в Сбере, направленный на сдвиг в целом экосистемы (около 300 тысяч занятых) в направлении 3Д-культуры. Аналогичные консультации проводятся с Т-банком. Вопрос о методике измерения договороспособности является наиболее проблемным, в то время как вопросы о фиксации параметров доверия большинству и долгосрочного взгляда в целом решены.

Наблюдаются позитивные тенденции и в государственных институтах. Так, Центральный банк РФ и Минфин России поддержали предлагаемую Стратегию повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры граждан до 2030 года, которая принята Правительством РФ в октябре 2023 года и индикаторами в которой установлены увеличение длины взгляда, повышение доверия институтам и межличностного обобщенного доверия. Теперь это ответственность таких регуляторов, как ЦБ РФ и Минфин России, в рамках программы развития финансовой культуры в России.

Сегодня часто можно встретить мнение о том, что индивидуалистский тип культуры постепенно вытесняет коллективистский и что связано это с урбанизацией как глобальной тенденцией, характерной в том числе и для России. На наш взгляд, картина не настолько прозрачна, как это хотят представить, всегда можно обнаружить скрытые слои. Большинство российских городов относятся все-таки к К-России, однако существуют значительные различия между, например, Ростовом-на-Дону и Ростовской областью.

Процесс изменения пропорционального объема каждого из культурных ядер, скорее, колеблющийся, чем линейный. Можно утверждать, что урбанизация пополняет И-ядро. Вместе с тем мы вынуждены признать, что эмиграция 2022 года коснулась только И-России, это была в основном эмиграция из мегаполиса. К-Россия, наоборот, в этих же условиях получила значительный импульс для развития и укрепления. Зачем уезжать из регионов, если оборонная промышленность на подъеме, привлекательные рабочие места формируются, военные контракты оплачиваются? Поэтому и И-Россия, и К-Россия по-разному относятся к СВО. В частности, для И-России – это трагедия, кризис фронтальной кампании, отъезд коллег и родственников, а для К-России – это выход из тридцатилетнего забвения, экономический подъем, включение в мировой процесс борьбы добра и зла. Поэтому соотношение И-России и К-России не является константой. Это процесс, чувствительный к разного рода историческим факторам, пульсирующий [Аузан и др. 2022].

Заключение

Подводя итог, укажем несколько принципиальных в контексте настоящей работы тезисов. Усреднение показателей оценки ценностей в международных исследованиях приводит к формиро-

ванию неточного понимания реальных социально-культурных характеристик общества. Так, Россия, имеющая средние значения по шкале ценностей «индивидуализм – коллективизм», в действительности демонстрирует наличие двух принципиально различающихся, географически обособленных культурно-ценностных ядер: индивидуалистского – для мегаполисов и Зауралья, коллективистского – для остальной части России.

И коллективистское, и индивидуалистское общества способны обеспечить эффективный модернизационный процесс за счет выстраивания органичной институциональной структуры. Однако наличие двух ядер внутри одной страны негативно сказывается на общем уровне доверия и договороспособности. Кроме того, каждое из ядер генерирует противоречивые сигналы власти, что делает практически невозможным создание целостной институциональной системы, отвечающей интересам каждого ядра.

Разработана система ЗД, направленная на уменьшение культурно-ценностного раскола российского общества. С учетом особенностей исторического развития для россиян долгосрочный взгляд нехарактерен. Однако его формирование представляется ключевым фактором гармонизации общества, способствующим построению общественного доверия и укреплению договороспособности носителей самых разных ценностных систем.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Антонов и др. 2019 – Антонов Е.В., Аузан А.А., Брызгалин В.А., Вороненко В.А., Золотов А.В., Никишина Е.Н., Припузова Н.А., Трухачев С.А. Социокультурные факторы инновационной активности населения. – М.: Институт национальных проектов; Российская венчурная компания, 2019.

Аузан 2014 – Аузан А.А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014.

Аузан 2022 – Аузан А.А. Культурные коды экономики. Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. – М.: АСТ, 2022.

Аузан, Келимбетов 2012 – Аузан А., Келимбетов К.Н. Социокультурная формула экономической модернизации // Вопросы экономики. 2012. № 5. С. 37–44.

Аузан и др. 2020 – Аузан А.А., Бахтигараева А.И., Богданова А.А., Брызгалин В.А., Зельницкая Е.Н., Золотов А.В., Никишина Е.Н., Подругина В.П., Припузова Н.А., Ситкевич Д.А., Трушина В.С. Социокультурные факторы инновационного развития в условиях коронакризиса. –

М.: Институт национальных проектов; Российская венчурная компания, 2020.

Аузан и др. 2022 – Аузан А.А., Лепетиков Я.Д., Ситкевич Д.А. Колея и маятник: влияние лувшки предшествующего развития на динамику институциональных изменений // Вопросы теоретической экономики. 2022. № 1. С. 24–47.

Бахтигараева и др. 2021 – Бахтигараева А.И., Брызгалин В.А., Никишина Е.Н., Припузова Н.А. Социокультурные особенности регионов России: общее и различия // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2021. № 5. С. 29–51.

Брызгалин, Никишина 2020 – Брызгалин В.А., Никишина Е.Н. Существует ли региональная социокультурная специфика в России? Возможность использования социокультурного подхода в экономике // Вопросы экономики. 2020. № 7. С. 108–126.

Давыдов 2024 – Давыдов А.П. Медиация и конвергентная социальность. К теории социального диалога // Философские науки. 2024. Т. 67. № 2. С. 135–159.

Лотман 1993 – Лотман Ю.М. «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 3. – Таллин: Александра, 1993. С. 345–355.

Полтерович 2022 – Полтерович В.М. Конкуренция, сотрудничество и удовлетворенность жизнью. Ч. 1. Семерка европейских лидеров // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 2. С. 31–43.

Полтерович 2023 – Полтерович В.М. Доклад 1 // Закат общества конкуренции и коллаборативное преимущество: материалы заседания 21 января 2023 года / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: Новые печатные технологии, 2023. С. 18–42.

Хантингтон 2003 – Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: АСТ, 2003.

Algan, Cahuc 2010 – Algan Y., Cahuc P. Inherited Trust and Growth // American Economic Review. 2010. Vol. 100. No. 5. P. 2060–2092.

Algan, Cahuc 2014 – Algan Y., Cahuc P. Trust, Growth, and Well-Being: New Evidence and Policy Implications // Handbook of Economic Growth. Vol. 2 / ed. by P. Aghion, S.N. Durlauf. – Amsterdam: North-Holland, 2014. P. 49–120.

Green et al. 2005 – Green E.G.T., Deschamps J.-C., Páez D. Variation of Individualism and Collectivism within and between 20 Countries. A Typological Analysis // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2005. Vol. 36. No. 3. P. 321–339.

Hofstede 1993 – Hofstede G. Cultures and Organizations: Software of the Mind // Administrative Science Quarterly. 1993. Vol. 38. No. 1. P. 122–134.

Hofstede 2001 – *Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors and Organisations across Nations / 2nd ed.* – Thousand Oaks, CA: Sage.

Schwartz 2006 – *Schwartz S.H. Value Orientations: Measurement, Antecedents and Consequences across Nations // Measuring Attitudes Cross-Nationally – Lessons from the European Social Survey / ed. by R. Jowell, C. Roberts, R. Fitzgerald, G. Eva.* – London: Sage, 2006. P. 169–203.

Schwartz 2014 – *Schwartz S.H. National Culture as Value Orientations: Consequences of Value Differences and Cultural Distance // Handbook of the Economics of Art and Culture. Vol. 2 / ed. by V.A. Ginsburgh, D. Throsby.* – Amsterdam: North-Holland, 2014. P. 547–586.

REFERENCES

Algan Y. & Cahuc P. (2010) Inherited Trust and Growth. *American Economic Review*. Vol. 100, no. 5, pp. 2060–2092.

Algan Y. & Cahuc P. (2014) Trust, Growth, and Well-Being: New Evidence and Policy Implications. In: Aghion P. & Durlauf S.N. (Eds.) *Handbook of Economic Growth* (Vol. 2, pp. 49–120). Amsterdam: North-Holland.

Antonov E.V., Auzan A.A., Bryzgalin V. A., Zolotov A.V., Nikishina E.N., Pripuzova N.A., & Trukhachev S.A. (2019) *Sociocultural Factors of Population Innovation Activity*. Moscow: Institute for National Projects; Russian Venture Company (in Russian).

Auzan A.A. (2014) *Economy of Everything. How Institutions Determine Our Lives*. Moscow: Mann, Ivanov, and Ferber (in Russian).

Auzan A.A. (2022) *Cultural Codes of Economy. How Values Affect Competition, Democracy and the Welfare of the People*. Moscow: AST (in Russian).

Auzan A.A., Bakhtigaraeva A.I., Bogdanova A.A., Bryzgalin V.A., Zelnitskaya E.N., Zolotov A.V., Nikishina E.N., Podrugina V.P., Pripuzova N.A., Sitkevich D.A., & Trushina V.S. (2020) *Sociocultural factors of innovation development in the context of the corona crisis*. Moscow: Institute of National Projects; Russian Venture Company (in Russian).

Auzan A.A., Kelimbetov K.N. (2012) Sociocultural Formula of Economic Modernization. *Voprosy ekonomiki*. No. 5, pp. 37–44 (in Russian).

Auzan A.A., Lepetikov Y.D., & Sitkevich D.A. (2022) Path and Pendulum: The Influence of the Trap of Previous Development on the Dynamics of Institutional Change. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki = Issues of Economic Theory*. No. 1, pp. 24–47 (in Russian).

Bakhtigaraeva A.I., Bryzgalin V.A., Nikishina E.N., & Pripuzova N.A. (2021) Sociocultural Characteristics of Russian Regions: Common Features and Differences. *Moscow University Economic Bulletin*. No. 5, pp. 29–51 (in Russian).

Bryzgalin V.A. & Nikishina E.N. (2020) Is There a Regional Culture in Russia? Opportunities of Using a Sociocultural Approach in Economics. *Voprosy ekonomiki*. No. 7, pp. 108–126 (in Russian).

Davydov A.P. (2024) Mediation and Convergent Sociality: Toward a Theory of Social Dialogue. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 2, pp. 135–159.

Green E.G.T., Deschamps J.-C., & Páez D. (2005) Variation of Individualism and Collectivism within and between 20 Countries. A Typological Analysis. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 36, no. 3, pp. 321–339.

Hofstede G. (1993) *Cultures and Organizations: Software of the Mind. Administrative Science Quarterly*. Vol. 38, no. 1, pp. 122–134.

Hofstede G. (2001) *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors and Organisations across Nations* (2nd ed.). Thousand Oaks, CA: Sage.

Huntington S. (2003) *The Clash of Civilizations* (T. Velimeeva & Y. Novikov, Trans.). Moscow: AST (Russian translation).

Lotman Yu.M. (1993) “Contract” and “Self-Surrender” as Archetypal Models of Culture. In Lotman Yu.M. *Selected Articles in 3 Vols.* (Vol. 3, pp. 345–355). Tallinn: Alexandra (in Russian).

Polterovich V.M. (2022) Competition, Cooperation, and Life Satisfaction. Part 1: The Seven European Leaders. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 15, no. 2, pp. 31–43 (in Russian).

Polterovich V.M. (2023) Report 1. In: Tosunyan G.A. (Ed.) *The Decline of Competition Society and Collaborative Advantage: Materials of the Meeting of January 21, 2023* (pp. 18–42). Moscow: Novye pechatnye tekhnologii (in Russian).

Schwartz S.H. (2006) Value Orientations: Measurement, Antecedents and Consequences across Nations. In: Jowell R., Roberts C., Fitzgerald E., & Eva G. (Eds.) *Measuring Attitudes Cross-Nationally – Lessons from the European Social Survey* (pp. 169–203). London: Sage.

Schwartz S.H. (2014) National Culture as Value Orientations: Consequences of Value Differences and Cultural Distance. In: Ginsburgh V.A. & Throsby D. (Eds.) *Handbook of the Economics of Art and Culture* (Vol. 2, pp. 547–586). Amsterdam: North Holland.

Философия сотрудничества в институциональном проектировании: истоки, ограничения и перспективы

Е.В. Балацкий

*Центральный экономико-математический институт РАН,
Москва, Россия*

Аннотация

В статье раскрывается сущность философии сотрудничества как альтернативы конкурентным механизмам социального взаимодействия. Изложены аргументы относительно возможного широкого распространения новой философской установки институционального проектирования, проанализированы обоснованность и выполнимость. Для этого рассмотрена философская основа новой методологии, которая предполагает диалектическое единство двух сторон поведения человека – сотрудничество внутри социальной группы для обеспечения эффективной конкуренции с другой группой. Раскрыта биологическая основа феномена сотрудничества в контексте современной теории многоуровневого отбора; показано, что свойства сотрудничества и конкуренции распределены, как правило, по разным социальным уровням и что их пропорция постоянно колеблется в процессе адаптации к изменяющимся условиям. Предложена простая теоретическая схема для описания феномена сотрудничества, основанная на гипотезе зависимости уровня консенсусности принимаемых решений от агрессивности членов социальной группы, которая, в свою очередь, детерминирована экологической средой (внешним условием) и культурными установками (внутренним условием). Обсуждается перспектива широкого распространения философии сотрудничества для институционального проектирования в современном мире. С помощью анализа антропологических данных показано, что устойчивый мир между разными странами и культурами не представляется естественным явлением и требует целенаправленных усилий по преодолению врожденных поведенческих паттернов. Обосновывается возможность формирования нового мировоззрения на основе философии сотрудничества путем внедрения соответствующих культурных установок. Сделан вывод о том, что в ближайшей перспективе широкое распространение данной модели видится маловероятным вследствие обострения геополитической обстановки, ухудшения условий жизни,

и это ведет к росту агрессивности в обществе. Но такая задача выполняется на долгосрочной дистанции, достаточной для изменений биологической природы человека.

Ключевые слова: социальная философия, сотрудничество, конкуренция, гуманистическая культура, культурные установки, эволюция, агрессивность, антропология, институты, консенсус.

Балацкий Евгений Всеволодович – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории математической экономики Центрального экономико-математического института РАН.

evbalatsky@inbox.ru

<http://orcid.org/0000-0002-3371-2229>

Для цитирования: *Балацкий Е.В.* Философия сотрудничества в институциональном проектировании: истоки, ограничения и перспективы // *Философские науки.* 2024. Т. 67. № 4. С. 27–46.

DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-4-27-46

Philosophy of Cooperation in Institutional Design: Origins, Limitations, and Prospects

E.V. Balatsky

Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article explores the essence of cooperation philosophy as an alternative to competitive mechanisms of social interaction. The author presents arguments concerning the potential widespread adoption of this new philosophical approach to institutional design, analyzing their validity and feasibility. The philosophical foundation of this new methodology is explored through the lens of dialectical unity between two aspects of human behavior: cooperation within social groups to ensure effective competition with other groups. The biological basis of cooperation is examined within the framework of contemporary multilevel selection theory, demonstrating that cooperative and competitive traits are typically distributed across different social levels, with their proportions fluctuating continuously during adaptation to changing conditions. The article proposes a simple theoretical framework for describing the phenomenon of cooperation, based on the hypothesis that the level of consensus in decision-making depends on the aggressiveness of social group members, which is determined by both ecological environment (external condition) and cultural attitudes (internal

condition). The author discusses the prospects for the widespread implementation of the philosophy of cooperation in institutional design in the modern world. Through the analysis of anthropological data, it is shown that sustained peace among different nations and cultures is not a natural phenomenon and requires deliberate efforts to overcome inherent behavioral patterns. The possibility of cultivating a new worldview based on the philosophy of cooperation is substantiated through the integration of appropriate cultural attitudes. The conclusion drawn is that, in the near term, the widespread adoption of this model appears unlikely due to escalating geopolitical tensions and deteriorating living conditions, which lead to increased societal aggression. However, achieving this objective is feasible in the long term, allowing sufficient time for changes in the biological nature of humans.

Keywords: social philosophy, cooperation, competition, humanistic culture, cultural attitudes, evolution, aggressiveness, anthropology, institutions, consensus.

Evgeny V. Balatsky – D.Sc. in Economics, Professor, Chief Research Fellow of the Laboratory of Mathematical Economics, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences.

evbalatsky@inbox.ru <http://orcid.org/0000-0002-3371-2229>

For citation: Balatsky E.V. (2024) Philosophy of Cooperation in Institutional Design: Origins, Limitations, and Prospects. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 4, pp. 27–46. DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-4-27-46

Введение

В течение последних лет все более актуальной становится тематика, связанная с соотношением индивидуального и коллективного, конкуренции и сотрудничества. В этом контексте представлен цикл работ В.М. Полтеровича, в которых последовательно развивается т.н. *философия сотрудничества* применительно к экономическим, политическим и социальным аспектам жизни государства. С 2023 года эта тема оказалась в фокусе междисциплинарных и философских дискуссий. Результатом стала проведенная в мае 2024 года Отделением общественных наук РАН, Институтом социологии ФНИСЦ РАН, Институтом философии РАН и Институтом психологии РАН научная конференция «Индивидуализация и коллективизм в современном российском обществе». Цель ее – обсуждение современной специфики процессов индивидуализации и коллективизма в российском обществе

[Давыдов 2023, 143]. Некоторые из вопросов инициированной дискуссии уже нашли отражение в публикациях [Давыдов 2024]. Однако диалектика конкуренции и сотрудничества в экономических, политических и социальных подсистемах общества остается не до конца раскрытой. В связи с этим цель статьи состоит в рассмотрении взаимообусловленности механизмов конкуренции и сотрудничества, а также попытке предложить общую теоретическую модель сопряжения исследуемых явлений. Новизна авторского подхода проявляется в синтезе известных механизмов и фактов из разных наук, в т.ч. философии, экономики, антропологии и биологии.

Вопрос, требующий ответа в рамках настоящей статьи, состоит в следующем. Можно ли рассчитывать на то, что более гуманный, а порой и более эффективный, механизм сотрудничества станет тотальным или хотя бы массовым явлением для человечества? От ответа на него зависит многое, прежде всего наше отношение к философии сотрудничества: пессимистическое или оптимистическое, скептическое или полное надежд на лучшее.

Постановка проблемы

Чтобы конкретизировать когнитивные проблемы, которые перед нами ставит философия сотрудничества, рассмотрим кратко ее основные положения, не вдаваясь в детали ряда вопросов.

Дихотомия двух режимов функционирования социальных систем определяется следующим *сущностным* образом: взаимодействие нескольких участников будем называть *сотрудничеством* (*конкуренцией*), если отказ от взаимодействия любого из них не выгоден (выгоден) каждому из остальных [Полтерович 2016, 8]. В данном случае предполагается, что сотрудничество осуществляется свободно, т.е. отсутствует принуждение к нему одних участников со стороны других путем насилия; при конкуренции, наоборот, могут быть использованы разные виды давления на участника системы. Неудивительно, что сотрудничество выглядит как более щадящий, гуманный и перспективный институт, чем и предопределено повышенное внимание к нему со стороны теоретиков.

Вторым шагом в укоренении философии сотрудничества следует признать *географический феномен* существования группы стран, реализующих, как полагают некоторые исследователи, философию сотрудничества с положительными результатами

[Полтерович 2022а]. Выделяют семь малых стран (далее будем обозначать их как группу L7 – от Little 7), в которых системно реализуется философия сотрудничества: Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия, Исландия, Швейцария и Нидерланды. Эти страны занимают первые места по индексу удовлетворенности жизнью (индексу счастья) и одновременно выступают лидерами по интегральному индексу качества жизни, уровню гражданской культуры и эффективности институтов. Более того, группа стран L7 образует самостоятельный кластер, в котором каждая из них превосходит представителей других кластеров не только по удовлетворенности жизнью, но и по интегральному индексу [Полтерович 2022а]. Это служит весомым аргументом в пользу «исключительности» группы L7 и ее опыта построения современных институтов. Если это предположение верно, то из него следует, что традиционные предположения об эгоистической природе человека и конкуренции как главной движущей силе прогресса, лежащие в основе экономического мейнстрима и многих политологических конструкций, приводят к искаженным представлениям о важнейших тенденциях социально-экономического развития [Полтерович 2016]. Данные предрассудки восходят к научным дискуссиям времен Ч. Дарвина и Т. Мальтуса, которые укоренились в последующих научных генерациях экономического сообщества [Кирдина-Чэндлер, Холл 2017].

Третьим шагом в философии сотрудничества стал *исторический факт* снижения уровня принуждения, встроенного в механизмы власти и конкуренции, и увеличения роли сотрудничества на протяжении известной истории человечества. Это недвусмысленно наводит на мысль об объективном эволюционном доминировании институтов сотрудничества и позволяет на новом уровне обсуждать идею мира всеобщего благосостояния [Полтерович 2018]. Поскольку ситуация складывается именно так, то можно говорить об «угасании» феномена конкуренции по мере развития человеческих сообществ. Однако впоследствии было показано, что цивилизационный цикл принуждения, охватывающий временной период от палеолита до современности, имел два разнонаправленных тренда: к увеличению уровня насилия в глубокой древности по мере развития государственности и к его уменьшению в более поздний период. Данное обстоятельство, если и не отвергает становление институтов сотрудничества, то все же отодвигает его на более отдаленную перспективу [Балацкий 2019].

Четвертый шаг в философии сотрудничества ознаменован раскрытием ее логики с точки зрения улучшения всех параметров социальной системы. Например, феномен стран L7 нельзя системно объяснить относительно небольшой численностью и однородностью их населения, равно как и их малой площадью территории. Гораздо более убедительным и полным оказывается объяснение, опирающееся на понятие *коллаборативных преимуществ*, под которыми понимают относительно более развитые механизмы сотрудничества в экономической, социальной и политической сферах. Сегодня принято рассматривать следующие диалектические пары институтов: в экономической сфере – либеральные и скоординированные рыночные системы; социальной сфере – капитализм акционеров и стейкхолдеров; политической сфере – мажоритарные и консенсусные демократии. В каждой из перечисленных пар первый тип опирается преимущественно на конкурентные механизмы, второй – на механизмы сотрудничества; охват заинтересованных участников процесса в институтах сотрудничества представляется гораздо большим по сравнению с конкурентными институтами. Группа стран L7 активно совершенствует механизмы сотрудничества, и, как следствие, она в меньшей мере затронута кризисом конкурентных институтов, характерным повсеместно для западных сообществ [Полтерович 2022б; Полтерович 2021а; Полтерович 2021б]. Институты сотрудничества сегодня помогают преодолеть провалы рынка, государства и парламентской демократии [Полтерович 2015]. Тем самым философия сотрудничества выступает в качестве идеологического драйвера будущих прогрессивных реформ человечества.

Перечисленные факты недвусмысленно свидетельствуют о том, что философия сотрудничества является самостоятельной и мощной силой эволюции общества. Вместе с тем остаются вопросы и сомнения относительно универсальности этой гуманистической установки. Среди них ключевыми выступают следующие контраргументы. Первый: не исключено, что сегодняшний тренд в сокращении уровня принуждения и насилия в современных обществах является временным, и вскоре он снова сменится противоположным; столкновение Запада и Не-Запада в настоящее время, когда мир снова стоит на грани ядерной катастрофы, свидетельствует об отрицании философии сотрудничества на уровне геополитики, равно как и внутри политического истеблишмента во многих странах. Второй: не исключено, что позитивный опыт группы

стран L7 в построении институтов сотрудничества является лишь счастливым исключением и не пригоден для широкого масштабирования в мировой системе; потребность крупных государств в отстаивании своих национальных интересов и поддержании внутреннего порядка разворачивает их в направлении жестких централизованных решений и деспотических политических режимов [Дзоло 2010].

Если высказанные сомнения верны, то это ставит большой знак вопроса в отношении философии сотрудничества. Чтобы ответить на поставленные вопросы, необходимо разобраться, от чего зависит переход от конкуренции к сотрудничеству и обратно. Причем разобраться возможно только при обращении к современным результатам разных наук: биологии, антропологии и философии.

Философские основания институтов сотрудничества

Имеющиеся антропологические данные можно интерпретировать таким образом, что человеческая природа на генетическом уровне обладает диалектической оппозицией свойств «*миролюбие – агрессивность*» (иначе – «*сотрудничество – конкуренция*»). Суть последнего состоит в следующем: *внутригрупповая кооперация* и *сотрудничество* (эусоциальность) являются оборотной стороной *межгрупповой конкуренции* [Балацкий 2024]. Эта психическая амбивалентность возникла еще в эпоху палеолита, когда люди жили небольшими группами (25–30 человек) [Сакс 2022]. Кооперация внутри отдельной группы формировалась войной между группами или индивидами, а потому одно от другого неотделимо. Можно утверждать, что сотрудничество всегда носит отрицательную коннотацию в том смысле, что оно осуществляется *кем-то против кого-то*; само по себе оно не существует. Склонность к конфликту и недоверию между конкретными людьми и их группами укоренена в человеке на генетическом уровне. К тому же два диалектических качества сопрягаются по принципу взаимного уравнивания: сильной способности внутригрупповой кооперации соположен потенциал крайнего насилия в отношении внешних групп. Это означает, что конкуренция и война как феномены *не фатальны, а контекстуальны*, т.е. необязательно, чтобы они всегда были или постоянно случались, но они возникают, если индивидууму или группе что-то угрожает. Следовательно, ощущение *идентичности*, т.е. принадлежность к одной группе и

борьба с другой группой, является глубинной природой человека и находится в основе любой социальной агрессивности.

Изложенное имеет множество важных подтверждений. Так, применительно к бизнесу и экономике еще Ф. Фукуяма указывал на то, что страны и народы со слишком сильными семейными традициями преуспевают в малом и примитивном бизнесе, а государства с большим радиусом доверия способны создавать огромные национальные и транснациональные корпорации [Фукуяма 2004]. Расширение доверия от семьи до целой нации, как правило, связано с гомогенностью населения страны. Это качество в максимальной степени присуще немцам и японцам, однако оборотной стороной их национальной солидарности во время Второй мировой войны стала крайняя жестокость к врагам. Отчасти это детерминировано тем обстоятельством, что немцы и японцы представителей чужих народов даже не воспринимали в качестве полноценных людей, к которым можно было бы проявлять милосердие [Фукуяма 2004]. Таким образом, высокая солидарность нации в деловой сфере может переходить в военные зверства в периоды войн.

Другим хрестоматийным примером амбивалентности «миролюбие – агрессивность» («сотрудничество – конкуренция») служит стремление политиков при ухудшении внутреннего положения дел в стране искать внешнего врага. Если намечается распад национального единства вследствие ухудшения жизни, то нужно обрести внешнего врага для нового витка консолидации населения. Более того, на примере России широко известна закономерность, согласно которой наибольших успехов российская нация достигает в условиях войны и мобилизации в разных сферах. Можно даже утверждать, что исчезновение внешнего врага или ослабление военного противостояния во внешней сфере способны внести вклад в распад национального единства и разрушение государства. Нечто подобное произошло с Советским Союзом, который, достигнув в 70-е годы XX века военно-стратегического паритета с США, «успокоился» и в значительной степени потерял единство элит, партии и народа, что стало одной из весомых причин политического краха 1991 года. Альтернативный пример такого явления дает сегодняшний Израиль, который в последние 20 лет отчасти потерял внутреннее единство и теперь восстанавливает его после террористического вторжения группировки ХАМАС на свою территорию; к тому

же внутренняя консолидация израильтян идет на фоне бескомпромиссности и крайней жестокости на территории Палестины не только к непосредственным врагам, но и ко всем, кто стоит на пути к достижению победы [Балацкий 2024].

Однако главный и справедливый вывод, который делает Дж. Сакс из существования амбивалентности «миролюбие – агрессивность», состоит в том, что устойчивый мир между разными странами и культурами не является *естественным* явлением; наоборот, для его достижения требуются огромные усилия и рациональный поиск путей предотвращения войн [Сакс 2022]. В каком-то смысле природа человека противостоит миру во всем мире. И это «плохая» закономерность, с которой следует считаться. Фактически при следовании философии сотрудничества человек должен всячески культивировать одно свое естественное качество, сознательно подавляя другое, такое же естественное природное начало.

Биологические и эволюционные основы философии сотрудничества

Широчайшей темой социальных наук является тема об эгоизме и альтруизме. Эгоизм, как правило, ассоциируется с конкуренцией, а альтруизм – с сотрудничеством. Однако эти идеи фигурируют и в современной теории эволюции, которая приняла форму теории многоуровневого отбора и основывается на двух базовых положениях.

Первое: естественный отбор действует на двух уровнях – *индивидуальном*, на котором отбираются индивиды в ходе конкуренции и сотрудничества внутри социальной группы, и *групповом*, на котором отбираются наиболее жизнеспособные социальные группы в ходе конкуренции между собой за имеющиеся ресурсы. Второе положение: цель отбора – это не особь, а аллель – совокупность генов, определяющих ту или иную модель поведения особей. Указанное выше означает, что два уровня естественного отбора в определенной степени противостоят друг другу. Например, индивидуальный отбор может привести к триумфу вора, обеспечивающего себе беззаботное и комфортное существование, но его действия ослабляют социальную группу, и массовое укоренение такой модели поведения рано или поздно погубит общество. И, наоборот, героизм воина может привести к его гибели, но обеспечит победу его социальной группе в силовой

конкуренции, ее дальнейшее существование, поскольку, согласно известному биологу Э.О. Уилсону, выжившие члены общества и сохранившие в себе гены героизма будут плодиться и процветать. Итоговое правило отбора заключается в следующем: эгоисты побеждают внутри группы, но группы альтруистов одерживают верх над группами эгоистов [Уилсон 2019, 63]. Э. Уилсон сформулировал это в метафорической форме: индивидуальный отбор поддерживает грехи, а групповой отбор – добродетели [Уилсон 2019, 185]. Результат сопряжения приведенных двух разнонаправленных векторов естественного отбора создает внутренний конфликт в человеческом характере, который, в свою очередь, служит источником неиссякаемой креативности человечества [Уилсон 2019]. Попытка раз и навсегда отдать предпочтение философии сотрудничества и альтруизму может привести к творческому параличу наций и народов, что недопустимо.

Обратим внимание на то, что понятие выживания в теории многоуровневого отбора имеет расширительное звучание. Сохраняемой ценностью выступает не конкретный *индивид*, а продуцируемая им *модель* поведения и созидания, т.е. некая нематериальная конструкция. Нельзя не обнаружить глубинной аналогии с экономическими процессами, в которых передовые технологии и институты распространяются по всей системе. Их создатели и владельцы в большинстве случаев остаются неизвестными, или о них быстро забывают. Однако процесс диффузии технологий и институтов, продолжая биологические закономерности, подводит нас к пониманию важной истины: любая передовая технология (институт) не является самоцелью, поскольку со временем она будет заменена другой более современной технологией (институтом). Следовательно, технологии и институты, равно как и генетические аллели, служат лишь средством приспособления человечества к текущим условиям жизни и окружающей среды. Это означает, что сегодняшние институты, основанные на философии сотрудничества, завтра из-за кардинально изменившейся ситуации могут стать неэффективными и потребовать замены на сугубо конкурентные механизмы взаимодействия. Иными словами, «замораживание» институтов сотрудничества, как и конкурентных институтов, в долгосрочной перспективе будет деструктивным. В данном случае важным является то обстоятельство, что рассматриваемые две институциональные модели находятся в состоянии перманентной конкуренции друг с другом,

искусственное ограничение которой способно привести к их взрывной и разрушительной смене.

Следует также отметить, что институты и культура также подлежат взаимной адаптации. В обычном эволюционном процессе осуществляется своевременная «притирка» институтов к изменяющейся культуре. Если институты заметно отстают от культуры или при проведении реформ, наоборот, существенно обгоняют ее, то это чревато возникновением неэффективных институтов с образованием т.н. институциональных рубцов, наличие которых в большом количестве характерно для России [Плискевич 2023].

Стилизованная теория многоуровневого отбора не дает полного представления об эволюции, а значит, нуждается в уточнении. В действительности существуют не два уровня протекания процессов, а гораздо больше, даже бесконечно много. Семья, профессиональное сообщество, город, страна, религиозная конфессия, иные социальные градации образуют отдельные системы и сложным образом накладываются друг на друга. К тому же внутри каждого уровня одновременно действуют эгоистические и альтруистические модели поведения. В связи с этим смысл эволюционного процесса состоит в том, чтобы найти оптимальные пропорции между эгоизмом и альтруизмом на всех биологических и социальных уровнях человеческой популяции. Такая пресловутая оптимизация происходит в условиях постоянного колебания параметров экологической среды. Тем самым гибкость и подвижность пропорции между сотрудничеством и конкуренцией имеет самостоятельное значение в контексте выживания человечества.

Для понимания вреда, которое может нанести неуместная философия сотрудничества социальной группе, достаточно обратить внимание на любое силовое столкновение. При этом гораздо важнее быстрое и беспрекословное выполнение однозначных приказов, нежели поиск консенсуса в отношении сложных и неочевидных решений.

Общая схема взаимодействий: консенсус и агрессивность

Чтобы понять перспективы философии сотрудничества, попытаемся выполнить схематичное, но общее теоретическое построение. Для этого определим функцию консенсуса (K), которая задает зависимость коэффициента консенсуса в принятии определенных решений: $K = f[A(E, S)]$, где коэффициент K принимает значения

от 0 (никакие альтернативные мнения не учитываются) до 1 (учитываются все имеющиеся мнения); A – уровень агрессивности субъектов, участвующих в принятии решений; E – экологические (объективные) условия существования человеческой популяции (социальной группы); S – культурные (субъективные) установки членов популяции. Дихотомия институциональных режимов определена в таблице 1.

Табл. 1

Дихотомия институциональных режимов

Институциональный режим	Формальный признак	Наличие консенсуса
Сотрудничество	$K \approx 1$	Полный или почти полный (+)
Демократия	$0,5 < K < 1$	Частичный значительный (+/-)
Деспотия	$K < 0,5$	Частичный незначительный (-)

Из таблицы 1 видно, что демократия представляет собой частный случай частичного консенсуса, при котором меньшинство подчиняется большинству; деспотия предполагает незначительный консенсус внутри меньшинства, которое, в свою очередь, навязывает свою волю большинству. Тем самым границы между сотрудничеством и демократией, равно как и между демократией и деспотией, во многом размыты, но при определенной количественной зрелости они становятся вполне зримыми. Главный же тезис предлагаемой схемы состоит в том, что уровень консенсуса в определяющей степени зависит от агрессивности членов общества, которая при низких значениях способствует достижению договоренностей, при высоких – препятствует ему.

Правомерным будет предположить, что отрицательная агрессивность людей означает наличие такого качества, как дружелюбие или благорасположение друг к другу, а при достаточно выраженном дружелюбии (большем некоторой величины $|\epsilon| > 0$) можно говорить о возникновении альтруизма¹. Логика этого процесса представлена в таблице 2.

¹ Иногда в литературе используют понятия жесткого (неосознанного и не учитываемого субъектом) и мягкого (осознанного и учитываемого) альтруизма [Уилсон 2015, 227–229]. Последний выступает в качестве разновидности эгоизма. Здесь и далее данное деление не учитываем. Речь идет преимущественно о жестком альтруизме, хотя на окончательные выводы это не влияет.

Связь институтов и эмоций

Тип институтов	Условия реализации	Тип взаимодействия	Тип эмоции
Сотрудничество	$A < -\varepsilon$	Дружелюбие	Альтруизм
Конкуренция	$-\varepsilon < A < \varepsilon$	Толерантность	Эгоизм
	$A > \varepsilon$	Враждебность	

Из таблицы 2 следует, что сотрудничество становится возможным лишь при наличии альтруизма и недостижимым при крайних формах эгоизма, высокой агрессивности. Но, если это так, то все зависит от уровня агрессивности. Последний, в свою очередь, определяется внешними (окружающей средой) и внутренними (характером индивидов) факторами.

Рассмотрим данные антропологии и биологии, которые говорят о том, что свойство агрессии во всех существах является врожденным. Но его проявление строго контекстно, поскольку возникает лишь в случае угрозы для индивида или популяции. С учетом изложенной позиции ухудшение экологической ситуации в широком смысле слова, как ухудшение условий жизни, вызывает почти автоматическую агрессию. Например, большая часть агрессивных реакций у представителей одного и того же вида связана с уплотнением окружающей среды; более того, в таких случаях агрессия становится функцией от плотности популяции [Уилсон 2015, 159]. Вместе с тем ранее высказана мысль о том, что культура человечества служит результатом его эволюции, а значит, культурные установки также направлены на формирование агрессии, способной обеспечить выживание популяции в опасных условиях [Уилсон 2015]. В частности, Уилсон пишет: «Культура придает агрессии определенную форму и санкционирует единство ее проявления у всех членов племени» [Уилсон 2015, 173]. Следовательно, агрессивность зависит не только от условий существования, которые могут быстро и существенно изменяться, вызывая вспышки насилия, но и от культурных установок и приобретенных навыков, отвечающих за масштаб и форму насилия. Примеров множество. Приведем лишь два из них.

У современных бушменов Калахари практически нет насилия среди взрослого населения. Однако еще в начале XX века, когда плотность популяций бушменов была гораздо выше, а центральное правительство их почти не контролировало, количество убийств на душу населения среди этого племени соответствовало

уровню преступности в таких неблагополучных американских мегаполисах, как Детройт и Хьюстон [Уилсон 2015, 155]. Другой пример дает малайзийское племя сенои, миролюбивое на протяжении многих лет. В языке представителей этого племени даже отсутствовало слово «убийство»; сенои, подпавшие под рекрутирование в солдаты, не понимали, что они должны сражаться и убивать. Однако, когда коммунистические отряды убили родственников сенои, призванных в армию и выпавших из своего миролюбивого сообщества, то их охватило «опьянение кровью», вылившееся в череду перманентных и крайне жестоких убийств [Уилсон 2015, 156].

Проявление агрессии подчиняется т.н. культурному паттерну, в соответствии с которым рост или угасание агрессии в обществе относительно равномерно распространяется на все сферы возможного проявления. Так, изучение различных сообществ показало, что войны с присущим им ростом агрессии сопровождаются мощным развитием агрессивных видов спорта и иных более щадящих форм жестокой агрессии [Уилсон 2015, 162]. Тем самым замещения одних сфер с избыточной агрессией другими сферами не происходит; наоборот, высвобождающаяся агрессия стремится к тотальности. Этот факт особенно важен при сравнении с альтруизмом, нехватка которого во внешней сфере компенсируется его избытком во внутренней; агрессия же равномерно распространяется как внутрь, так и за пределы системы.

Рассмотренное выше подводит нас к пониманию того, что настроенность общества на философию сотрудничества в определяющей степени зависит от агрессивности членов общества, которая, в свою очередь, детерминируется условиями их жизни и культурными традициями. Скорее всего, это и можно считать ограничениями, которые стоят на пути широкого распространения философии сотрудничества, равно как мира во всем мире и государства всеобщего благосостояния.

Разумеется, выполненные выше построения носят гипотетический характер. Поэтому они особенно нуждаются в соотнесении с имеющимися фактами. Далее попытаемся выполнить подобное сравнение.

Обсуждение результатов: теория и эмпирика

Первый вывод, который продуцирует предложенная теоретическая схема, состоит в том, что проектирование институтов на

основе философии сотрудничества будет бессмысленным, если для этого нет объективных оснований в форме достойного уровня жизни населения (в используемых терминах – в благоприятных экологических условиях). В противном случае благие проективки превратятся в лозунги, на которые массы не будут реагировать. Соответственно, в периоды обострения геополитической обстановки, когда экономические войны и горячие конфликты ведут к ухудшению жизни людей, потенциал агрессивности и радикализма в обществе нарастает и препятствует становлению институтов сотрудничества. Иными словами, негативный экологический фактор в тяжелые времена перевешивает любое позитивное давление со стороны культуры, которая в подобные периоды стремится принять форму «культурного паттерна» по поддержанию воинственности населения.

Второй вывод заключается в том, что культура, несмотря ни на что, в долгосрочном периоде имеет огромное значение. Иллюстрацией к этому тезису служит обнаруженная закономерность, согласно которой распределение стран мира на группы с рыночными (западными) и нерыночными (не-западными) институтами детерминируется узким спектром климатических характеристик [Кирдина-Чэндлер 2018]. Для первых характерным является преобладание конкурентных механизмов саморегулирования в экономической, политической и социальной подсистемах (в виде рыночной экономики, федеративной политической структуры и индивидуалистической идеологии), для вторых – административных методов централизованного управления (в виде редистрибутивной экономики, унитарно-централизованной политической структуры и коммунитарной идеологии) [Кирдина-Чэндлер 2018]. Как оказывается, на территориях с относительно мягкими геотермальными характеристиками и невысокими рисками природных катастроф складываются государства с доминированием западных институтов, а на территориях с высокими перепадами в уровне осадков, температуры воздуха и высокими рисками природных катастроф преобладают централизованные (нерыночные) институциональные модели. В наших терминах это означает, что в странах с благоприятной экологией складываются рыночные (конкурентные) институты с характерным для них высоким социальным неравенством, которое при относительном избытке ресурсов не ведет к гибели значительной части населения и вместе с тем стимулирует конкурентные процессы. В странах же с небла-

гоприятной экологией рыночные институты способны привести к маргинализации больших масс населения и их последующей смерти из-за недостатка жизненно важных ресурсов. Именно поэтому в этой группе государств сформировались нерыночные (дистрибутивные) институты, которые сдерживают конкурентные процессы, искусственно сглаживают природные вызовы и за счет этого гасят потенциал протестной агрессии населения; в противном случае в указанных странах шла бы бесконечная война всех против всех. Представляется очевидным, что в основе дистрибутивных институтов находится идея социальной солидарности и сотрудничества, хотя бы и в зачаточной форме.

Таким образом, наличие в мировой системе стран с рыночными (конкурентными) и дистрибутивными (неконкурентными) институтами и механизмами служит примером того, как специфическая культура амортизирует негативную экологию и тем самым искусственно улучшает условия существования масс, стабилизирует социальную агрессию. Данный пример – лучшее подтверждение гипотезы Э. Уилсона о том, что культура сама является порождением эволюции, поскольку помогает выживать человечеству в неблагоприятных условиях [Уилсон 2015].

Далее перейдем к поставленным вопросам относительно возможности тиражирования опыта стран L7 в построении институтов сотрудничества. Проецируя на данные государства предложенную схему, можно утверждать следующее. Во всех этих странах были благоприятные экологические характеристики в широком смысле слова, включая достигнутый уровень жизни населения. Итак, первое условие для распространения философии сотрудничества выполнено. В контексте вопроса о культурной основе обратим внимание на то, что созданы уникальные условия для ее формирования и поддержания. Указанные страны вовлечены сегодня в орбиту влияния геополитического гегемона (США), что создавало для них основу безопасности; у них не было агрессивного соседа, который претендовал бы на их земли; послевоенный мир исключал столкновения внутри Западной Европы. Три страны из L7 до 2022 года включительно не находились в составе блока НАТО и тем самым не были напрямую вовлечены в гонку вооружений. Все это обеспечивало выполнение второго условия построения институтов сотрудничества. Такого сочетания экологических и культурных параметров почти нигде больше не наблюдалось. Этим и обусловлена уникальность про-

гресса стран L7. Однако конфликт на Украине привел к тому, что Финляндия в 2023 году, а Швеция в 2024-м вступили в НАТО, оказались в эпицентре геополитических событий. Уже сегодня можно предположить, что построенные при этом институты сотрудничества будут эволюционировать в направлении более жестких конкурентных режимов. Повторение опыта L7, возможно, и произойдет, но оно будет локальным и неприменимым к основным участникам геополитической системы.

Относительно возможного изменения тренда на сокращение уровня принуждения и насилия в современных обществах можно констатировать следующее. В краткосрочном периоде условия для распространения философии сотрудничества будут неблагоприятными, однако в долгосрочном – ситуация может измениться. По мере угасания влияния США и формирования многополярного мира многие страны будут все активнее экспериментировать со своими социальными моделями, что неизбежно приведет некоторых из них к построению институтов сотрудничества. В этом смысле фрагментация геополитической системы может благотворно сказаться на распространении философии сотрудничества. За пределами предполагаемого срока ничего определенного утверждать нельзя. Тем самым субъективная готовность властей и населения различных стран к введению новых моделей социального взаимодействия может привести к расширению практики проектирования институтов сотрудничества.

Заключение

Предложенная схема движущих сил институтов, основанных на философии сотрудничества, показывает, что главным фактором, ограничивающим ее распространение, является избыточная агрессивность членов общества. При повышенной агрессивности люди склонны конкурировать и воевать, а не искать компромиссы в сложных вопросах. Именно этот фактор был и будет историческим ограничителем философии сотрудничества. Можно ли преодолеть такое ограничение?

Согласно предложенным построениям, ответ на поставленный вопрос будет условно положительным. Условиями при этом выступают благоприятная экология (условия жизни) и гуманистическая культура (жизненные установки и ценности). Совершенствуя указанные две стороны жизни, можно создавать условия для более прогрессивных институтов взаимодействия, основанных

на философии сотрудничества. Однако трудность на этом пути состоит в непредсказуемости экологии и инерционности культуры, которая слишком сопряжена с биологической основой человека. В определенный момент внешние условия в любой стране могут резко ухудшиться и вызвать всплеск агрессивности в качестве реакции на необходимость выжить. Благотворное же действие культуры на нравы людей и снижение их агрессивности в обозримом временном интервале представляется крайне ограниченным, поскольку новые позитивные нормы поведения должны быть закреплены на генетическом уровне, что требует колоссального по нашим меркам времени. Чтобы выйти на желаемое изменение институциональной основы нашей жизни, нам необходимо изменить или хотя бы существенно скорректировать нашу биологическую основу. Этот тезис выглядит не слишком обнадеживающим, но именно ограничением биологической природы с помощью культуры человек и занимался всю историю своего существования. Так что свет в конце туннеля все-таки виден.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Балацкий 2019 – *Балацкий Е.В.* Общая теория социального развития и циклы принуждения // *Общественные науки и современность*. 2019. № 5. С. 156–174.

Балацкий 2024 – *Балацкий Е.В.* Этапы глобализации в истории цивилизаций // *Мир России*. 2024. Т. 33. № 3. С. 170–188.

Давыдов 2023 – *Давыдов А.П.* Индивидуализм и коллективизм как предмет социально-философского анализа (размышления в преддверии научной конференции «Индивидуализация и коллективизм в современном российском обществе») // *Философские науки*. 2023. Т. 66. № 4. С. 140–159.

Давыдов 2024 – *Давыдов А.П.* Медиация и конвергентная социальность. К теории социального диалога // *Философские науки*. 2024. Т. 67. № 2. С. 135–159.

Дзоло 2010 – *Дзоло Д.* Демократия и сложность: реалистический подход / пер. с англ. А.А. Калинина, Н.В. Эдельмана, М.А. Юсима. – М.: Изд. дом ГУ – ВШЭ, 2010.

Кирдина-Чэндлер 2018 – *Кирдина-Чэндлер С.Г.* Западные и незападные институциональные модели во времени и пространстве // *Вопросы теоретической экономики*. 2018. № 1. С. 73–88.

Кирдина-Чэндлер, Холл 2017 – *Кирдина-Чэндлер С.Г., Холл Д.* Кооперация versus конкуренция в трудах российских эволюционистов // *Journal of Institutional Studies / Журнал институциональных исследований*. 2017. Т. 9. № 1. С. 6–26.

Плискевич 2023 – *Плискевич Н.М.* Институциональные рубцы в «пограничных» обществах (Часть 2. Институциональные рубцы в

истории российской трансформации и изменения ценностных ориентаций) // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 1. С. 60–82.

Полтерович 2015 – *Полтерович В.М.* От социального либерализма – к философии сотрудничества // *Общественные науки и современность*. 2015. № 4. С. 41–64.

Полтерович 2016 – *Полтерович В.М.* Позитивное сотрудничество: факторы и механизмы эволюции // *Вопросы экономики*. 2016. № 11. С. 5–23.

Полтерович 2018 – *Полтерович В.М.* К общей теории социально-экономического развития. Ч. 2. Эволюция механизмов координации // *Вопросы экономики*. 2018. № 12. С. 77–102.

Полтерович 2021a – *Полтерович В.М.* Кризис институтов политической конкуренции, интернет и коллаборативная демократия // *Вопросы экономики*. 2021. № 1. С. 52–72.

Полтерович 2021б – *Полтерович В.М.* Коллаборативные иерархии // *Вопросы экономики*. 2021. № 7. С. 31–48.

Полтерович 2022a – *Полтерович В.М.* Конкуренция, сотрудничество и удовлетворенность жизнью. Ч. 1. Семерка европейских лидеров // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2022. Т. 15. № 2. С. 31–43.

Полтерович 2022б – *Полтерович В.М.* Конкуренция, сотрудничество и удовлетворенность жизнью. Ч. 2. Основа лидерства – коллаборативные преимущества // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2022. Т. 15. № 3. С. 42–57.

Сакс 2022 – *Сакс Дж.* Эпохи глобализации: география, технологии и институты / пер. с англ. Н. Проценко. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2022.

Уилсон 2015 – *Уилсон Э.О.* О природе человека / пер. с англ. Т.О. Новиковой. – М.: Кучково поле, 2015.

Уилсон 2019 – *Уилсон Э.О.* Смысл существования человека / пер. с англ. О. Сивченко. – М.: Альпина нон-фикшн, 2019.

Фукуяма 2004 – *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ. Д. Павловой, В. Кирющенко, М. Колопотина. – М.: АСТ; Ермак, 2004 .

REFERENCES

Balatsky E.V. (2019) General Theory of Social Development and Cycles of Coercion. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*. No. 5, pp. 156–174 (in Russian).

Balatsky E.V. (2024) Globalization Stages in the History of Civilizations. *Mir Rossii*. Vol. 33, no. 3, pp. 170–188 (in Russian).

Davydov A.P. (2023) Individualism and Collectivism as a Subject of Social-Philosophical Analysis (Reflections on the Eve of the Scientific Conference “Individualization and Collectivism in Contemporary Russian Society”). *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 66, no. 4, pp. 140–159 (in Russian).

Davydov A.P. (2024) Mediation and Convergent Sociality: Toward a Theory of Social Dialogue. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. 2024. Vol. 67, no. 2, pp. 135–159 (in Russian).

Fukuyama F. (2004) *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity* (D. Pavlova, V. Kiryushenko, & M. Kolopotina, Trans.). Moscow: AST (Russian translation).

Kirdina-Chandler S.G. (2018) Western and Non-Western Institutional Models in Time and Geographical Space. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki = Issues of Economic Theory*. No. 1, pp. 73–88 (in Russian).

Kirdina-Chandler S.G. & Hall J.B. (2017) Cooperation versus Competition in Works of Russian Evolutionists. *Journal of institutional studies*. Vol. 9, no. 1, pp. 6–26 (in Russian).

Pliskevich N.M. (2023) Institutional Scars in “Frontier” Societies (Part 2: Institutional Scars in the History of Russian Transformation and Changes in Value Orientations). *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki = Issues of Economic Theory*. No. 1, pp. 60–82 (in Russian).

Polterovich V.M. (2015) From Social Liberalism toward the Philosophy of Collaboration. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*. No. 4, pp. 41–64 (in Russian).

Polterovich V.M. (2016) Positive Collaboration: Factors and Mechanisms of Evolution. *Voprosy ekonomiki*. No. 11, pp. 5–23 (in Russian).

Polterovich V.M. (2018) Towards a General Theory of Socio-Economic Development. Part 2: Evolution of Coordination Mechanisms. *Voprosy ekonomiki*. No. 12, pp. 77–102 (in Russian).

Polterovich V.M. (2021a) Crisis of Institutions of Political Competition, Internet, and Collaborative Democracy. *Voprosy ekonomiki*. No. 1, pp. 52–72 (in Russian).

Polterovich V.M. (2021b) Collaborative Hierarchies. *Voprosy ekonomiki*. No. 7, pp. 31–48 (in Russian).

Polterovich V.M. (2022a) Competition, Collaboration, and Life Satisfaction. Part 1: The Seven of European Leaders. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 15, no. 2, pp. 31–43 (in Russian).

Polterovich V.M. (2022b) Competition, Collaboration, and Life Satisfaction. Part 2: The Fundament of Leadership – Collaborative Advantage. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 15, no. 3, pp. 42–57 (in Russian).

Sachs J.D. (2022) *The Ages of Globalization: Geography, Technology, and Institutions* (N. Protzenko, Trans.). Moscow: Gaidar Institute Press (Russian translation).

Wilson E.O. (2015) *On Human Nature* (T.O. Novikova, Trans.). Moscow: Kuchkovo pole (Russian translation).

Wilson E.O. (2019) *The Meaning of Human Existence* (O. Sivchenko, Trans.). Moscow: Alpina non-fiction (Russian translation).

Zolo D. (2010) *Democracy and Complexity: A Realist Approach* (A.A. Kalinin, N.V. Edelman, & M.A. Yusim, Trans.). Moscow: Higher School of Economics Publishing House (Russian translation).

Диалог индивидуального и социального как пространство синтеза социально-экономических теорий ценностной эволюции

Н.М. Плискевич

Институт экономики РАН, Москва, Россия

Аннотация

Современный этап социально-экономического развития с присущим ему ускорением научно-технических изменений остро ставит вопрос о сбалансированности трех важнейших компонентов: технологического, институционального, культурного. В этих условиях особенно значимы комплексные исследования общественных процессов, прежде всего их основного субъекта – человека, нахождение того сочетания его индивидуалистических и социально ориентированных устремлений, которое способствовало бы снятию кризиса, вызванного нарушением требований закона техно-гуманитарного баланса. Как полагает академик В.М. Полтерович, попытки разработки соответствующей этой задаче обобщенной теории социально-экономического развития на основе монокаузальных концепций не дают решения. В работе исследуются различные теоретические междисциплинарные подходы к решению этой задачи. Анализируется концепция Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста, в которой существенная роль отводится культуре и ценностным факторам в формировании институциональной структуры общества. Внимание уделяется теории В.М. Полтеровича о переходе от философии конкуренции к философии сотрудничества, предполагающей согласование индивидуальных интересов с общими задачами сообщества. Важное место в статье занимает анализ социологических исследований В.С. Магуна и М.Г. Руднева, которые выявляют существование группы населения, разделяющей «ценности роста» и сочетающей индивидуалистические устремления с социальной ответственностью. В статье также рассматривается теория экономической синергетики Л.П. и Р.Н. Евстигнеевых, предлагающая переосмысление традиционных экономических категорий с учетом антропологических, ценностных и социокультурных факторов. Концепция Евстигнеевых ориентирована на преодоление дихотомии между государством и рынком через рассмотрение их как составляющих более широкой системы Социума, включающей в себя множество взаимодействующих субъектов различного уровня, объединенных

коммуникативным пространством развития. Сделан вывод о том, что успешность социальных трансформаций зависит от достижения баланса между технологическим прогрессом и социокультурным развитием общества, что, в свою очередь, требует формирования нового типа социальных связей и коммуникативных пространств, развития медиационного типа мышления.

Ключевые слова: социальная философия, индивидуальное, коллективное, индивидуалистические ценности, социально ориентированные ценности, компромисс, философия сотрудничества, социокультурное развитие, коммуникативное пространство, междисциплинарные исследования.

Плискевич Наталья Михайловна – старший научный сотрудник Центра экономической теории социального сектора Института экономики РАН, заместитель главного редактора журнала «Вопросы теоретической экономики».

znplis@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0860-6229>

Для цитирования: *Плискевич Н.М.* Диалог индивидуального и социального как пространство синтеза социально-экономических теорий ценностной эволюции // *Философские науки.* 2024. Т. 67. № 4. С. 47–71. DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-4-47-71

Dialogue Between the Individual and the Social: A Framework for Synthesizing Socio-Economic Theories of Value Evolution

N.M. Pliskevich

Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The current phase of socio-economic development, characterized by accelerated scientific and technological change, urgently raises the question of balancing three crucial components: technological, institutional, and cultural. In this context, comprehensive studies of societal processes are particularly relevant, especially focusing on their primary subject – the individual – and identifying the optimal interplay between individualistic and socially oriented aspirations that can mitigate crises arising from imbalances between technological advancement and human values. As Academician V.M. Polterovich argues, attempts to develop a generalized theory of socio-economic development based on monocausal frameworks have proven inadequate. The article explores various interdisciplinary theoretical ap-

proaches to address this challenge. It analyzes the framework developed by D. North, J. Wallis, and B. Weingast, which emphasizes the significant role of culture and values in shaping societal institutional structures. Attention is also given to V.M. Polterovich's theory advocating a transition from a philosophy of competition to a philosophy of cooperation, which posits the reconciliation of individual interests with collective goals. The paper discusses the sociological research of V.S. Magun and M.G. Rudnev, which identifies a population segment embracing "growth values" that combine individualistic aspirations with social responsibility. Furthermore, the article considers the theory of economic synergetics proposed by L.P. and R.N. Evstigneev, which offers a reinterpretation of traditional economic categories by incorporating anthropological, value-based, and socio-cultural factors. The Evstigneevs' concept aims to transcend the dichotomy between state and market by viewing them as components of a broader societal system comprising numerous interacting agents at different levels, united by a communicative space of development. We conclude that successful social transformations hinge on achieving a balance between technological progress and sociocultural development, which, in turn, requires the formation of new types of social bonds and communicative spaces, and the cultivation of a mediation mindset.

Keywords: social philosophy, individual, collective, individualistic values, socially oriented values, compromise, philosophy of cooperation, sociocultural development, communicative space, interdisciplinary research.

Natalya M. Pliskevich – Senior Research Fellow, Center for Economic Theory of the Social Sector, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; Deputy Editor-in-Chief of *Issues of Economic Theory* Journal.
znplis@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0860-6229>

For citation: Pliskevich N.M. (2024) Dialogue Between the Individual and the Social: A Framework for Synthesizing Socio-Economic Theories of Value Evolution. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 4, pp. 47–71. DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-4-47-71

Введение

Новый этап научно-технического прогресса, в который вступил мир в XXI веке, с особой силой обострил проблему гармонизации трех компонентов этого процесса: технологического, институционального и культурного. Новые научно-технические достижения не только открывают перед человечеством невиданные ранее возможности, но чреваты и новыми рисками (как технологическими, так и социальными), грозящими самыми разными бедствиями.

Неслучайно в мире наблюдаются признаки опасного рассогласования компонентов техно-гуманитарного баланса, сформулированного еще в начале 90-х годов XX века как закон общественной жизни. Согласно этому закону устойчивость развития общества зависит от согласованности его технологического развития и уровня культурно-психологической регуляции социальных процессов [Назаретян 2017].

К сожалению, обычно в качестве ответа на такой технологический вызов ограничиваются требованиями по усвоению специфических инструментальных знаний, необходимых для работы в новых технологических условиях, овладению новыми навыками. Сегодня – это прежде всего навыки, связанные с цифровизацией производственной и быденной жизни. Однако очевидно, что всеобъемлющая и сложная проблема социокультурной регуляции не может быть ограничена сферой инструментальных знаний. Новый уровень технологического развития, создавая новые возможности коммуникации людей, требует и массового перехода к новому уровню социокультурной организации и самоорганизации. Этого же требует и сформулированный в рамках институциональной теории принцип согласованности динамики развития технологической, институциональной и культурной сфер жизни общества [Балацкий 2021].

Возрастающие в современном мире признаки роста социальной напряженности, выраженные, в частности, в разрастании конфликтов как внутри стран, так и между ними, в невозможности устоявшихся институциональных структур хотя бы смягчить эти конфликты, свидетельствуют о том, что рассогласование трех указанных компонентов достигает критического уровня. Эти процессы мы наблюдаем и в наиболее развитых странах, в которых казалось бы устоявшиеся социально-политические институты под напором популистских настроений масс могут оказаться в опасности. В еще большей опасности находятся общества т.н. догоняющего развития или проходящие сложный процесс постсоциалистической трансформации с их еще неустоявшимися институтами. Особенно опасной видится ситуация, при которой находящиеся у власти круги, получившие преимущества на каком-то промежуточном этапе развития (т.н. промежуточные выгодоприобретатели [Hellman 1998]), стремятся сохранить status quo, консервируя или даже ужесточая институты, поддерживающие выгодную для них ситуацию. Но такая

политика ужесточения институтов противоречит требованиям и разворачивающегося технологического прогресса, и объективно развивающегося вместе с ним общества. Иными словами, стратегически подрывает устойчивость общества в соответствии с законом техно-гуманитарного баланса.

Все это говорит о важности комплексных социокультурных исследований развивающихся общественных процессов, прежде всего их основного субъекта – человека. Становится очевидным, что человек, его особенности, ценностные ориентации, его приверженность индивидуалистическим или социально ориентированным принципам оказываются именно таким звеном, от качественных характеристик которого зависит и качество соотношения перечисленных компонентов социально-экономического развития. Поэтому столь важно выявить возможности синтеза усилий экономистов, естественно ориентированных на поиск путей ускорения экономического роста, и социологов, усилия которых сконцентрированы прежде всего на специфике ценностных ориентаций тех или иных сообществ, их культурных особенностях.

Разумеется, попытки синтеза различных дисциплин сталкиваются со многими препятствиями, возникающими в первую очередь из-за различий методологических подходов разных наук. Свою роль играют и различия задач, которые ставят перед собой в каждом конкретном случае и отдельные исследователи, и их группы. Но, думается, что сам предмет анализа – человек как сложный феномен – диктует необходимость постоянного диалога ученых, изучающих, с одной стороны, влияние ценностного мира людей на качество функционирующих в обществе институтов, с другой – воздействие этих институтов на эволюцию ценностного мира. Если даже при этом не состоится подлинно междисциплинарная гармония представителей разных наук, то вполне возможным представляется их взаимное обогащение в ходе такого диалога.

Именно заинтересованный диалог может помочь снять ряд существенных преград, разделяющих дисциплины, особенно на «стилистическом» уровне. Он способен подтвердить, что «отдельные области научного познания вполне могут “учиться” друг у друга» [Либман 2023, 45]. Это особенно важно в ситуации, как пишет В.М. Полтерович, в которой, по признанию ведущих дисциплинарных исследователей, их попытки построить полноценную теорию социально-экономического развития не удалась

и «в рамках монокаузальных подходов задача оказалась неразрешимой» [Полтерович 2022, 53].

Думается, что такой диалог вряд ли будет продуктивен, если в его основе окажется полемика о «первичности» изменений, происходящих либо в институциональной, либо в ценностной эволюции общества. Примером может служить относительно недавняя заочная полемика между такими ведущими представителями изучения ценностей, как Р. Инглхарт и К. Вельцель, и экономистами-институционалистами Д. Аджемоглу и Дж. Робинсоном. Сам принцип акцентирования внимания либо на ценностях, либо на институтах показал, что при таком подходе оказываются непроясненными многие аспекты взаимосвязи двух компонентов. Так, В.М. Полтерович утверждал, например, что методология Вельцеля не объясняет, за счет чего могут совершенствоваться гражданская культура и, соответственно, ценности при «плохих» институтах [Полтерович 2018а]. Аджемоглу и Робинсон часто не учитывают личностные факторы в объяснении ряда парадоксальных процессов, не соответствующих, например, господству экстрактивных институтов в СССР 30-х годов XX века и экономического роста указанного периода [Балацкий, Плискевич 2017]. Это лишь один из примеров полемики, не учитывающей всей сложности предмета исследования – общества и составляющих его людей. Сама эта сложность ориентирует на диалог дисциплин, в процессе которого открывается возможность более объемного подхода к предмету исследования.

На пути к диалогу: от институциональных структур к институциональной динамике

Ближе к идеям взаимодействия институционального и ценностного подхода стоит концепция Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста, получившая наибольшую известность благодаря их книге «Насилие и социальные порядки» [Норт и др. 2011]. Может быть, корни этого стоит искать в том, что соавторы являются представителями разных наук: институциональной экономики, экономической истории и политологии. К тому же Д. Норт всегда делал акцент на роли культуры, ценностных факторов в формировании институциональной структуры общества, особенно тех институтов, которые принято называть неформальными. Для него был важен набор социокультурных, ценностных качеств,

которыми обладают индивиды, как фактор успешности институционального строительства. Он неоднократно обращал внимание на важность расширенного определения того, как индивидуальные убеждения взаимодействуют с социальным контекстом, что «дает нам набор механизмов, при помощи которых культура и социальные институты более непосредственным образом проникают в объяснение экономических изменений» [Норт 2010, 61]. Норт пишет о том, что «культурное наследие формирует искусственную структуру (убеждения, институты, инструменты, технологии), которая не только играет существенную роль в определении непосредственных выборов, которые делаются игроками в обществе, но и дает нам ключи к динамическому успеху или поражению обществ во времени. В сущности, чем богаче искусственная структура, тем ниже степень неопределенности процесса принятия решений в некоторый момент времени» [Норт 2010, 61].

Поэтому для Норта и его коллег важнейшим направлением анализа было не описание институтов порядка открытого доступа и связанных с ними успехов, а исследование процессов того, как общества пришли к этим порядкам в процессе эволюции порядков ограниченного доступа. Чтобы безболезненнее преодолевать сложности такого пути, Д. Норт и его коллеги полагают более необходимым «помогать обществам с ограниченным доступом, чтобы их организации становились сильными и подчинялись правилам, нежели пытаться установить полностью открытую экономическую и политическую конкуренцию в обществах, где угроза насилия надолго консервирует систему порядков ограниченного доступа» [Норт и др. 2012, 33].

Вместе с тем Норта и его коллег упрекают в том, что в их книге «практически не обсуждается роль общих ценностей и убеждений (без которых проблематично достижение соглашений между разными группами в элитах и едва ли возможно функционирование организаций, способных контролировать соблюдение этих соглашений)» [Яковлев 2020, 60]. Разумеется, как признавали и авторы работы «Насилие и социальные порядки», в анализе они делали акцент именно на организациях, сложившихся в обществе и задающих вектор его социального развития. Однако из этого не следует, что они игнорируют социокультурный, ценностный контекст. Просто предполагается, что он «распылен» в обществе и в таком качестве действует на функционирование сложившихся в

нем организаций и институтов¹. Вместе с тем, говоря о пороговых условиях, необходимых для перехода к порядкам открытого доступа, Норт и его коллеги вводят такую важную составляющую сознания людей, пытающихся совершить этот переход, как убеждения. Это прежде всего те убеждения, которые они называют каузальными, «касающимися причинных связей между действиями и результатами в мире и вокруг нас»; то же, что обычно мотивирует, радует, злит и пугает людей, они считают данностью, индивидуальными предпочтениями [Норт и др. 2011, 78]. Поскольку основой пороговых условий перехода к порядкам открытого доступа в их теории оказывается обезличенность институтов, т.е. их существование, независимо от того, какая именно личность в данный момент возглавляет данный институт, то и к индивидуальным интересам и убеждениям они стремятся подходить обезличенно. Так, среди трех тезисов, выделенных ими в качестве главенствующих для организаций, второй гласит: «Социальные технологии структурирования организаций зависят от личности и идентичности индивидов внутри этой организации. Создать обезличенную, бессрочно действующую организацию, идентичность которой не зависит от идентичности ее членов, достаточно трудно. Но там, где это удается, происходит радикальное изменение самой возможности отношений между индивидами» [Норт и др. 2011, 430–431].

Полтерович: от «философии конкуренции» к «философии сотрудничества»

Основной пафос концепции Норты и его коллег состоит в выстраивании *концептуальных рамок* нового подхода к проведению общественно-научных исследований эволюции от порядков ограниченного доступа к порядкам открытого доступа как порядкам, обеспечивающим минимизацию насилия при решении социальных проблем. По сути, этим же пафосом пронизана концепция В.М. Полтеровича, в рамках которой эволюция общественных отношений видится как переход от философии конкуренции, предполагающей узко индивидуалистические устремления, борьбу «с нулевой суммой», включающую в себя и насилие в отношении

¹ Это можно трактовать и в качестве одного из примеров того, как конкретная задача исследования вынуждает к его «сужению», сведению к минимуму ценностного компонента во имя более четкого представления институционального.

контрагентов, к философии сотрудничества как взаимодействия, основанного на диалоге участников, согласовании их интересов с учетом индивидуальных интересов партнеров, но скорректированных с позиций их общих задач, обусловленных вхождением в то или иное сообщество. Переход к социально-экономической системе, основанной на сотрудничестве, объективно продиктован необходимостью минимизации неоправданных издержек, неизбежно возникающих в условиях жесткой конкуренции. Эти издержки по мере усложнения социальной реальности в современном мире резко возрастают [Полтерович 2018б].

Задача перехода от конкуренции к сотрудничеству особенно сложна для стран т.н. догоняющего развития. Крайне опасным является пренебрежение социокультурными возможностями общества и стремление внедрения в неподготовленную для этого социальную ткань институтов развитых сообществ. Такая практика неоднократно вела к провалам модернизации в постколониальный период [Эйзенштадт 2010], а при посткоммунистической трансформации – к существенным искажениям имплантируемых институтов и деформациям всей системы [Плискевич 2022; Плискевич 2023]. Поэтому в своих работах Полтерович особое внимание уделяет проблеме построения системы промежуточных институтов, способствующих, с одной стороны, социально-экономическому развитию, с другой – учитывающих возможности восприятия институциональных новаций в данном обществе (см. подробнее: [Полтерович 2007]). Он полагает, что такая система дает ответ на поставленный Нортом и его коллегами вопрос о том, «как улучшить социальную организацию, чтобы обеспечить увеличение выпуска, снижение уровня насилия, стабильную политическую систему и повышение уровня благосостояния граждан, при этом оставаясь в режиме ограниченного доступа» [Норт и др. 2012, 7]. Тем самым Полтерович вступает в конструктивный диалог с Нортом и его коллегами. В этом диалоге он утверждает: «В отличие от авторов монокаузальных теорий, я полагаю необходимым для объяснения социально-экономического развития рассматривать взаимовлияние институтов, гражданской культуры, технического прогресса и уровней благосостояния; целесообразно также учитывать географические факторы». Развивая свою концепцию, Полтерович подтверждает идею Норта и коллег о снижении роли насилия, которое «является атрибутом не только власти, но и конкуренции» [Полтерович 2018а, 23–24].

Анализируя процесс социально-экономического развития и сопровождающих его технологических изменений, Полтерович демонстрирует объективную необходимость усиления, особенно в современном мире, роли сотрудничества, координации, механизмов кооперации, «чтобы корректировать конкуренцию, “игру рыночных сил”. Повышение ответственности общества за неблагоприятные случайности, жертвой которых мог стать любой гражданин, ознаменовало начальный этап перехода к новому пониманию роли государства как посредника в горизонтальном сотрудничестве между гражданами» [Полтерович 2018б, 90]. Складываются ориентирующиеся на это новые формы государственного патернализма. К рубежу XX–XXI веков стало понятным, что «сотрудничество между предприятиями в целом приносит обществу больше пользы, нежели вреда. Возможно, что этому способствовало повышение гражданской культуры предпринимателей, осознание социальной ответственности бизнеса перед обществом» [Полтерович 2018б, 91].

Решающую роль в становлении институтов сотрудничества играет эволюция морали и гражданской культуры общества. Возвращаясь к концепции Норта и его коллег, дополним, что нормы и ценности могут поддерживаться «за счет организованного насилия, социального одобрения и осуждения или благодаря интериоризации (интернализации) норм. Принуждение путем насилия требует значительных затрат, а социальное одобрение или осуждение не всегда эффективно. Интериоризация норм честности и добросовестности снижает издержки сотрудничества» [Полтерович 2018б, 93]. В целом же успех развития институтов сотрудничества зависит от того, насколько эффективен будет баланс между культурой и институтами. По сути, Полтерович фактически формулирует требования закона техно-гуманитарного баланса, о котором говорилось в начале статьи.

Перспективы общественного развития он определяет следующим образом: «Вместо “конца истории”, будто бы наступающего в результате доминирования инклюзивных институтов или порядков открытого доступа, предлагаемая... теория предсказывает длительный процесс сокращения транзакционных издержек, порождаемых механизмами конкуренции и власти, при возрастании роли механизмов сотрудничества вследствие развития гражданской культуры и роста благосостояния, обусловлен-

Н.М. ПЛИСКЕВИЧ. Диалог индивидуального и социального как пространство...
ного технологическими и организационными инновациями» [Полтерович 2018б, 97–98].

Между тем в концепциях и Норта, и Полтеровича практически не отражена тема изменений самого человека, его ценностных предпочтений, связанных с качественными изменениями окружающей его социальной среды. Они видятся как, по сути, его естественная часть, хотя человек – ведущий субъект этого процесса, и от изменений в структуре его ценностей во многом зависит то, каким образом будут эволюционировать создаваемые им организации, возникнет ли новая институциональная структура, смягчающая или вообще исключающая возможности применения насилия при возникновении того или иного конфликта интересов. Необходим взаимозаинтересованный диалог, прежде всего экономистов и социологов. Представляется, что на его основе можно по-новому взглянуть на особенности и индивидуализма, и коллективизма, что предполагает отказ от крайностей в восприятии и одного, и другого из этих начал. В этой связи хотелось бы обратить внимание на две концепции (социологическую и экономическую), знакомство с которыми, возможно, заставит специалистов другой дисциплины по-новому взглянуть на собственные построения, внести в них новые элементы или получить подтверждения своим построениям в данных, полученных коллегами.

Ценности Роста как пример сочетания индивидуального и социального

Прежде всего рассмотрим один из аспектов анализа ценностных изменений современного европейского общества, в т.ч. российского, как вписывающегося в его общую картину, который проведен В.С. Магуном и М.Г. Рудневым в рамках Европейского социального исследования (ESS)². Авторами был использован анализ латентных классов как вариант латентно-структурного анализа, позволивший выделить в 2008 году ряд ценностных групп, показавших устойчивость на данных исследования ESS 2008, 2010, 2012 и 2018 годов³. Ценностные группы отличаются друг от друга по ценностным профилям (характерным ответам на вопросы о

² ESS проводится с 2000 года более чем в 20 странах Европы (Россия присоединилась к нему в 2006 году). Оно опирается на методологию Ш. Шварца по анализу изменений базовых ценностей [Schwartz 1994].

³ Такие расчеты по материалам обследования 2021 года еще не проведены.

ценностях шкалы Ш. Шварца). Для наглядности В.С. Магун и М.Г. Руднев расположили эти группы в пространстве объединенных (укрупненных) ценностей Шварца, формируемом двумя осями «Сохранение – Открытость изменениям» и «Самоутверждение – Забота о людях и природе» [Магун, Руднев 2021, 334–335]. И по одной, и по другой оси, как видно на рисунке, просматривается положение каждой из выделенных групп ценностей по отношению к полюсам либо индивидуалистических, либо социальных ориентаций.

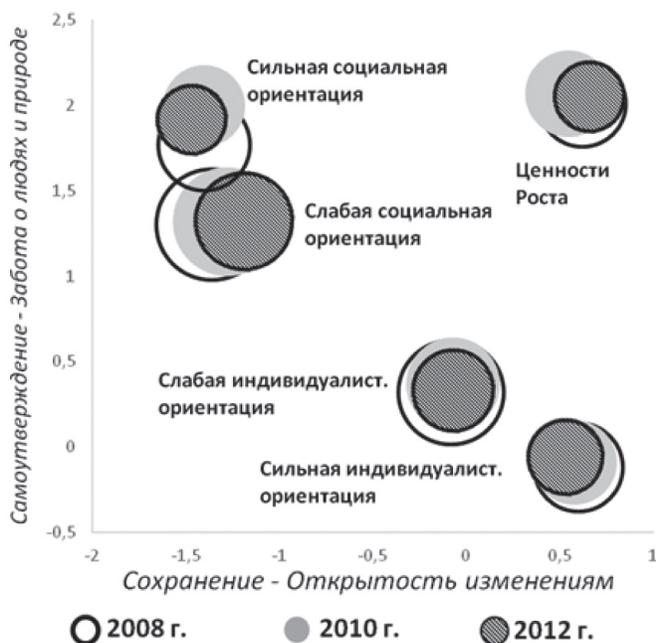

Рис. Ценностные классы европейского населения в пространстве ценностных осей Шварца (объединенная типология европейских стран по трем раундам ESS 2008–2012 годов; классы расположены в соответствии со средними значениями по каждой из ценностных осей) [Магун, Руднев 2021, 334].

В целом расчеты Магуна и Руднева показали, что мир ценностей европейцев характеризуется не страновыми различиями, а особенностями комбинации выделенных ими пяти ценностных групп. Оказывается, что в каждой стране ценностный мир ее жителей представляет собой различные комбинации этих ценностных групп. К тому же проводимые в течение не одного

десятилетия исследования ценностных структур европейских сообществ свидетельствуют об изменчивости этих структур и их соотношения. Поэтому сегодня «представления о неизменности базовых ценностей, присущих населению той или иной страны, постепенно уступает место вопросам о том, под влиянием каких факторов ценности могут меняться, какими темпами эти изменения происходят, какие ценности наиболее изменчивы или, наоборот, стабильны» [Магун 2023, 45]. Тем самым акцент смещается с изучения общества как стабильного в своих базовых ценностях к его анализу как подвижной, изменяющейся системы, при этом системы, являющейся частью глобального мира. Характерным является и то, что представители каждой из выделенных ценностных групп оказываются более «близкими по духу» представителям такой же группы из других стран, нежели жителям собственной страны, которые входят в другие ценностные группы.

Хотя в рамках исследования ESS 2021 года расчеты по пяти выделенным ценностным группам не завершены, но, как свидетельствуют общие данные, сегодня можно предположить, что тенденции, выявленные в 2018 году, по отношению к ценностным группам вряд ли существенно изменятся. Из складывающейся ситуации 2018 года следует, что в пространстве ценностей Шварца образована некая диагональ, которую составили две противоположности: носители, с одной стороны, сильно и слабо выраженной индивидуалистической ориентации, с другой – сильно и слабо выраженной социальной ориентации. Выстраивание этой диагонали (в ее составе, по данным ESS, оказываются примерно 80% европейского населения), по мнению Магуна и Руднева, служит свидетельством конфликтности отношений между носителями индивидуалистически и социально ориентированных ценностей, т.е. наблюдается конфликт «между ценностями благополучия других людей и ценностями собственной активности. Люди, ценящие заботу об окружающих и их благополучие, не ценят собственную активность, предпочитая действовать по внешним программам, а те, кто ценят самостоятельное действие, наоборот, равнодушны к окружающим» [Магун, Руднев 2021, 338]. Думается, этот вывод можно интерпретировать и как сигнал опасности в условиях разбалансировки технологического баланса вследствие быстрых технологических изменений и не успевающих за ними изменений институциональных и культурных.

Нельзя не обратить внимания еще на одну выделенную Магуном и Рудневым ценностную группу, названную ими Ценностями Роста. Входящие в нее одновременно в большей степени привержены и Открытости изменениям (одному из индикаторов индивидуалистических ценностей), и Заботе о людях и природе как индикатору социально ориентированных ценностей. Определяя этот набор как Ценности Роста, Магун и Руднев обращаются к идеям, связывающим экономический рост с потребностями человека в развитии и самоактуализации, с одной стороны, и учетом возможных потерь и вреда от реализации их начинаний – с другой.

По сути, выделенная группа носителей Ценностей Роста представляет собой сочетание устремлений, о котором, в частности, пишет и В.М. Полтерович, развивая идеи перехода от конкуренции к сотрудничеству. Носители этой группы ценностей не примыкают в Европе к господствующим и противостоящим друг другу индивидуализму и социальности, разместившись на ценностной диагонали, символизирующей конфликт индивидуального и социального начал. У них отсутствует конфликт между ценностями Заботы и Открытости при низкой значимости ценностей Сохранения и Самоутверждения, т.е. наблюдается индивидуалистическая ценностная ориентация личностей, при этом внутренне сбалансированная учетом в своих действиях и намерениях важности вписывания их в общие устремления окружающего социума.

В целом, согласно расчетам 2018 года, количество носителей Ценностей Роста в Европе пока невелико (около 20%). Но большинство из них составляют существенную часть населения наиболее развитых стран Европы: от 54% населения Швеции до 30% – Испании [Магун, Руднев 2021, 340]. Носители Ценностей Роста представлены и в России. Их мало, хотя это количество, пусть и медленно, но растет. Если в 2008–2014 годах к ним относили 4% населения, то в 2018 году цифра составила 8% [Магун, Руднев 2021, 348]. Нельзя не указать на важное изменение в ценностной картине российского общества, подтверждающее общую тенденцию быстрой эволюции базовых ценностных представлений населения нашей страны. Речь идет об изменении соотношения носителей преимущественно индивидуалистических и преимущественно социально ориентированных ценностей. По данным ESS, если в 2006 году соотношение социально и

индивидуалистически ориентированных групп населения составляло 49% к 46%, то к 2018 году оно изменилось на 38% к 54% [Магун, Руднев 2021, 348].

Если, по данным ESS 2021 года, пока нет расчетов по пяти укрупненным группам, то сведения о ситуации с составляющими их ценностными компонентами уже доступны. Разумеется, опрос, проведенный в 2021 году, не мог зафиксировать возможные ценностные изменения в российском обществе двух последних лет, особенно сложных. Хотя влияние предыдущего пережитого россиянами стресса, связанного с ковидом и сопутствовавшими ему ограничениями, в 2021 году можно было отследить. Относительно России приведенные данные подтверждают прежде всего выявленную ранее тенденцию на превалирование респондентов, придерживающихся индивидуалистических ориентаций, над теми, кто по-прежнему выступает сторонником социально ориентированных ценностей. Однако и внутри компонентов, составляющих индивидуалистические ценности, происходят существенные изменения. По данным ESS 2021 года, «ценности активного индивидуализма (гедонизм, риск-новизна, самостоятельность) стали более важными, а приверженность ценностям эгоистического индивидуализма (достижение и власть-богатство), наоборот, ослабла» [Магун 2023, 50]. Наблюдаются и противоположные тенденции в эволюции ценностей, входящих в общий блок Заботы о людях и природе. С одной стороны, растет альтруистический потенциал заботы о близких и окружающих людях (ценности благожелательности), с другой – ослабевает стремление заботиться о широком круге людей, не входящих в непосредственное окружение (ценности универсализма). При этом в 2006 году такая ценность в России была на низком уровне по сравнению с другими европейскими странами, и она продолжает снижаться [Магун 2023, 54].

Представляется, что изложенные результаты исследования эволюции ценностной картины российского общества необходимо учитывать при анализе возможностей преобразования его институциональной структуры как, с одной стороны, потенциала, открывающегося благодаря этим ценностным изменениям, а с другой – ограничений, обусловленных их современным состоянием. Изменение ценностной структуры – лишь один из аспектов единого процесса, дающий толчок более глубинным культурным изменениям, связанным прежде всего с формированием новой

гражданской культуры, отличающейся от прежней более осознанным, ответственным поведением и большинства граждан, и элитных слоев общества. Отметим, что Полтерович, развивая идеи перехода от принципов конкуренции к принципам сотрудничества, пишет о том, что этот переход предполагает необходимость широкого диалога в процессе поиска решений, пусть и не в полной мере устраивающих каждого из участников, но в итоге оказывающихся если не выгодными, то вполне приемлемыми для всех. Именно это может служить критерием достижения эффективного баланса между ценностями и культурой в целом, с одной стороны, и институциональной структурой – с другой.

Выделенные Магуном и Рудневым Ценности Роста, полагаем, в наибольшей степени соответствуют рассмотренным критериям. Нельзя не учитывать и того факта, что большинство населения современной Европы все еще концентрируется на выстроенной этими авторами ценностной диагонали как индикаторе противостояния индивидуалистических и социально ориентированных ценностных установок, которое ввиду их базовой противоположности чревато конфликтами и даже нарастанием насилия. То, как будут развиваться такие процессы, удастся ли смягчить в этом противостоянии наиболее крайние позиции, во многом будет зависеть от хода дальнейшей эволюции не только ценностных, но и институциональных структур.

Синергетический подход к проблемам экономического и ценностного развития

Указанные выше процессы важны не только для гармонизации общественной, в частности политической, жизни, усугубляющейся факторами новых рисков и неопределенностей, обусловленных ускорением научно-технических изменений. Не менее значимы они и для поиска новых стимулов экономического роста, от успехов которого, в свою очередь, зависят и успехи ценностной эволюции во всем мире. Поэтому при анализе проблем экономического роста следует учитывать социокультурный компонент – различие между индивидуалистическим поведением и поведением, также основанным на приверженности принципам свободы выбора, но вместе с тем и выбора социально ориентированного.

Такой подход в своей теории экономической синергетики предложили Л.П. и Р.Н. Евстигнеевы. Они исходят из представления о постоянном усложнении процессов в ходе технологического и

социального развития, взаимосвязей участвующих в нем не только изменяющихся объектов преобразующейся реальности, но и действующих в изменяющихся условиях людей как полноправных субъектов протекающих процессов. Поэтому предметом исследования должно стать системное единство объекта и субъекта, в котором роль субъекта приоритетна.

С этих позиций Евстигнеевы предлагают переосмыслить такую базовую экономическую категорию, как рынок, рассматривая его в качестве пространства развития. Согласно их интерпретации, рынок представляет собой механизм, обеспечивающий координацию и гармонизацию многообразных интересов участников экономических взаимодействий. Если на ранних этапах рыночные отношения ограничивались лишь экономической сферой, что позволяло теоретикам оперировать концепцией *homo economicus* как субъекта, руководствующегося исключительно экономической логикой, то современная действительность демонстрирует недостаточность изложенного подхода. Усложнение общественных отношений, взаимопроникновение различных сфер жизни приводят к тому, что экономическая рациональность уже не может быть рассмотрена в отрыве от политических, социальных, психологических и экологических факторов. Игнорирование этой многомерности делает невозможным достижение баланса интересов в современном обществе. Евстигнеевы пишут о том, что «речь идет о включении в систему социально-экономических структур духовного статуса индивида как неотъемлемой части физического и социального статусов. Это не проблема индивида как такового. Это проблема структуры социально-экономической системы» [Евстигнеева, Евстигнеев 2011, 46].

Рассмотрение человека как многогранного субъекта, интересы которого охватывают социальную, культурную и политическую сферы, позволяет по-новому взглянуть на проблему экономической рациональности, включив в нее духовно-нравственное измерение, поскольку именно духовность определяет границы свободы в рамках конкретной цивилизации. Данный подход открывает перспективы для разрешения дихотомии индивидуализации и социализации. Происходит переход от упрощенных линейных моделей к более сложным синергетическим конструкциям, в которых рыночные механизмы, обогащенные социальным содержанием, становятся инструментом достижения общественного консенсуса. При отсутствии такого обогащения возникает риск деградации

социальных процессов: социализация вырождается в агрессивную политизацию, а индивидуализация – в социальную атомизацию. В результате происходит разрыв исторической преемственности, и общество превращается в совокупность разобщенных индивидов, подчиненных государственному управлению.

Хотя описанные Евстигнеевыми высокие стандарты личностного развития пока не стали массовым явлением, характерным не только для России, но и для других стран, это не отменяет необходимости теоретического осмысления закономерностей общественной эволюции в контексте ускоряющегося технологического прогресса. Авторы формулируют концепцию новой либеральной ментальности, которая органически соединяет индивидуальную свободу в текущих и стратегических решениях с полной ответственностью за эти решения и перед собой, и перед обществом. В данном контексте наиболее полным выражением свободы становится осознанный выбор, а человек в таком синергетическом либеральном обществе неизбежно сталкивается с необходимостью нравственного самоопределения.

Предложенная Евстигнеевыми трактовка рыночных отношений как субъектных взаимодействий противостоит примитивному индивидуализму. Важно понимать, что подлинный либерализм, защищающий право личности на саморазвитие, не противоречит коллективным формам организации общества. В этой системе координат ментальность выступает как индикатор зрелости общества, отражающий степень гармонизации способа производства и образа жизни в их движении к социализации (политизации) и демократизации (индивидуализации). Особое значение приобретает демократизация как механизм раскрытия индивидуального потенциала через активное взаимодействие общества и государства. Такое понимание природы экономического субъекта позволяет преодолеть традиционную дихотомию государства и рынка: «реальность ставит нас перед необходимостью исследовать рынок и государство как целостную, нерасчлененную систему, далеко выходящую за рамки этой формулы» [Евстигнеева, Евстигнеев 2016, 30]. В концепции Евстигнеевых рынок и государство выступают как составляющие более широкой категории Социума – сложной системы, включающей в себя множество взаимодействующих субъектов различного уровня: от отдельных личностей до бизнес-структур, общественных объединений и государственных институтов.

Поэтому в концепции Евстигнеевых такие традиционные для экономического анализа категории, как капитал и доход, приобретают ментальную окраску. Она связана с ценностными особенностями субъектов социально-экономического действия, в устремлениях которых преобладают либо тенденции к постоянно-му совершенствованию, развитию, что сопряжено с капиталом как мотором созидательных сил, либо стремление к перераспределению имеющихся в обществе ресурсов и получению дохода, основанного на удаче в процессе этого перераспределения. Такое разграничение капитала и дохода как стимулов социально-экономической деятельности опирается на разграничение традиционно понимаемой индивидуалистической ментальности и ментальности, как ее представляют Евстигнеевы, подлинно либеральной, сочетающей в себе, с одной стороны, стремление к свободе, с другой – четкое представление об ответственности за свои действия и перед окружающими, и перед собственной совестью.

Именно с такой либеральной ментальностью как стремлением к свободному развитию, присущему и индивидуализму, но включенному в социальный контекст, предполагающему осознание ответственности за свои действия, соединяется у Евстигнеевых понятие капитала. Данное понятие трактуется в развитии, которое проходило в течение нескольких столетий, начиная с товарных и денежных форм, а затем с переходом к промышленному и, наконец, финансовому капиталу, понимаемому как системное единство всех указанных компонентов. Это понимание финансового капитала, обретающего в ходе исторического развития новое качество, занимает ключевое место в концепции Евстигнеевых и существенно отличается от трактовок, принятых со времен Р. Гильфердинга. Евстигнеевы признавали, что, по их наблюдениям, такая интерпретация финансового капитала «труднее всего воспринимается читателем» [Евстигнеева, Евстигнеев 2016, 164]. Но именно она открывает путь к теоретическому объединению традиционно экономических и ценностных, нравственных начал.

В концепции Евстигнеевых категория капитала получает новое, расширенное толкование, связанное с либеральной ментальностью как синтезом индивидуальной свободы и социальной ответственности. Их понимание капитала выходит за рамки традиционной экономической трактовки, прослеживая его эволюцию от простых товарно-денежных форм к сложному системному

единству, включающему в себя социальные и нравственные компоненты. В этой концепции капитал становится не просто экономическим ресурсом, а движущей силой развития, охватывающей все формы ресурсов, от финансовых до человеческих: «Добрые качества людей имеют наиболее глубокие корни в капитале» [Евстигнеева, Евстигнеев 2016, 67].

В противоположность капиталу, категория дохода в их теории приобретает иное смысловое наполнение. Она встраивается в последовательность «индивидуалистическая ментальность – доход – рентная экономика – бюджетная экономика», символизируя непроеизводительное использование ресурсов и экономическую стагнацию. Если капитал ассоциируется с развитием и нравственным прогрессом, то доход в их интерпретации связан с негативными тенденциями в экономике и обществе, характерными для кризисной ментальности, порожденной рентными отношениями и системой бюджетного перераспределения ресурсов. Однако Евстигнеевы не предлагают радикального отказа от существующей системы. Они видят решение в достижении баланса между полярными категориями «капитала» и «дохода», поэтому «главное назначение системы “капитал – доход” состоит в формировании механизма рыночной самоорганизации, вбирающей в себя и социальную эволюцию общества» [Евстигнеева, Евстигнеев 2011, 69].

Преодоление кризисных явлений в современном обществе находится не в плоскости простого увеличения капитальных вложений, а становится возможным через насыщение общества новой «социальной энергетикой», повышение «степени свободы выбора для экономических субъектов и, соответственно, их социального тонуса» [Евстигнеева, Евстигнеев 2016, 131]. Для реализации изложенного подхода необходимым становится формирование особого «коммуникативного пространства», внутри которого происходит органичное взаимодействие всех элементов социально-экономической системы: от отдельных личностей до государственных институтов, от абстрактных категорий рынка до конкретных проявлений менталитета, характерного для широких групп населения.

Заключение

Рассмотренные теоретические подходы, несмотря на различия дисциплинарных перспектив, объединяет стремление осмыслить проблему достижения баланса между технологическим, институциональным и культурным измерениями социального развития.

Как экономические концепции (Норт, Полтерович, Евстигнеевы), так и социологические исследования (Магун, Руднев) показывают, что ключевым фактором гармонизации становится человек с его ценностными ориентациями и способностью сочетать индивидуалистические и социально ориентированные устремления.

Становится очевидным, что успешность общественных трансформаций, направленных на достижение указанного баланса, во многом зависит от социокультурной зрелости общества, его способности к формированию новых типов социальных связей и коммуникативных пространств. Поэтому оказывается вполне своевременным вопрос о том, «не является ли дихотомия “культура – общество” через понятия “индивидуализация социального”, “социоиндивидуализм”, “социально ориентированный индивид” и “социокультурный диалог” некоторым развитием в понимании внутреннего мира как индивида, так и общества, раздвоенных между старым и новым, статикой и динамикой, традицией и инновацией, между исторически сложившейся культурой и нацеленным на инновационное развитие обществом» [Давыдов 2023, 156]. Социокультурная динамика развивается «в “сфере между” исторически сложившимися полюсами в мышлении и управлении: между охраной родового, традиционного, накопленного веками, с одной стороны, и командно-административной ограниченностью происходящих социальных реформ – с другой» [Давыдов 2023, 153].

Хотя нельзя отрицать и сложности, возникающие на этом пути. Это и сложности, обусловленные конкретной ситуацией, в которой оказывается человек. Неслучайно А.С. Ахиезер считал, что путь российского человека к либерализму лежит через развитой утилитаризм, через повседневные жизненные практики, или вынуждающие приспособляться к реальности, или открывающие перспективы свободного развития. Л.Д. Гудков пишет о том, что причины сложившихся стереотипов массового поведения в настоящее время исходят не из запросов людей, не из архетипов русской культуры, а из прагматизма массового поведения – «механизмов вынужденной или принудительной адаптации к требованиям государства». Он обращает внимание на следующее: «Стратегия “понижающей адаптации”, свойственная большинству российского населения, оказывается разрушительной для общества, нуждающегося в иллюзиях и вере в “доброе государство” как условия и основы терпения и социальной стабильности» [Гудков 2022, 153, 160].

Это тревожные тенденции, особенно если вспомнить мысль Ахиезера о том, что отставание в освоении медиационного типа мышления, предполагающего отход от крайностей как индивидуалистического, так и коллективистского начал, т.е. отставание от требований, диктуемых нарастанием усложнения идущих в обществе изменений, приводит к «снижению социального эффекта решений, к росту инфантильности, что порождает нарастание дезорганизации» [Ахиезер 1998, 519]. Мы сталкиваемся с комплексной проблемой, связанной с типом мышления: «Экстенсивность – это логика мышления, специфика культуры, порождающей в критической ситуации насилие в бесконечно разнообразных формах. Его преодоление не является “исторической необходимостью”. Всегда есть возможность упадка, дезорганизации. Возможность преодоления экстенсивности заключается в развитии способности превращать кризис, вызванный неэффективностью, в источник энергии для выхода на новый качественный уровень решений» [Ахиезер 2008, 336]. Эти возможности скрыты именно в развитии самого человека. Неслучайно Евстигнеевы трактовали его ментальность как важнейшую экономическую категорию, определяющую качество социальной энергетике развития и экономического роста [Евстигнеева, Евстигнеев 2011, 179].

И шанс на такой импульс, вызванный кризисом системы, не поспевающей за все ускоряющимся ходом технологических изменений, открывается с эволюцией от архаичных форм индивидуализации и социализации к их современному синтезу в мире свободно развивающихся социально ответственных личностей. Этому, в частности, способствует формирование государственных институтов, предполагающих и укрепление структур, направленных на развитие человека, и расширение возможностей организации диалога индивида как с государством, так и с разными группами общества для достижения взаимоприемлемого результата.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ахиезер 1998 – Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта: в 2 т. Т. 2. Теория и методология. Словарь. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.

Ахиезер 2008 – Ахиезер А.С. Человек в поисках полноты бытия // Ахиезер А.С. Труды: в 2 т. Т. 2. – М.: Новый хронограф, 2008. С. 11–283.

Балацкий 2021 – Балацкий Е.В. Принцип согласованности в теории социального развития // Terra Ecomomicus. 2021. Т. 19. № 1. С. 36–52.

Балацкий, Плискевич 2017 – Балацкий Е.В., Плискевич Н.М. Экономический рост в условиях экстрактивных институтов: советский

парадокс и современные события // Мир России. 2017. Т. 26. № 4. С. 97–117.

Гудков 2022 – *Гудков Л.Д.* Инерция государственного патернализма и его последствия // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 5. С. 153–161.

Давыдов 2023 – *Давыдов А.П.* Индивидуализм и коллективизм как предмет социально-философского анализа (размышления в преддверии научной конференции «Индивидуализация и коллективизм в современном российском обществе») // Философские науки. 2023. Т. 66. № 4. С. 140–159.

Евстигнеева, Евстигнеев 2011 – *Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н.* Новые грани ментальности. Синергетический подход. – М.: URSS, 2011.

Евстигнеева, Евстигнеев 2016 – *Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н.* Стратегия экономического развития России. Теоретический аспект – М.: URSS, 2016.

Либман 2023 – *Либман А.М.* Междисциплинарные исследования и смешанные методы: перспективы и ограничения // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 3. С. 35–48.

Магун 2023 – *Магун В.С.* Эволюция базовых ценностей российского населения, 2006–2021 годы // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 44–58.

Магун, Руднев 2021 – *Магун В.С., Руднев М.Г.* За пределами «человека советского»: россияне в европейской ценностной типологии // Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя / под ред. К. Рогова. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 325–353.

Назаретян 2017 – *Назаретян А.П.* Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании. – М.: Аргамак-Медиа, 2017.

Норт 2010 – *Норт Д.* Понимание процесса экономических изменений / пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана. – М.: Изд. дом ГУ – ВШЭ, 2010.

Норт и др. 2011 – *Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / пер. с англ. Д. Уэланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.

Норт и др. 2012 – *Норт Д., Уоллис Дж., Уэбб С., Вайнгаст Б.* В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности / пер. с англ. М. Дондуковского, Е. Леонтьевой. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2012.

Плискевич 2022 – *Плискевич Н.М.* Институциональные рубцы в «пограничных» обществах и эволюция человеческого потенциала (Часть 1. Институциональные рубцы) // Вопросы теоретической экономики. 2022. № 3. С. 130–143.

Плискевич 2023 – *Плискевич Н.М.* Институциональные рубцы в «пограничных» обществах (Часть 2. Институциональные рубцы в истории российской трансформации и изменения ценностных ориентаций) // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 1. С. 60–82.

Полтерович 2007 – Полтерович В.М. Элементы теории реформ. – М.: Экономика, 2007.

Полтерович 2018а – Полтерович В.М. К общей теории социально-экономического развития. Часть 1. География, институты или культура? // Вопросы экономики. 2018. № 11. С. 5–26.

Полтерович 2018б – Полтерович В.М. К общей теории социально-экономического развития. Часть 2. Эволюция механизмов координации // Вопросы экономики. 2018. № 12. С. 77–102.

Полтерович 2022 – Полтерович В.М. На пути к общей теории социально-экономического развития: к синтезу двух канонов // Вопросы теоретической экономики. 2022. № 1. С. 48–57.

Эйзенштадт 2010 – Эйзенштадт Ш. Срывы модернизации // Неприкосновенный запас. 2010. № 6. С. 42–67.

Яковлев 2020 – Яковлев А.А. Поиск институциональных решений через призму истории // Общественные науки и современность. 2020. № 2. С. 57–63.

Hellman 1998 – Hellman J. Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transition // World Politics. 1998. Vol. 50. No 2. P. 203–234.

Schwartz 1994 – Schwartz S.H. Are There Universal Aspects in the Structure and Contents of Human Values? // Journal of Social Issues. 1994. Vol. 50. No. 4. P. 19–45.

REFERENCES

Akhiezer A.S. (1998) *Russia: Critique of Historical Experience. Vol. 2: Theory and Methodology. Dictionary*. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf (in Russian).

Akhiezer A.S. (2008) Man in Search of the Fullness of Being. In: Akhiezer A.S. *Works* (Vol. 2, pp. 11–283). Moscow: Novyy khronograf (in Russian).

Balatsky E.V. (2021) The Principle of Consistency in the Theory of Social Development. *Terra Economicus*. Vol. 19, no. 1, pp. 36–52 (in Russian).

Balatsky E.V. & Pliskevich N.M. (2017) Economic Growth Under Extractive Institutions: The Soviet Paradox and Current Events. *Mir Rossii*. Vol. 26, no. 4, pp. 97–117 (in Russian).

Davydov A.P. (2023) Individualism and Collectivism as a Subject of Social-Philosophical Analysis (Reflections on the Eve of the Scientific Conference “Individualization and Collectivism in Contemporary Russian Society”). *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 66, no. 4, pp. 140–159.

Eisenstadt S.N. (2010) Modernization Failures. *Neprikosnovennyi zapas*. No. 6, pp. 42–67 (in Russian).

Evstigneeva L.P. & Evstigneev R.N. (2011) *New Facets of Mentality: Synergistic Approach*. Moscow: URSS (in Russian).

Evstigneeva L.P. & Evstigneev R.N. (2016) *Strategy of Economic Development of Russia: Theoretical Aspect*. Moscow: URSS (in Russian).

Gudkov L.D. (2022) The Inertia of State Paternalism and Its Consequences. *Journal of the New Economic Association*. No. 5, pp. 153–161 (in Russian).

Hellman J. (1998) Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transitions. *World Politics*. Vol. 50, no. 2, pp. 203–234.

Libman A.M. (2023) Interdisciplinary Research and Mixed Methods: Prospects and Limitations. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki = Issues of Economic Theory*. No. 3, pp. 35–48 (in Russian).

Magun V.S. (2023) The Evolution of Basic Values of the Russian Population, 2006–2021. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie issledovaniia*. No. 12, pp. 44–58 (in Russian).

Magun V.S. & Rudnev M.G. (2021) Beyond the “Soviet Man”: Russians in the European Value Typology. In: Rogov K. (Ed.) *The Dismantling of Communism. Thirty Years Later* (pp. 325–353). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (in Russian).

Nazaretian A.P. (2017) *Nonlinear Future. Megahistory, Synergetics, Cultural Anthropology and Psychology in Global Forecasting*. Moscow: Argamak-Media (in Russian).

North D. (2010) *Understanding the Process of Economic Change* (K. Martynov & N. Edelman, Trans.). Moscow: HSE Publishing House (Russian translation).

North D., Wallis J., & Weingast B. (2011) *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History* (D. Uelaner, M. Markov, D. Raskov & A. Raskova, Trans.). Moscow: Gaidar Institute Press (Russian translation).

North D., Wallis J., Webb S., & Weingast B. (2012) *In the Shadow of Violence: Lessons for Societies with Limited Access to Political and Economic Activity* (M. Dondukovsky & E. Leontyeva, Trans.). Moscow: HSE Publishing House (Russian translation).

Pliskevich N.M. (2022) Institutional Scars in “Borderline” Societies and the Evolution of Human Potential (Part 1: Institutional Scars). *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki = Issues of Economic Theory*. No. 3, pp. 130–143 (in Russian).

Pliskevich N.M. (2023) Institutional Scars in “Borderline” Societies (Part 2: Institutional Scars in the History of Russian Transformation and Changes in Value Orientations). *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki = Issues of Economic Theory*. No. 1, pp. 60–82 (in Russian).

Polterovich V.M. (2007) *Elements of the Theory of Reforms*. Moscow: Ekonomika (in Russian).

Polterovich V.M. (2018a) Toward a General Theory of Socio-Economic Development. Part 1: Geography, Institutions or Culture? *Voprosy ekonomiki*. No. 11, pp. 5–26 (in Russian).

Polterovich V.M. (2018b) Towards a General Theory of Socio-Economic Development. Part 2: The Evolution of Coordination Mechanisms. *Voprosy ekonomiki*. No. 12, pp. 77–102 (in Russian).

Polterovich V.M. (2022) On the Way to a General Theory of Socio-Economic Development: Towards a Synthesis of Two Canons. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki = Issues of Economic Theory*. No. 1, pp. 48–57 (in Russian).

Schwartz S.H. (1994) Are There Universal Aspects in the Structure and Contents of Human Values? *Journal of Social Issues*. Vol. 50, no. 4, pp. 19–45.

Yakovlev A.A. (2020) The Search for Institutional Solutions Through the Prism of History. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*. No. 2, pp. 57–63 (in Russian).

Понятие социального диалога: типологизация подходов и проблемы концептуализации

С.В. Патрушев¹, А.Х. Мариносян², Ю.Е. Островская¹, Л.Е. Филиппова¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

²Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

Аннотация

Статья посвящена проблеме концептуализации социального диалога как механизма взаимодействия между различными социальными субъектами и инструмента социального развития. Изначально социальный диалог ассоциировался с трудовыми отношениями, однако современные социальные изменения требуют расширения сферы его применения и институционализации. В работе представлены философские основания диалога, которые закладывают фундамент для его понимания как способа достижения взаимопонимания и создания новых смыслов. Теории организационного диалога предлагают конкретные стратегии и методики ведения эффективного диалога. Авторы рассматривают также подходы делиберативного управления и делиберативной демократии, что позволяет осмыслить диалог в более широком политическом и социальном контексте. Анализ ключевых проблем концептуализации социального диалога требует определения субъектов диалога, его целей и предмета, условий эффективности. Выделяются и анализируются различные типы социального диалога: трансформационный, консенсусный, познавательный-инновационный и мониторинговый. Каждый тип рассматривается с точки зрения его потенциала и ограничений в решении различных социальных задач. В статье поставлены и вопросы о границах применимости диалогических подходов, их соотношении с другими формами социального взаимодействия и управления. Авторы обсуждают проблемы демаркации между сферой социального диалога и областью административного управления, вопросы интеграции диалогических процессов в существующие управленческие структуры. Рассмотрены также вопросы о роли государства в социальном диалоге, балансе между формальными и неформальными механизмами диалога. В заключении подчеркивается необходимость междисциплинарного подхода к изучению социального диалога. Авторы аргументируют, что социальный диалог может стать эффективным инструментом преодоления разрыва между личностными устремлениями и коллективными интересами, способствуя социоиндивидуальной конвергенции.

Ключевые слова: социальная философия, социоиндивидуальный синтез, социальная конвергенция, гражданское участие, гражданское общество, социальная коммуникация, социальное развитие, медиация конфликтов, делиберативное управление, делиберативная демократия, организационный диалог, трансформационный диалог.

Патрушев Сергей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, руководитель отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН.
patrushev1947@inbox.ru
<https://orcid.org/0009-0004-9638-2943>

Мариносян Андреас Хачатурович – аспирант Московского городского педагогического университета.
a.marinosyan@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0577-2360>

Островская Юлия Евгеньевна – младший научный сотрудник отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН.
julia.ostrovskaya@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-0515-555X>

Филиппова Людмила Евгеньевна – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития РФ.
ludmila_filippova@hotmail.com
<https://orcid.org/0009-0006-5608-8007>

Для цитирования: Патрушев С.В., Мариносян А.Х., Островская Ю.Е., Филиппова Л.Е. Понятие социального диалога: типологизация подходов и проблемы концептуализации // *Философские науки*. 2024. Т. 67. № 4. С. 72–98. DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-4-72-98

Understanding Social Dialogue: Typology of Approaches and Problems of Conceptualization

S.V. Patrushev¹, A.K. Marinosyan², J.E. Ostrovskaya¹, L.E. Filippova¹

¹Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

²Moscow City University, Moscow, Russia

Abstract

The article addresses the issue of conceptualizing social dialogue as both a mechanism of interaction among various social actors and as an instrument of social development. While social dialogue was initially associated with labor relations, contemporary social changes necessitate expanding its scope and institutionalization. The paper presents the philosophical foundations of dialogue, which establish the groundwork for understanding it as a means of achieving mutual understanding and creating new meanings. Organizational dialogue theories offer specific strategies and methodologies for conducting effective dialogue. The authors also explore deliberative governance and deliberative democracy approaches, enabling the comprehension of dialogue within a broader political and social context. Analysis of key conceptualization issues in social dialogue requires defining its participants, objectives, subject matter, and conditions for effectiveness. Various types of social dialogue are identified and analyzed, including transformational, consensus-based, cognitive-innovative, and monitoring dialogues. Each type is examined in terms of its potential and limitations in addressing different social challenges. The article also raises questions about the boundaries of the applicability of dialogical approaches and their relationship with other forms of social interaction and governance. The authors discuss the demarcation between the realm of social dialogue and administrative management, as well as the integration of dialogical processes into existing managerial structures. Issues regarding the role of the state in social dialogue and the balance between formal and informal dialogue mechanisms are also considered. In conclusion, the article emphasizes the need for an interdisciplinary approach to the study of social dialogue, arguing that it can serve as a powerful tool for bridging the gap between individual aspirations and collective interests, thereby fostering socio-individual convergence.

Keywords: social philosophy, socio-individual synthesis, social convergence, civic engagement, civil society, social communication, social development, conflict mediation, deliberative governance, deliberative democracy, organizational dialogue, transformational dialogue.

Sergey V. Patrushev – Ph.D. in History, Associate Professor, Leading Research Fellow, Head of the Department of Comparative Political Studies, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

patrushev1947@inbox.ru
<https://orcid.org/>

Andreas K. Marinosyan – Ph.D. Student, Moscow City University.
a.marinosyan@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0577-2360>

Julia E. Ostrovskaya – Junior Research Fellow, Department of Comparative Political Studies, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

julia.ostrovskaya@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-0515-555X>

Liudmila E. Filippova – Ph.D. in Political Science, Leading Research Fellow, Department of Comparative Political Studies, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Department of Humanities and Social Sciences, Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation.

liudmila_filippova@hotmail.com

<https://orcid.org/0009-0006-5608-8007>

For citation: Patrushev S.V., Marinosyan A.K., Ostrovskaya J.E., & Filippova L.E. (2024) Understanding Social Dialogue: Typology of Approaches and Problems of Conceptualization. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 4, pp. 72–98.

DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-4-72-98.

Введение

Социальный диалог как один из механизмов взаимодействия между различными индивидами, общественными группами и институтами играет ключевую роль в социальном развитии. Традиционно концепция социального диалога рассматривалась преимущественно в контексте трудовых отношений: она описывала трехстороннее взаимодействие между государством, работодателями и профсоюзами. Эта модель, хотя и доказала свою эффективность в сфере регулирования трудовых отношений, оказывается недостаточной для описания более широкого спектра социальных взаимодействий в современном обществе.

Актуальность темы социального диалога обусловлена рядом факторов. Во-первых, усиливающаяся фрагментация общества и кризис классических идеологий требуют пересмотра традиционных моделей представительства интересов. Во-вторых, цифровизация и технологизация общественной жизни создают новые платформы для социального взаимодействия, изменяя характер и динамику диалога. В-третьих, глобальные вызовы, такие как растущее неравенство и военные конфликты, требуют новых форм социального сотрудничества и консенсуса.

Таким образом, необходима разработка более гибкой концепции социального диалога, которая могла бы охватить различные формы социального взаимодействия за пределами сферы трудовых отношений. Эта концепция должна учитывать сложившиеся культурные ценности, роль неинституционализированных акторов, новые формы социальной мобилизации и коммуникации, изменяющиеся потребности и интересы индивидов.

Цель настоящей статьи – представить некоторые концепции, которые могут стать источниками для формирования теории социального диалога, предложить типологию подходов к определению оснований будущей теории, обозначить ключевые проблемы концептуализации. Систематизация существующих подходов призвана указать пути поисков концепции социального диалога. В перспективе теория социального диалога должна стать частью, как формулирует А.П. Давыдов, «интегративной социоиндивидуальной модели, способствующей синергетическому развитию всех компонентов социальной системы» [Давыдов 2024, 156].

Прежде чем приступить к анализу проблематики собственно социального диалога, целесообразно раскрыть теоретические подходы, которые могут послужить основой для его концептуализации. Хотя эти теории не являются собственно теориями социального диалога, они предоставляют ценные инструменты для понимания и описания социального диалога как явления. Рассмотрение этих теорий позволит выявить в них ключевые аспекты, которые будут необходимы для последующего концептуального синтеза.

Философские основания концепции социального диалога

Философские теории диалога широко известны и описаны, но считаем полезным выделить положения, значимые для концептуализации социального диалога.

Если обратиться к греческой этимологии слова «диалог», то, как обращает внимание В.И. Курбатов, префикс *διά* означает «через», «посредством», и потому *διάλογος* дословно можно перевести как «черезмыслие». Таким образом, диалог отличается от монолога не просто количеством участников, но самим принципом коммуникации: диалог предполагает не только попеременное высказывание участвующих в нем, но обмен смыслами, мыслями между сторонами, «обоснование и отстаивание своей позиции (мысли), выраженной словом» [Курбатов 2014, 105]. В рамках системы

«Я – Другой» это можно интерпретировать следующим образом: «Я» требуется для собственного мышления мышление «Другого».

Согласно Гегелю, процесс развития происходит через противоречия и их преодоление. В контексте социального диалога эта теория подчеркивает динамическую природу взаимодействий между различными социальными акторами, в рамках которой противоречия и конфликты могут служить движущей силой для достижения нового уровня взаимопонимания и социального прогресса. Гегелевская диалектика предложила переход от бинарности к тернарности. Помимо двух сторон диалога, существует и третья субъектность, в частности отношения между этими сторонами. Проблематизация третьей субъектности, поиск третьего основания – одна из главных задач теории диалога.

Диалог между «Я» и «Ты» является центральным элементом философии М. Бубера. Философ пишет о том, что подлинный диалог возможен только при условии признания другого как равноправного субъекта, а не объекта манипуляции. Эта идея имеет ключевое значение для концепции социального диалога, указывая на необходимость равноправия и взаимного уважения между участниками.

Диалогизм М. Бахтина, с его концепциями полифонии и разноречия, предоставляет ценную перспективу для понимания процесса рождения новых смыслов. Бахтин утверждает, что истина рождается не в голове отдельного человека, а в процессе диалогического взаимодействия между людьми. Это особенно видится актуальным для концепции социального диалога, согласно которой различные точки зрения и интересы должны быть учтены для достижения общественного консенсуса, конвергенции индивидуального и социального.

Герменевтическая теория Х.-Г. Гадамера акцентирует внимание на роли понимания и интерпретации в диалогическом процессе. Гадамер утверждает, что понимание всегда опосредовано языком и историческим контекстом. Это важно для социального диалога, т.к. свидетельствует о необходимости учитывать различия в интерпретациях и культурных контекстах при взаимодействии различных социальных групп.

Согласно В.С. Библеру, диалог – это взаимодействие двух радикально различных, несводимых друг к другу позиций или языков. Такие позиции не могут существовать друг без друга, но и не могут полностью слиться. Для Библера значима несводимость

сознаний и мышлений к единой логике или единому субъекту. Библер понимает диалог как ключевой элемент своей концепции диалогистики, которая противопоставлена гегелевской диалектике. В отличие от гегелевской триады «тезис – антитезис – синтез», Библер предлагает схему «тезис – антитезис – тезис – антитезис – ...», при которой происходит постоянная смена предмета диалога без окончательного синтеза [Библер 2002, 142–143]. Иными словами, диалог понимают не как одноразовый акт, а как процесс многоуровневой диалогизации. А.П. Давыдов в своих работах развивает эту идею, демонстрируя на различных примерах возможность продуктивного диалога путем изменения предмета обсуждения, что позволяет перейти от жесткой конфронтации к формированию нового содержания «середины» как основания для коммуникации [Давыдов 2020, 552–559].

Организационный диалог

В широком смысле диалогом становится любой вид коммуникации, предполагающий «взаимный обмен информацией» [Левин 2024, 32]. Таким образом, любая коммуникация, которая не является монологом, представляет собой диалог. Согласно данному подходу, к разновидностям диалогов относятся переговоры, дебаты, обсуждения, дискуссии, споры и др. Как пишет Г.Д. Левин, количество посвященных переговорам статей и книг «в разы превышает количество статей и книг об остальных коммуникативных процессах» [Левин 2024, 29]. Но цель переговоров – отстоять собственные интересы в ходе коммуникации с противоположной стороной. С конца прошлого века среди исследователей формируется представление о том, что недооценен, не учтен другой вид коммуникации, при которой стороны не состязаются друг с другом, а в процессе коммуникации решают общую проблему. В связи с этим введено понятие диалога уже в новом контексте: не как родового термина для обозначения коммуникации нескольких субъектов, а как специфического вида деловой, организационной коммуникации, в которой другую сторону рассматривают не в качестве противника, а как равноправного партнера. В англоязычной литературе получил распространение и соответствующий термин «организационный диалог». Этому направлению стоит уделить внимание, поскольку разработанные в его рамках стратегии и методики ведения диалога значимы для понимания того, как может быть институционализирован социальный диалог.

Всемирно известный специалист по квантовой физике Д. Бом уже в зрелом возрасте начал заниматься гуманитарными вопросами, в т.ч. темой диалога. Бом разработал оригинальную концепцию диалога как способа коллективного исследования мышления и создания общего смысла [Bohm 2004]. По его мнению, диалог – это не просто обмен мнениями, а процесс, в котором участники совместно исследуют глубинные структуры мышления (*deep structure of thought*) и создают новое понимание. Согласно позиции Бома, ключевая цель диалога – выявление и изучение скрытых предположений и культурных обусловленностей, которые находятся в основе нашего мышления. Это позволяет преодолеть фрагментарность мышления и создать более целостное понимание реальности. Бом считал, что диалог может способствовать трансформации сознания как на индивидуальном уровне, так и на коллективном. Организация диалога, по Бому, предполагает создание особых условий. Оптимальное количество участников – от 20 до 40 человек. Значимым является отсутствие заранее заданной повестки и конкретной цели. Роль ведущего или фасилитатора должна быть минимальной. Бом указывал на важность регулярности встреч для диалога. Он предлагал проводить сессии на протяжении длительного периода, нескольких месяцев или даже лет. Это позволяет участникам преодолеть различные стадии процесса, включая первоначальный дискомфорт, фрустрацию, возможные конфликты, и перейти к более глубокому уровню взаимопонимания и совместного исследования. Особое внимание в организации диалога Бом уделял созданию атмосферы безопасности и доверия. Участники должны чувствовать себя свободными для выражения мыслей и чувств, без страха осуждения или критики. Это достигается через практику «подвешивания», «приостановления» (*suspension*) суждений – участники учатся осознавать свои реакции и предположения, не действуя на их основе немедленно. Важным аспектом организации диалога является внимание к невербальной коммуникации. Бом призывал участников быть внимательными не только к словам, но и к языку тела, тону голоса и другим невербальным сигналам. Это способствует более глубокому пониманию процессов, происходящих в группе. Бом также делал акцент на важности рефлексии после сессий диалога. Он предлагал участникам вести дневники или обсуждать свой опыт в малых группах между основными сессиями.

Это помогает углубить понимание процесса и интегрировать полученные результаты в повседневную жизнь.

Диалог в понимании Бома – это не метод решения тех или иных проблем, а способ исследования более глубоких уровней реальности. Он писал о важности внимания к процессу мышления, а не только к его содержанию, рассматривал диалог как возможность соприкоснуться с «неявным порядком» (implicate order) – фундаментальным уровнем реальности, на котором все взаимосвязано. Через диалог, по мнению Бома, можно преодолеть разрыв между индивидуальным, коллективным и космическим измерениями человеческого бытия. Бом видел в диалоге потенциал для решения фундаментальных проблем человечества. Он считал, что фрагментарное мышление находится в основе многих глобальных кризисов, и диалог может стать способом преодоления этой фрагментарности. Таким образом, диалог в концепции Бома выходит далеко за рамки обычного общения и становится инструментом исследования природы мышления и реальности.

Опираясь на идеи Д. Бома, У. Айзекс разработал собственную концепцию диалога. Айзекс основал The Dialogue Project при Массачусетском технологическом институте и использовал свои подходы в ходе политического и бизнес-консультирования. С деятельностью его команды и связывают в первую очередь понятие «организационный диалог». Айзекс определяет диалог как «разговор с центром, а не сторонами» (conversation with a center, not sides) [Isaacs 1999, 19]. Речь идет о том, что участники диалога не противостоят друг другу, а совместно исследуют проблему или тему. Основная цель – достижение нового уровня понимания и формировании новой основы для мышления и действия. Айзекс утверждает, что диалог – процесс совместного мышления, а не индивидуального. Он рассматривает диалог как средство доступа к коллективному интеллекту и скоординированной силе групп людей. В отличие от дебатов или переговоров, диалог не стремится к достижению соглашения между сторонами с различными взглядами. Вместо этого он направлен на создание контекста, из которого может возникнуть множество новых соглашений, и раскрытие общей основы разделяемых смыслов. Для организации эффективного диалога Айзекс выделяет четыре ключевые практики или способности, которые необходимо развивать: слушание, уважение, приостановка суждений и высказывание. Слушание подразумевает восприятие без сопротивления или

навязывания, развитие внутренней тишины и восприимчивости. Уважение означает осознание целостности позиции другого и невозможности полностью ее понять. Приостановка суждений требует способности отложить свои предположения, суждения и убежденность. Высказывание предполагает выражение истины собственного авторитета, того, что человек действительно думает и чувствует. Айзекс также описывает четыре «поля разговора» (fields of conversation), стадии, через которые может проходить диалог: вежливость, конфликт, исследование и поток. На стадии вежливости участники следуют социальным нормам с небольшим аутентичным обменом. Стадия конфликта характеризуется возникновением противоречий и защитой позиций. На стадии исследования происходит рефлексивный диалог с изучением предположений. Наконец, стадия потока представляет собой творческий, порождающий диалог. Для создания условий, способствующих диалогу, Айзекс вводит понятие «контейнера» – безопасного пространства или поля, в котором может происходить диалог. Он пишет о важности понимания ролей в разговоре (инициатора, оппонента, последователя, наблюдателя) и развития «предсказательной интуиции» (predictive intuition) для антиципации (предвидения, предвосхищения) паттернов и структур в диалоге. Согласно Айзексу, правильно организованный диалог может привести к значительным результатам: доступу к коллективному интеллекту, трансформации конфликта в творчество, раскрытию новых возможностей и общих смыслов, улучшению координации и согласованности в группах, личностному росту и расширению осознанности участников.

Стратегии относительно того, как может быть организован диалог, освещены в работе американского социолога Д. Янкеловича «Магия диалога: трансформация конфликта в кооперацию» [Yankelovich 1999], основанной на многолетних исследованиях и практическом опыте автора. Янкелович исходит из того, что успешный диалог требует тщательной подготовки и соблюдения ряда ключевых принципов. Прежде всего требуется равенство между участниками, независимо от их статуса или положения. Это предполагает временное отстранение от иерархических отношений и создание атмосферы, в которой все голоса имеют равную ценность. Вторым краеугольным камнем эффективного диалога является эмпатическое слушание – способность участников не просто слышать, но и стремиться понять точку зрения друг друга. Третьим ключевым элементом выступает неосуждающее

выявление скрытых предположений и убеждений участников. Янкелович придает большое значение роли фасилитатора, который обеспечивает эффективную организацию диалога. Однако он предостерегает от чрезмерного вмешательства, рекомендуя фасилитаторам действовать как ненавязчивым «регулирующим движением», нежели активно руководить процессом. Исключения составляют ситуации с высоким уровнем недоверия между участниками, в которых может потребоваться более активное участие фасилитатора. Существенным аспектом организации диалога, по мнению Янкеловича, служит выбор подходящего формата и продолжительности. Он выделяет краткосрочные диалоги (одна три сессии), среднесрочные и долгосрочные (от шести месяцев и более). Выбор формата зависит от сложности обсуждаемой проблемы и уровня недоверия между участниками. Для особенно сложных и конфликтных тем рекомендуются продолжительные диалоги с многократными встречами. Янкелович предлагает начинать диалог с обсуждения личного опыта участников, связанного с темой. Это помогает создать атмосферу открытости и облегчает переход к более глубоким уровням обсуждения. Рекомендует использовать и конкретные случаи для постановки общих вопросов, что делает обсуждение более предметным и понятным для всех участников. Особое внимание Янкелович уделяет управлению эмоциональной составляющей диалога. Он считает важным поощрять участников к выражению эмоций, связанных с их ценностями, фокусируя внимание на конфликтах между системами ценностей, а не на межличностных конфликтах. Это помогает углубить понимание различных позиций и избежать непродуктивной конфронтации. Значимым аспектом организации диалога, по мнению Янкеловича, является разделение процессов диалога и принятия решений. Диалог – подготовительный этап для последующего принятия решений, но не процесс принятия решений как таковой. Для масштабных общественных диалогов Янкелович предлагает использовать концепцию «прокси-диалога» через средства массовой информации, в частности телевидение. Важно обеспечить репрезентативность участников, отражение всего спектра общественных мнений. Для Янкеловича организация диалога – это искусство и навык, который можно развивать с течением времени. Требуется гибкий подход, адаптация предложенных стратегий к потребностям и контекстам каждой ситуации диалога. Конечная цель, по его мнению, заключается в создании простран-

ства, в котором может возникнуть подлинное взаимопонимание, ведущее к более продуманному принятию решений и укреплению отношений между различными группами в обществе.

Делиберативное управление и делиберативная демократия

Диалог играет важную роль в теориях делиберативного (советающего, *deliberative*) управления и делиберативной демократии. Эти теории начали активно разрабатывать с 90-х годов XX века. Единое для всех работ разделение между понятиями делиберативного управления и делиберативной демократии отсутствует. В настоящей статье будем исходить из того, что делиберативное управление относится преимущественно к вопросам неполитического управления, а делиберативная демократия – к формам политического участия.

Делиберативное управление – подход к управлению общественными делами на базе широкого участия и конструктивного диалога заинтересованных сторон. Этот подход возник как ответ на ситуацию, при которой традиционные иерархические структуры управления становятся менее эффективными. В основе делиберативного управления содержится идея о том, что сложные общественные проблемы могут быть решены только путем вовлечения разнообразных участников в процесс открытого обсуждения и совместного поиска решений.

Делиберативное управление предполагает создание специальных площадок и механизмов для взаимодействия между представителями государства, бизнеса и гражданского общества. Это могут быть различные форумы, партнерства, рабочие группы, в составе которых участники на равных обсуждают проблемы и вырабатывают совместные решения. Важную роль в организации таких процессов играют профессиональные фасилитаторы, помогающие структурировать дискуссию и обеспечивать конструктивный диалог.

Одна из ключевых характеристик делиберативного управления – его ориентация на локальный контекст (*place vision* [Healey et al. 2003, 61–62]). В отличие от традиционных подходов, основанных на универсальных моделях и стандартах, делиберативное управление признает важность локальных знаний, опыта и идентичности. Оно стремится интегрировать различные перспективы и формы знания для создания более целостного понимания проблем и возможностей конкретных территорий.

Делиберативное управление не просто механизм принятия решений, но и процесс социального обучения и трансформации. Через участие в совместных обсуждениях и проектах желающие не только находят решения тех или иных проблем, но и развивают новые отношения, общее понимание ситуации и способность к коллективным действиям. Формируются более адаптивные и устойчивые системы управления, способные эффективно реагировать на сложные и изменяющиеся условия современного мира. К тому же делиберативное управление не заменяет в полной мере традиционные формы бюрократии, а скорее, дополняет их, создавая новые каналы взаимодействия между формальными институтами и гражданским обществом. Оно направлено на преодоление ограничений исключительно экспертного подхода к управлению.

Дж. Иннес и Д. Бухер в контексте описания динамики делиберативного управления и его потенциала в трансформации систем управления используют понятие подлинного диалога (*authentic dialogue*), который служит частью предлагаемой ими модели управления DIAD (*diversity* – «разнообразие», *interdependence* – «взаимозависимость», *authentic dialogue*). Начальное состояние характеризуется, с одной стороны, разнообразием интересов власти, бизнеса, групп гражданского общества, экспертов, местных жителей и др., что обеспечивает наличие различных перспектив, знаний и ресурсов, необходимых для комплексного понимания и решения сложных общественных проблем. С другой – начальным условием является взаимозависимость интересов сторон, что создает мотивацию для поиска взаимовыгодных решений и преодоления узких ведомственных или групповых интересов. Этап подлинного диалога предполагает открытое, честное и конструктивное общение между участниками, в процессе которого все стороны имеют возможность выразить свои интересы, быть услышанными и понятыми. Результатом такого диалога, согласно модели DIAD, становятся четыре ключевых эффекта: взаимность (*reciprocity*, понимание и учет интересов друг друга), формирование отношений (*relationships*, отношения создают социальный капитал и доверие между участниками), обучение (*learning*, обмен знаниями и опытом, совместное исследование проблем) и творчество (*creativity*, мозговые штурмы, творческий подход к нахождению новых решений). Эти непосредственные результаты, в свою очередь, приводят к более глубоким адаптациям системы

управления. Формируются общие идентичности (shared identities), в соответствии с которыми участники начинают видеть себя частью более широкого сообщества. Развиваются общие смыслы, понимание проблем и возможностей. Возникают новые эвристики – практические правила и подходы к решению проблем. Наконец, происходят инновации, в частности разработка новых решений, практик и институциональных форм. Модель DIAD предполагает циклический и итеративный характер процесса делиберативного управления [Innes, Booher 2003, 39–49].

Один из известных теоретиков делиберативного управления Дж. Форестер выявляет специфику диалога через противопоставление его обсуждению, или дебатам (debate), и переговорам (negotiation). Если цель дебатов – доказать правильность своей позиции и выявить недостатки в аргументах оппонентов, цель переговоров – достижение договоренностей о совместных действиях, то цель диалога – достижение взаимопонимания между сторонами. В процессе диалога люди стремятся выразить себя и понять друг друга, задавая такие, например, вопросы, как «Что Вы имеете в виду?». На этапе диалога нет задачи убедить или контролировать других. Диалог может улучшить отношения между сторонами, но не обязательно приводит к конкретным решениям. Общая логика делиберативного обсуждения состоит в переходе от диалога через дебаты к переговорам. Но Форестер пишет о том, что эта последовательность не является строгой и линейной, в реальных ситуациях такие процессы могут чередоваться и накладываться друг на друга [Forester 2013; Forester, Theckethil 2009].

Реализация принципов делиберативного управления на практике сталкивается с рядом вызовов. Это и институциональная инерция, и трудности в обеспечении подлинно равного участия различных акторов, и сопротивление со стороны традиционных центров власти. Но, как полагает К. Хендрикс, не стоит считать власть исключительно негативным фактором для делиберативного управления, задача заключается в переходе от «власти над» (power-over) людьми к «власти с» (power-with) людьми благодаря делиберативным механизмам в целом и диалогу в частности [Hendriks 2009].

В рамках концепции делиберативной демократии обсуждение и диалог рассматриваются как основа демократического процесса и гражданского участия. Предполагается, что традиционная демократическая система представительства и голосования не

является достаточной, необходим открытый, репрезентативный и продуктивный обмен мнениями между гражданами. Многие концепции делиберативной демократии опираются на теорию коммуникативного действия Ю. Хабермаса.

Дж. Драйзек, один из ключевых теоретиков в этой области, определяет делиберативную, или дискурсивную (*discursive*), демократию как форму политической организации, в которой легитимность решений основана на качестве диалога, ведущего к таким решениям [Dryzek 2000]. В данном контексте социальный диалог рассмотрен не просто как инструмент достижения компромисса, но как процесс коллективного осмысления и нахождения новых путей решения общественных проблем.

Сторонники делиберативной демократии также уделяют большое внимание институциональным механизмам и процедурам, выработке правил, способствующих продуктивному диалогу. Дж. Фишкин предложил концепцию «делиберативного опроса» (*deliberative polling*), которая предполагает создание условий для информированного и глубокого обсуждения политических вопросов репрезентативной группой граждан [Fishkin 2009]. Этот подход демонстрирует потенциал структурированного диалога для повышения качества демократического процесса.

Интерес представляет концепция делиберативного представительства Дж. Драйзека и С. Нимейера, которые предлагают новый способ осмысления демократического процесса, основанный на представительстве дискурсов, а не только отдельных лиц или групп. Драйзек и Нимейер определяют дискурс как «набор категорий и концепций, воплощающих специфические предположения, суждения, утверждения, диспозиции и возможности» [Dryzek, Niemeyer 2008, 481]. Они утверждают, что относительно любой темы обычно существует множество дискурсов и что представительство этих различных способов понимания может улучшить демократический процесс. Ключевым элементом их концепции служит идея «палаты дискурсов» – формального органа, в составе которого представители различных дискурсов могут взаимодействовать и обсуждать вопросы. Для выявления релевантных дискурсов и выбора их представителей авторы предлагают использовать социологические методы. Драйзек и Нимейер утверждают, что дискурсивное представительство будет особенно полезным в транснациональном контексте, в котором отсутствует система гражданства и выборных институтов. Авторы

идеи полагают, что дискурсивное представительство не должно заменять другие формы демократического представительства, а скорее, дополнять их. По мнению авторов, «палата дискурсов» может способствовать повышению рациональности принятия решений, уважению индивидуальной автономии и реализации принципов делиберативной демократии.

Критики делиберативной демократии указывают на ряд проблем, связанных с ее реализацией на практике. Ш. Муфф считает, что акцент на консенсусе может игнорировать неустранимые конфликты и антагонизмы в обществе [Mouffe 2000]. И. Шапиро пишет о том, что делиберация, диалог предполагают искренние и добрые намерения сторон, а этого трудно достичь в политике, в которой на кону стоит вопрос о власти [Shapiro 2017].

Несмотря на приведенные критические замечания, концепция делиберативной демократии остается значимым направлением в рамках современной политической теории. В контексте этой концепции предложены механизмы того, каким образом может быть организован социальный диалог на общенациональном уровне.

Проблемы концептуализации социального диалога

Субъекты социального диалога. При рассмотрении различных уровней и форм социального диалога центральным вопросом становится определение субъектов диалога и характера их взаимоотношений в различных контекстах социальной жизни.

Один из возможных подходов заключается в характеристике социального диалога как взаимодействия между индивидами при возникновении социально значимых вопросов. В этом случае фокус смещается на микроуровень социальных отношений, в которых диалог выступает в качестве механизма формирования общих смыслов и норм. Однако такой подход сталкивается с проблемой масштабирования. Как индивидуальные взаимодействия трансформируются в более широкие социальные процессы и как они могут влиять на общественные решения?

Другой вариант состоит в том, чтобы понимать социальный диалог как диалог между индивидами и институтами, включая государство. Социальный диалог, в частности, рассматривают как способ взаимодействия граждан с формальными структурами общества. Этот подход позволяет исследовать механизмы участия индивидов в общественной жизни, процессы формирования гражданского общества и практики гражданского активизма.

Однако возникает вопрос о балансе сил между индивидами и институтами, а также о механизмах обеспечения реального влияния граждан на институциональные процессы.

Подход к социальному диалогу как к межгрупповому взаимодействию фокусируется на отношениях между различными социальными группами, сообществами и коллективными акторами. Данный подход позволяет исследовать процессы формирования групповых интересов, механизмы разрешения межгрупповых конфликтов и создания социальных коалиций. Но возникает проблема определения границ группы и легитимности представительства групповых интересов.

Наконец, рассмотрение социального диалога как межинституционального взаимодействия концентрируется на отношениях между формальными структурами общества – государственными органами, бизнес-структурами, общественными организациями, религиозными институтами и т.д. Такой подход дает возможность анализировать механизмы координации между различными сферами общественной жизни и процессы формирования социальной политики. Однако он рискует упустить из виду неформальные и низовые формы социальной активности. Вместе с тем существует опасность растворения социальной проблематики в межинституциональном диалоге и превращения социального диалога на институциональном уровне просто в межинституциональное взаимодействие.

Ключевой проблемой, возникающей при расширении концепции социального диалога, остается вопрос об артикуляции и агрегации мнений и позиций. В условиях растущей социальной дифференциации и индивидуализации общества становится все сложнее выявлять, формулировать общие интересы и позиции различных социальных групп. Как в этих условиях обеспечить репрезентативность участников диалога? Как агрегировать разнообразные, порой противоречивые мнения в рамках одной группы или сообщества?

Эта проблема особенно актуальна в контексте новых форм социальной организации и коммуникации, связанных с развитием цифровых технологий. Новые медиа создают новые возможности для выражения индивидуальных мнений, но одновременно усложняют процессы формирования консолидированных групповых позиций. Появляется необходимость в разработке таких механизмов агрегации мнений и представительства интересов,

которые не были бы административно-юридическими, как в случае политического делегирования, но при этом обеспечивали репрезентативность сторон диалога.

Условия эффективного социального диалога. Выявление и обеспечение условий эффективного социального диалога представляет собой проблему, затрагивающую как теоретические, так и практические аспекты этого процесса. Рассмотрим данный вопрос через проблематизацию выдвигаемых В.И. Курбатовым ключевых черт, определяющих эффективность диалога, как то: свобода участников, равенство позиций и самооценность диалога [Курбатов 2014, 110].

Свобода участников служит базовым условием подлинного диалога. Однако концептуализация этой свободы в контексте социальных, экономических и политических отношений представляет собой значительную трудность. Как обеспечить реальную, а не номинальную свободу участия в условиях структурных неравенств и властной асимметрии? Кроме того, проблема свободы тесно связана с вопросом о степени институционализации диалога: чрезмерная формализация может ограничивать свободу, а отсутствие структуры может приводить к хаотичности и неэффективности.

Равенство позиций участников диалога представляет собой еще один критически важный аспект: достижение подлинного равенства в условиях существующих социальных иерархий и различий в ресурсах и экспертизе представляется проблематичным. Стоит учитывать не только формальное, но и субстантивное равенство, включая равные возможности для артикуляции и обоснования своих позиций. Возникает вопрос о том, необходимы ли механизмы, которые могли бы компенсировать эти различия и создавать условия для более равноправного участия.

Самоценность и самодостаточность диалога также являются важными условиями его эффективности. Это предполагает, что диалог служит не просто инструментом для достижения predetermined целей, но имеет ценность сам по себе, как процесс взаимного образования и трансформации. Однако это порождает напряжение между процессуальными и результативными аспектами диалога. Как найти баланс между открытостью процесса и необходимостью достижения конкретных результатов?

Проблема доверия между участниками особенно значима для эффективности социального диалога. В условиях растущей

социальной фрагментации и поляризации создание и поддержание атмосферы доверия становится все более сложной задачей [Putnam 2000]. Возникает вопрос о том, как можно культивировать доверие в ситуациях, если между сторонами социального диалога нет общего культурного основания.

Наконец, вопрос о роли информационных и коммуникационных технологий в создании условий для эффективного диалога также приобретает все большую актуальность. С одной стороны, цифровые платформы открывают новые возможности для участия и открытости. С другой – глобальная цифровизация может вести к «атомизации и виртуальной деперсонализации (под видом индивидуализации)», что разрушает условия для диалога [Лекторский 2024, 19].

Таким образом, концептуализация условий эффективного социального диалога требует комплексного подхода, учитывающего множество взаимосвязанных факторов, а в ряде случаев – даже взаимоисключающих.

Цели социального диалога. Анализируя социальный диалог с позиции его целей, считаем целесообразным выделить следующие его типы: трансформационный, консенсусный, познавательно-инновационный и мониторинговый. Трансформационный диалог, согласно одному из подходов, представляет собой форму общения, способную преобразовать отношения между людьми с противоположными взглядами в отношения, при которых создаются общие и объединяющие реальности [Gergen, McNamee, Barrett 2001]. Ключевыми компонентами такого диалога служат переход от обвинения к взаимной ответственности, значимость самовыражения через личные истории, утверждение и поддержка другого, координация действий для совместного создания смыслов, развитие саморефлексивности и способности подвергать сомнению собственные позиции. Частным случаем трансформационного диалога можно считать empowerment-диалог, ориентированный на расширение возможностей недопредставленных групп. Однако при таком широком толковании диалога может стираться грань между диалогом и медиацией. По сути, трансформационный диалог становится частью процесса трансформационной медиации, понимаемой Р.А.Б. Бушем и Дж.П. Фолджером как средство для развития способностей и улучшения взаимопонимания сторон, даже при отсутствии формального соглашения [Bush, Folger 2004].

Консенсусный диалог, т.е. диалог, направленный на достижение согласия или компромисса между участниками, представляет собой другую возможную версию социального диалога. Консенсус не обязательно подразумевает решение, которое отвечает интересам всем сторонам, но, скорее, такое решение, с которым все участники могут согласиться и готовы принять [Susskind 1999, 6–7]. Однако возникает вопрос о реалистичности и желательности консенсуса в плюралистическом обществе. Насколько возможно и необходимо достижение подлинного согласия при наличии глубоких социальных, культурных и идеологических различий? Согласно концепции агонистической демократии Ш. Муфф, ценностью обладает именно противостояние различных точек зрения. Вероятно, необходимо определить сферы, применительно к которым можно будет говорить о стремлении к консенсусу в ходе социального диалога.

Стоит рассмотреть и вариант, при котором социальный диалог направлен на поиск, внедрение, принятие новых идей и практик. Такой познавательный тип диалога может способствовать открытию социальных закономерностей, познанию себя и Другого в контексте социального взаимодействия, поиска меры совместности, нахождению и распространению новых форм социоиндивидуального синтеза [Давыдов 2023]. Но появляется вопрос о том, насколько социальный диалог может быть эффективным инструментом для поиска и внедрения нового с учетом сопротивления изменениям и инерции социальных систем. В России новое часто внедряли сверху, или оно было требованием изменяющихся экономических отношений. Социокультурная сфера более инертна, чем политическая или экономическая. Поэтому существуют сомнения относительно того, в какой мере познавательные и инновационные задачи должны быть приписаны социальному диалогу.

Наконец, мониторинговый диалог, направленный на отслеживание и оценку реализации договоренностей или проектов, допустимо рассматривать как следующую потенциальную цель. Этот тип диалога может служить механизмом обратной связи между институциональными акторами и индивидами, позволяет выявлять проблемы, слышать проблемы рядового гражданина и корректировать социальную политику. Но актуальными становятся вопросы о том, насколько такой диалог может быть свободным от манипуляций и действительно выражать мнение наиболее проблемных социальных групп, а также о том, насколько

ко именно диалог, а не другие социологические инструменты (опрос, наблюдение, интервью и т.д.), релевантен для решения мониторинговой задачи.

Кроме того, следует учитывать, что в действительности эти типы диалога часто на практике переплетаются и взаимодействуют. Например, трансформационный диалог порою приводит к инновациям, а консенсусный диалог может включать в себя элементы познания и мониторинга. Возможно, необходим более сложный подход, предполагающий построение иерархии целей социального диалога.

Предмет социального диалога. Задача концептуализации социального диалога требует рассмотрения вопроса о том, что может служить предметом диалога. Одним из основных вариантов предмета социального диалога является диалог об интересах. Например, социальный диалог в рамках трудовых отношений, предполагающий обсуждение заработной платы, условий труда, – диалог об интересах сторон. К этому же типу может быть отнесено обсуждение городского планирования, при котором сталкиваются интересы различных групп горожан, предпринимателей, администрации. Ключевой проблемой становится определение границ применимости социального диалога для разрешения конфликтов интересов. Возникает вопрос о том, в каких случаях противоречия могут быть эффективно разрешены через диалог, а в каких случаях требуются иные механизмы регулирования.

Другим значимым типом служит диалог о социальных проблемах, который выходит за рамки непосредственных интересов участников и фокусируется на вопросах об уязвимых группах и общественном благополучии в целом. Социальный диалог в контексте этого предмета может способствовать привлечению внимания к упущенным из виду проблемам и формированию более эффективных подходов к их решению. Однако эффективность такого диалога может быть поставлена под сомнение. Критики могут аргументировать тем, что решение социальных проблем – прерогатива специализированных социальных служб, а бесконечные обсуждения могут отвлекать ресурсы и внимание от практической деятельности.

Диалог о ценностях – еще одна значимая категория. Такой диалог может способствовать реактуализации и переосмыслению культурных норм и ценностей, что особенно видится важным в условиях трансформирующегося общества. Однако существует риск того, что чрезмерный фокус на ценностных вопросах может отвлекать внимание от текущих социальных и экономических проблем, формировать ориентацию на прошлое, а не на будущее.

Возникает необходимость в поиске баланса между обсуждением абстрактных ценностей и решением поставленных общественных задач.

Социальный диалог, объединяющий идеологические, политические вопросы вне контекста партийной борьбы за власть, представляет собой особую проблему. Возможность и необходимость такого диалога вызывают дискуссии. С одной стороны, он может способствовать снижению политической поляризации и формированию более консенсусного подхода к решению общественных проблем. С другой – существует риск того, что этот диалог может быть использован для легитимации определенных идеологических позиций или манипулирования общественным мнением (например, интересны в данном контексте возражения против делиберативной демократии И. Шапиро [Shapiro 2017]).

Наконец, предметом диалога может быть поиск новых форм социального, что видится наиболее амбициозным проектом. Этот диалог направлен на поиск новых форм общежития, конвергентности и социоиндивидуального синтеза. Он предполагает обсуждение новых оснований, на которых будут строиться взаимодействие людей и социальное развитие. Согласно терминологии социального конструирования реальности П.Л. Бергера и Т. Лукмана, в этом случае социальный диалог можно понимать как процесс экстернализации [Бергер, Лукман 1995]. Однако ключевой проблемой становится обеспечение продуктивности и результативности такого диалога. Могут последовать возражения относительно того, что подобные вопросы должны обсуждать эксперты и что они не могут быть предметом широкого обсуждения. Вместе с тем предлагаемые учеными социальные концепции вряд ли будут адекватно оценены, если не станут предметом общественной дискуссии.

Проблематизация предмета социального диалога демонстрирует, что нет однозначных решений. Возможно, стоит проявлять решимость в применении разных подходов, чтобы эмпирическим путем выявить, какие вопросы целесообразно делать предметом социального диалога, а какие – нецелесообразно.

Другие проблемы концептуализации социального диалога. Существенным также считаем вопрос об определении границ применимости диалогических подходов и их соотношении с другими формами социального управления и взаимодействия. Прежде всего возникает проблема демаркации между сферой социального диалога и областью административного управления. Традиционные модели управления часто основаны на иерархических структурах и формальных процедурах, что может входить в противоречие с более гибкими и ориентированными на равно-

праве сторон подходами, характерными для социального диалога. Это ставит вопрос о том, как интегрировать диалогические процессы в управленческие структуры, не снижая их эффективности и легитимности.

Проблема определения релевантных сфер применения социального диалога также требует внимания. В то время как некоторые области общественной жизни (трудовые отношения или городское планирование) традиционно рассматривают в качестве подходящих для диалогических подходов, другие сферы (национальная безопасность или монетарная политика) часто считают прерогативой экспертного или административного управления. Возникает необходимость в разработке критериев для определения того, где и когда диалогические подходы могут быть наиболее эффективны и уместны.

Вопрос о роли государства в социальном диалоге представляется нетривиальным. С одной стороны, государство может выступать как арбитр или модератор диалога между различными социальными группами. С другой – оно является участником многих диалогических процессов. Это создает потенциальный конфликт интересов (государство не может быть беспристрастным модератором) и ставит вопрос о том, как обеспечить баланс между различными функциями государства в контексте социального диалога.

Проблема соотношения между формальными и неформальными механизмами диалога также заслуживает внимания. Хотя институционализация диалога может обеспечить ему стабильность и легитимность, чрезмерная формализация может ограничить его эвристический потенциал и способность отражать многообразие социокультурных установок. В результате появляется вопрос о том, как найти оптимальный баланс между формальными и неформальными аспектами диалога в различных социальных контекстах.

Заключение

Современное общество, несмотря на многочисленные попытки реформирования и модернизации социальных институтов, продолжает сталкиваться с глубокими противоречиями и нерешенными проблемами. Многие социальные группы остаются на периферии общественного внимания, их потребности и интересы не находят адекватного выражения в публичном пространстве. Данная ситуация ставит перед исследователями и практиками задачу поиска новых, более эффективных механизмов социального развития. Такие механизмы должны принципиально отличаться от традиционных командно-административных методов управления, которые часто оказываются неспособными учитывать многообразие социальных реалий. В этом контексте особую актуальность приобретает задача концептуализации и институционализации

социального диалога как особой формы взаимодействия между индивидуальным и социальным. Социальный диалог может стать инструментом, который позволит преодолеть разрыв между личностными устремлениями и коллективными интересами, способствуя тем самым социоиндивидуальной конвергенции. Приведенный подход открывает новые перспективы для формирования более гибких и адаптивных социальных структур, способных эффективно отвечать на вызовы современности.

Дальнейшее развитие теории и практики социального диалога требует междисциплинарного подхода. Интеграция знаний из различных областей – философии, социологии, политологии, психологии, юриспруденции – позволяет создать более полную и нюансированную картину диалогических процессов. Междисциплинарное сотрудничество также стимулирует разработку инновационных методологических подходов, способных выразить многомерность и динамичность социального диалога. Особый интерес представляет исследование взаимосвязи между социальным диалогом и медиацией. Эти два явления, имея много общего, могут взаимно обогатить друг друга.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бергер, Лукман 1995 – *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е.Д. Руткевич. – М.: Медиум, 1995.

Библер 2002 – *Библер В.С.* Замыслы: в 2 кн. Кн. 1 / отв. ред. И.Е. Берлянд. – М.: РГГУ, 2002.

Давыдов 2020 – *Давыдов А.П.* Методологическая «середина» как инструмент изучения социальной реальности // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 18 / отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Новый хронограф, 2020. С. 529–564.

Давыдов 2023 – *Давыдов А.П.* Индивидуализм и коллективизм как предмет социально-философского анализа (размышления в преддверии научной конференции «Индивидуализация и коллективизм в современном российском обществе») // *Философские науки.* 2023. Т. 66. № 4. С. 140–159.

Давыдов 2024 – *Давыдов А.П.* Медиация и конвергентная социальность. К теории социального диалога // *Философские науки.* 2024. Т. 67. № 2. С. 135–159.

Курбатов 2014 – *Курбатов В.И.* Социальный диалог: концептуальный анализ // *Гуманитарий Юга России.* 2014. № 1. С. 103–112.

Левин 2024 – *Левин Г.Д.* Гносеологический анализ переговорного процесса // *Философские науки.* 2024. Т. 67. № 2. С. 26–45.

Лекторский 2024 – *Лекторский В.А.* Индивидуализация, коллективность, диалог // *Философские науки.* 2024. Т. 67. № 2. С. 13–25.

Bohm 2004 – *Bohm D.* On Dialogue. – London: Routledge Classics, 2004.

Bush, Folger 2004 – *Bush R.A.B., Folger J.P.* The Promise of Mediation: The Transformative Approach to Conflict. – San Francisco: Jossey-Bass, 2004.

Dryzek 2000 – *Dryzek J.S.* Deliberative Democracy and Beyond: Liberals, Critics, Contestations. – New York: Oxford University Press, 2000.

Dryzek, Niemeyer 2008 – *Dryzek J.S., Niemeyer S.* Discursive Representation // *American Political Science Review*. 2008. Vol. 102. No. 4. P. 481–493.

Fishkin 2009 – *Fishkin J.S.* Virtual Public Consultation: Prospects for Internet Deliberative Democracy // *Online Deliberation: Design, Research, and Practice* / ed. by T. Davies, S.P. Gangadharan. – Stanford, CA: CSLI Publications, 2009. P. 23–35.

Forester 2013 – *Forester J.* On the Theory and Practice of Critical Pragmatism: Deliberative Practice and Creative Negotiations // *Planning Theory*. 2013. Vol. 12. No. 1. P. 5–22.

Forester, Theckethil 2009 – *Forester J., Theckethil R.K.* Rethinking Risk Management Policies: From “Participation” to Processes of Dialogue, Debate, and Negotiation // *Building Safer Communities. Risk Governance, Spatial Planning and Responses to Natural Hazards* / ed. by U.F. Paleo. – Amsterdam: IOS Press, 2009. P. 34–43.

Gergen, McNamee, Barrett 2001 – *Gergen K.J., McNamee S., Barrett F.J.* Toward a Vocabulary of Transformative Dialogue // *International Journal of Public Administration*. 2001. Vol. 24. No. 7–8. P. 697–707.

Healey et al. 2003 – *Healey P., De Magalhaes C., Madanipour A., Pendlebury J.* Place, Identity and Local Politics: Analysing Initiatives in Deliberative Governance // *Deliberative Policy Analysis: Understanding Governance in the Network Society* / ed. by M. Hajer, H. Wagenaar. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2003. P. 60–87.

Hendriks 2009 – *Hendriks C.M.* Deliberative Governance in the Context of Power // *Policy and Society*. 2009. Vol. 28. No. 3. P. 173–184.

Mouffe 2000 – *Mouffe C.* The Democratic Paradox. – London: Verso, 2000.

Innes, Booher 2003 – *Innes J.E., Booher D.E.* Collaborative Policymaking: Governance Through Dialogue // *Deliberative Policy Analysis: Understanding Governance in the Network Society* / ed. by M. Hajer, H. Wagenaar. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2003. P. 33–59.

Isaacs 1999 – *Isaacs W.* Dialogue and the Art of Thinking Together: A Pioneering Approach to Communicating in Business and in Life. – New York: Currency, 1999.

Putnam 2000 – *Putnam R.D.* Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. – New York: Simon. & Schuster. 2000.

Shapiro 2017 – *Shapiro I.* Collusion in Restraint of Democracy: Against Political Deliberation // *Daedalus*. 2017. Vol. 146. No. 3. P. 77–84.

Susskind 1999 – *Susskind L.E.* A Short Guide to Consensus Building // *The Consensus Building Handbook: A Comprehensive Guide to Reaching Agreement* / ed. by L.E. Susskind, S. McKearnen, J. Thomas-Lamar. – Thousand Oaks, CA: Sage, 1999. P. 3–60.

Yankelovich 1999 – *Yankelovich D. The Magic of Dialogue: Transforming Conflict into Cooperation.* – New York: Simon & Schuster, 1999.

REFERENCES

Berger P. & Luckmann T. (1995) *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge* (E.D. Rudkevich, Trans.). Moscow: Medium (Russian translation).

Bibler V.S. (2002) *Contrivances in 2 Vols.* (Vol. 1). Moscow: Russian State University for the Humanities (in Russian).

Bohm D. (2004) *On Dialogue.* London: Routledge Classics.

Bush R.A.B. & Folger J.P. (2004) *The Promise of Mediation: The Transformative Approach to Conflict.* San Francisco: Jossey-Bass.

Davydov A.P. (2020) Methodological “Middle” as a Tool for Studying Social Reality. In: Gorshkov M.K. (Ed.) *Reforming Russia: Yearbook* (Vol. 18, pp. 529–564). Moscow: Novyy khronograf (in Russian).

Davydov A.P. (2023) Individualism and Collectivism as a Subject of Social-Philosophical Analysis (Reflections on the Eve of the Scientific Conference “Individualization and Collectivism in Contemporary Russian Society”). *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki.* Vol. 66, no. 4, pp. 140–159.

Davydov A.P. (2024) Mediation and Convergent Sociality: Toward a Theory of Social Dialogue. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki.* Vol. 67, no. 2, pp. 135–159 (in Russian).

Dryzek J.S. (2000) *Deliberative Democracy and Beyond: Liberals, Critics, Contestations.* New York: Oxford University Press.

Dryzek J.S. & Niemeyer S. (2008) Discursive Representation. *American Political Science Review.* Vol. 102, no. 4, pp. 481–493.

Fishkin J.S. (2009) Virtual Public Consultation: Prospects for Internet Deliberative Democracy. In: Davies T. & Gangadharan S.P. (Eds.) *Online Deliberation: Design, Research, and Practice* (pp. 23–35). Stanford, CA: CSLI Publications.

Forester J. (2013) On the Theory and Practice of Critical Pragmatism: Deliberative Practice and Creative Negotiations. *Planning Theory.* Vol. 12, no. 1, pp. 5–22.

Forester J. & Theckethyl R.K. (2009) Rethinking Risk Management Policies: From “Participation” to Processes of Dialogue, Debate, and Negotiation. In: Paleo U.F. (Ed.) *Building Safer Communities. Risk Governance, Spatial Planning and Responses to Natural Hazards* (pp. 34–43). Amsterdam: IOS Press.

Gergen K.J., McNamee S., & Barrett F.J. (2001) Toward a Vocabulary of Transformative Dialogue. *International Journal of Public Administration.* Vol. 24, no. 7–8, pp. 697–707.

Healey P., De Magalhaes C., Madanipour A., & Pendlebury J. (2003) Place, Identity and Local Politics: Analysing Initiatives in Deliberative Governance. In: Hajer M. & Wagenaar H. (Eds.) *Deliberative Policy Analysis: Understanding Governance in the Network Society* (pp. 60–87). Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Hendriks C.M. (2009) Deliberative Governance in the Context of Power. *Policy and Society*. Vol. 28, no. 3, pp. 173–184.

Innes J.E. & Booher D.E. (2003) Collaborative Policymaking: Governance Through Dialogue. In: Hajer M. & Wagenaar H. (Eds.) *Deliberative Policy Analysis: Understanding Governance in the Network Society* (pp. 33–59). Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Isaacs W. (1999) *Dialogue and the Art of Thinking Together: A Pioneering Approach to Communicating in Business and in Life*. New York: Currency.

Kurbatov V.I. (2014) Social Dialogue: Conceptual Analysis. *Humanities of the South of Russia*. No. 1, pp. 103–112 (in Russian).

Lektorsky V.A. (2024) Individualization, Collectivity, Dialogue. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 2, pp. 13–25 (in Russian).

Levin G.D. (2024) Epistemological Analysis of the Negotiation Process. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 2, pp. 26–45.

Mouffe C. (2000) *The Democratic Paradox*. London: Verso.

Putnam R.D. (2000) *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster.

Shapiro I. (2017) Collusion in Restraint of Democracy: Against Political Deliberation. *Daedalus*. Vol. 146, no. 3, pp. 77–84.

Susskind L.E. (1999) A Short Guide to Consensus Building. In: Susskind L.E., McKearnen S., & Thomas-Lamar J. (Eds.) *The Consensus Building Handbook: A Comprehensive Guide to Reaching Agreement* (pp. 3–60). Thousand Oaks, CA: Sage.

Yankelovich D. (1999) *The Magic of Dialogue: Transforming Conflict into Cooperation*. New York: Simon & Schuster.

Социальный диалог как инструмент институционального управления социальным развитием

А.А. Мерзляков

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Аннотация

В статье рассматривается роль социального диалога в России как инструмента институционального управления социальным развитием. Автор анализирует специфику социального диалога как особого социального института, обладающего трансформационным потенциалом в преодолении общественной фрагментации и поляризации. Проблема поиска адекватных форм социального участия приобретает остроту в связи с угрозой нарастания социокультурного раскола между модернизационными и традиционалистскими аналитическими установками социального развития. В работе исследуются два основных аспекта функционирования социального диалога: его роль в обеспечении общественной поддержки государственных программ и формировании эффективных механизмов социального участия в системе отношений между федеральным центром и регионами. Социальный диалог в системе «центр – регионы» рождается в случае, если в переговорном процессе участвуют не только государственные (властные) структуры, но и представители населения. Участие граждан в переговорах является специфической формой самоопределения части населения, выступающего в поддержку того или иного совместного проекта центра и региона либо стремящегося не допустить его реализации. Отсутствие полноценного социального диалога может привести к значительным проблемам в реализации государственных программ, а его правильная организация повысит эффективность их осуществления. Автор приводит пример унифицирующих механизмов реализации принципа социального участия через формирование полисубъектной среды взаимодействия и «сборку субъектов» (термин В.Е. Лепского) регионального развития. В статье сделан вывод о том, что институционализация социального диалога помогает передаче части прав и ресурсов от центра регионам в деле управления социально-экономическими процессами, способствует развитию гибкости и адаптивности диалогических практик при одновременном отказе от жесткой командно-административной модели управления, укрепляет

партнерское взаимодействие между участниками социального развития.

Ключевые слова: социальная философия, институциональное доверие, унификация, социокультурный анализ, гражданское общество, социокультурный раскол, социальная коммуникация, социальное участие, конвергенция, медиация.

Мерзляков Андрей Александрович – кандидат социологических наук, руководитель Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН.

andrey243@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8846-1423>

Для цитирования: Мерзляков А.А. Социальный диалог как инструмент институционального управления социальным развитием // Философские науки. 2024. Т. 67. № 4. С. 99–113.

DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-4-99-113

Social Dialogue as an Instrument of Institutional Governance in Social Development

A.A. Merzlykov

Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article discusses the role of social dialogue in Russia as an instrument of institutional governance in social development. The author analyzes the distinctive features of social dialogue as a unique social institution with transformative potential for overcoming societal fragmentation and polarization. The search for adequate forms of social participation becomes particularly acute in light of the growing threat of sociocultural divisions between modernization-oriented and traditionalist analytical frameworks of social development. The study explores two main aspects of the functioning of social dialogue: its role in securing public support for governmental programs and in forming effective mechanisms for social participation within the system of relations between the federal center and the regions. Social dialogue in the “center – regions” system emerges when the negotiation process involves not only governmental (authority) structures but also public representatives. Citizen participation in negotiations represents a specific form of self-determination by population segments either supporting or opposing particular joint project between the center and the region. The absence of comprehensive social dialogue may lead to significant

challenges in implementing state programs, while its proper organization enhances their effectiveness. The author provides an example of unifying mechanisms for implementing the principle of social participation through the formation of a poly-subject interaction environment and the “assembly of subjects” (V.E. Lepsky’s term) in regional development. The article concludes that the institutionalization of social dialogue facilitates the transfer of certain rights and resources from the center to the regions in managing socio-economic processes, promotes the development of flexibility and adaptability in dialogical practices while simultaneously abandoning the rigid command-administrative management model, and strengthens partnership interactions among participants in social development.

Keywords: social philosophy, institutional trust, unification, sociocultural analysis, civil society, sociocultural divide, social communication, social participation, convergence, mediation.

Andrey A. Merzlykov – Ph.D. in Sociology, Head of the Center for Sociology of Management and Social Technology, Center for Sociology of Management and Social Technology, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

andrey243@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8846-1423>

For citation: Merzlykov A.A. (2024) Social Dialogue as an Instrument of Institutional Governance in Social Development. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 4, pp. 99–113. DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-4-99-113

Введение

Социальное развитие представляет собой сложный многоуровневый процесс качественной трансформации общества, требующий эффективных механизмов координации и взаимодействия различных социальных субъектов. Согласно одному из определений, социальное развитие – это процесс организации человеческой деятельности для движения общества от низших к высшим уровням эффективности, качества, продуктивности, сложности, понимания, творчества, мастерства и достижений [Cleveland, Jacobs 1999]. В контексте управления социальным развитием особую значимость приобретает проблема координации действий различных социальных субъектов. Традиционные административно-командные методы управления все чаще демонстрируют неэффективность, что актуализирует поиск новых форм взаимодействия между властью, бизнесом и обществом. Одним

из наиболее перспективных механизмов такого взаимодействия выступает социальный диалог, понимаемый не просто как форма коммуникации, а как особый социальный институт. При этом возникает вопрос о критериях, позволяющих отличить подлинный социальный диалог от других форм социальной коммуникации и взаимодействия, поскольку не всякое взаимодействие социальных субъектов может быть квалифицировано как социальный диалог.

В российском контексте проблема поиска адекватных форм социального участия актуальна в связи с углублением социокультурного противоречия, грозящего расколом, между традицией и инновацией в управлении социальным развитием. Это противоречие/раскол проявляется в противостоянии индивидуалистических и коллективистских ценностей, что создает немало препятствий для формирования эффективных механизмов социально-политического взаимодействия. Бюрократические методы управления и развития зачастую не способны снять/смягчить данную проблему. С учетом изложенного все более интересной становится задача институционализации социального диалога, направленного на достижение взаимопонимания и совместный поиск решений.

Цель настоящей статьи заключается в анализе социального диалога как инструмента институционального управления социальным развитием, выявлении его специфики и потенциала при взаимодействии различных социальных субъектов. Особое внимание уделено роли института социального диалога в обеспечении общественной поддержки государственных программ и формировании эффективных механизмов социального участия в системе отношений между федеральным центром и регионами.

Идея социального диалога как социального института

В социальных исследованиях речь идет о разграничении различных форм социальной коммуникации, среди которых диалог занимает важное место, отличаясь от таких форм взаимодействия, как дебаты или переговоры, направленностью на достижение взаимопонимания и совместный поиск решений. Современное понимание социального диалога обогащается концепцией Д. Бома, рассматривающего диалог как способ коллективного исследования глубинных структур мышления и создания общих смыслов [Bohm 2004]. Развивая эти идеи, У. Айзекс определяет диалог как «разговор с центром, а не сторонами», в котором участники не противо-

стоят друг другу, а совместно исследуют проблему [Isaacs 1999]. Д. Янкелович выделяет три ключевых принципа эффективного социального диалога: равенство участников независимо от их социального статуса, эмпатическое слушание и неосуждающее выявление глубинных установок участников [Yankelovich 1999]. В контексте делиберативного управления социальный диалог рассмотрен как механизм, позволяющий интегрировать различные перспективы и формы знания. Дж. Иннес и Д. Бухер развивают модель диалога, в которой ключевыми элементами выступают разнообразие участников, их взаимозависимость и искренность сторон [Innes, Booher 2003]. Результатом такого диалога становятся не только конкретные решения, но и развитие социального капитала, формирование общих идентичностей и новых эвристик. Существенным для понимания природы социального диалога является его отличие от остальных форм социальной коммуникации. Если переговоры направлены на достижение ряда договоренностей, а дебаты предполагают состязательность позиций, то диалог ориентирован прежде всего на достижение взаимопонимания и совместное исследование проблемы. Как пишет Дж. Форестер, в действительности, на практике, эти формы коммуникации могут переплетаться и дополнять друг друга [Forester 2013]. В современных условиях не менее значим и вопрос о роли социального диалога в преодолении социальной фрагментации и поляризации. Исследователи обращают внимание на трансформационный потенциал диалога, его способность преобразовывать антагонистические отношения в отношения сотрудничества через создание общих смыслов и реальностей [Gergen et al. 2001].

В российской науке можно выделить два подхода к теории социального диалога: институциональный и социокультурный. В рамках институционального подхода социальный диалог рассматривают как механизм формирования эффективных институтов через выстраивание системы коммуникации между различными социальными субъектами. Ключевую роль играет проблема институционального доверия, которое выступает не просто как психологическая установка, а как важнейший экономический ресурс. А.А. Аузан указывает на то, что низкий уровень институционального доверия создает барьеры для развития эффективных форм социального диалога, что становится очевидным в условиях двухъядерной культурной системы России [Аузан 2024]. Наличие двух культурных ядер, индивидуалистского (И-Россия) и коллек-

тивистского (К-Россия), формирует противоречивые запросы на институты: если первое ориентировано на институты демократии и свободного предпринимательства, то второе тяготеет к институтам социальной защиты и государственной поддержки. Эта институциональная дивергенция затрудняет формирование общего пространства социального диалога и требует разработки специальных механизмов медиации между различными институциональными запросами.

В контексте социокультурного подхода отмечается значение социального диалога для преодоления угрозы социокультурного раскола российского общества, о котором писали А.С. Ахиезер и А.П. Давыдов [Ахиезер 1996; Ахиезер 2008; Давыдов 2021; Давыдов 2024]. Действующие политические механизмы зачастую воспринимают как выражающие интересы лишь одной из сторон такого противостояния: либо модернизационной, либо традиционалистской. Это может быть связано с двухъядерной особенностью российской политической культуры, в которой исторически сформировался запрос на участие в принятии решений, но вместе с тем наблюдается устойчивое недоверие к формам участия, основанное на конкуренции и конфликте интересов. Социальный диалог предоставляет площадку для выражения и учета различных позиций, что потенциально может способствовать восстановлению институционального доверия. Такой формат предлагает альтернативу и послушному принятию административных решений, и конкурентной борьбе интересов, создавая пространство для конструктивного взаимодействия различных общественных сил. Важно понимать, что развитие практик социального диалога требует формирования культуры взаимного уважения и сотрудничества.

Особенности социального диалога, отличающие его от межсубъектного диалога в целом, нуждаются в конкретизации: они описывают проблемную ситуацию, требующую разрешения через диалог относительно социального действия, раздвоенным субъектом которого выступают, с одной стороны, социальный индивид, социальная группа, население региона, страны, с другой – противоречия межсубъектных социальных отношений (коммуникации).

Общественная поддержка и социальный диалог в реализации государственных программ

Эффективность реализации государственных программ социального развития в немалой степени зависит от того, насколько

эти программы получают поддержку со стороны общества, прежде всего со стороны социальных групп, которые вовлечены в их реализацию или являются их объектом. Для обеспечения такой поддержки традиционно используют механизм информирования, доведения до заинтересованных групп общества сведений о целях и задачах программ, путях их реализации, этапах выполнения. Однако просто информирование, будучи односторонней коммуникацией, не всегда может гарантировать общественной поддержки, поскольку не учитывает обратную связь от различных социальных групп, их реакцию на предлагаемые меры и решения.

Особенно значимым видится социальный диалог как механизм двусторонней коммуникации между государственными структурами и обществом. Как указано выше, социальный диалог представляет собой не просто обмен информацией, а совместное исследование проблемы заинтересованными сторонами. В процессе такого диалога возможно выявить, насколько эффективно работают каналы информирования, какие существуют барьеры в понимании целей и задач программ, какие возникают сомнения и возражения у различных социальных групп. Более того, социальный диалог позволяет государственным структурам получить представление об ожиданиях и опасениях общественности относительно реализуемых программ. Это создает основу для возможной корректировки содержательных аспектов программ (задач, методов, этапов, способов реализации) с учетом общественного мнения. Тем самым формируется механизм взаимного влияния: общество получает полную информацию о программах развития и возможность влиять на их реализацию, а государственные структуры – понимание общественных настроений и возможность адаптировать свои действия для обеспечения общественной поддержки.

Анализ практики реализации государственных целевых программ показывает, что в настоящее время механизм социального диалога используют недостаточно эффективно. Как правило, программы ориентированы на взаимодействие лишь с узкоспециализированными категориями и социальными группами, имеющими непосредственное отношение к их реализации. Например, в процессе реализации программы развития особых экономических зон основными целевыми группами выступают субъекты крупного и малого предпринимательства, частные отечественные и зарубеж-

ные инвесторы. Программы развития территорий опережающего развития предусматривают взаимодействие преимущественно с представителями территориальных объединений (ассоциаций), организаций профсоюзов и местных органов власти. Однако эти и другие государственные программы не учитывают интересов населения регионов и не используют его в качестве дополнительного ресурса. Следует констатировать практически полное отсутствие интереса по привлечению населения регионов к мероприятиям при реализации государственных программ как со стороны федеральных, так и региональных властей. Эксперты также считают, что органы власти не используют потенциал населения в качестве социального ресурса для поддержки бизнес-проектов и федеральных программ. Как показали результаты исследования 2023 года, только 18% экспертов сообщили, что в процессе реализации стратегии регионального развития власти опираются на население, нуждаются в его поддержке [Богданов, Почестнев 2024, 711].

Отсутствие полноценного социального диалога может приводить к ряду проблем при реализации государственных программ. Показательным примером служит ситуация, возникшая после принятия закона о территориях опережающего социально-экономического развития. Опрос населения Забайкальского края выявил высокий уровень общественного недовольства: более 90% респондентов высказали мнение о том, что власть не имела права без согласования с населением решать вопрос о передаче земель в собственность бизнесу, и выразили нежелание жить на территории, управляемой частными компаниями, а около 80% охарактеризовали закон как антинародный¹. В противоположность этому известны примеры, согласно которым организация полноценного социального диалога существенно повысила эффективность реализации государственных программ. Показательны опыт реализации национальных проектов, уровень общественной поддержки национальных проектов, который, в зависимости от конкретного проекта, составлял 45–55% [Реформирование... 2021, 407]. Это не пассивное одобрение программ, а готовность населения регионов активно включаться в мероприятия по их реализации.

¹ Территории опережающего развития: зачем они нужны и кому это выгодно? // Информационно-аналитический центр. 2019. 3 февраля. – URL: <https://web.archive.org/web/20240702205108/https://inance.ru/2019/02/tor/>.

Исследования также показывают, что постоянная работа с обществом, выраженная в функционировании централизованной системы информирования населения о национальных проектах, наличии возможности задать вопросы ответственным исполнителям, регулярном проведении встреч, приводит к положительному как экономическому, так и социальному эффекту [Мерзляков 2024]. Сопоставление различных практик реализации государственных программ позволяет сделать вывод о том, что социальный диалог выступает фактором, повышающим успешность их выполнения. Речь идет не о формальных процедурах информирования и консультаций, а о выстраивании системы постоянного взаимодействия, позволяющей учитывать мнения и интересы заинтересованных сторон, корректировать программы с учетом обратной связи от населения и обеспечивать их общественную поддержку на всех этапах реализации.

Институциональные механизмы социального участия в системе диалога центра и регионов

Эффективность реализации программ социального развития определяется не только их общественной поддержкой, но и активным участием заинтересованных сторон в их осуществлении. Как показывает опыт, только одобрения населением предлагаемых мер недостаточно – необходимо формирование подлинного партнерства между всеми участниками процесса социального развития, что будет возможным в рамках полноценного социального диалога, направленного на трансформацию того, как стороны социального взаимодействия воспринимают друг друга. По сути, речь идет о необходимости *придания субъектности* всем сторонам социального развития.

Ввиду этого актуальной представляется концепция социального участия, разработанная Т.М. Дридзе. Социальное участие представляет собой коллективную совместную деятельность, взаимодействие между социальными группами и институтами в вопросах принятия социально значимых решений и их реализации. Важнейшим механизмом реализации социального участия служит перманентное расширение «коммуникативного круга» с постепенным вовлечением в него все большего числа социальных субъектов, обладающих различными критериями оценки социальной ситуации [Дридзе 1998, 45].

Достижение полноценного социального участия станет возможным через формирование полисубъектной среды взаимодействия. В этом контексте концепция полисубъектности, разработанная В.Е. Лепским, описывает механизм формирования такой среды, характеризующейся множественностью акторов, их взаимозависимостью и динамичностью отношений [Лепский 2022]. Полисубъектность выступает в качестве этапа институционализации управления постиндустриального типа, предполагающего целенаправленную деятельность по созданию условий для совместной реализации конструктивной субъектности различных социальных акторов. Анализируя концепцию полисубъектности с позиции взаимодействия федерального центра и регионов, И.А. Савельев обосновывает мысль о том, что чем выше уровень взаимодействия (от простого информирования до реального гражданского участия), тем эффективнее становится развитие региона [Савельев 2024]. Полноценное социальное участие будет возможным лишь при условии налаживания действительного партнерства между центром и регионами, если население регионов, его общественные организации рассматривать не только в качестве объектов управления, но и в качестве полноправных субъектов развития.

Современные реалии таковы, что модель развития этих отношений складывается преимущественно по сценарию усиления централизации, при котором федеральная власть стремится к всестороннему контролю процессов в регионах [Лапина 2006]. Методы централизованного управления, практики администрирования, принятия решений и согласования интересов остаются доминирующими, определяя общий характер функционирования государственно-территориальной системы управления. Данная ситуация находит подтверждение в результатах эмпирических исследований. Согласно экспертному опросу, проведенному в 2023 году, три четверти экспертов признают высокую степень зависимости регионов от центральных органов власти [Богданов, Почестнев 2024, 709].

Для реализации принципа социального участия региону необходима аккумуляция собственных ресурсов во всем их многообразии. Это требует расширения круга субъектов развития за счет включения общественных организаций, малого и среднего предпринимательства. Как показывают исследования, в настоящее время регион в рамках разработки собственной стратегии развития опирается в основном на региональные органы власти

и крупный бизнес. Другие потенциальные субъекты развития – малый и средний бизнес, профсоюзы, научные организации, общественные организации и движения – остаются на периферии процессов развития [Богданов, Почестнев 2024, 710].

Для эффективного социального развития необходима, если использовать терминологию В.Е. Лепского, «сборка субъектов» [Лепский 2016] – процесс выявления и интеграции всех потенциальных участников развития, способных внести вклад в решение актуальных проблем регионов. Нужно не только определить таких субъектов, но и понять, какими ресурсами они обладают и каким образом эти ресурсы могут быть использованы в процессе развития. Фактически речь идет о формировании среды, в рамках которого происходит постоянное взаимодействие различных субъектов, проектирующих в ходе диалога стратегии своей деятельности и реализующих общие интересы развития территории.

В качестве позитивных примеров изложенного подхода можно привести опыт создания Национального аэрозольного кластера, действующего на территории трех субъектов РФ (Ставропольского края, Карачаево-Черкесской Республики и Тульской области), а также формирование особой экономической зоны «Доброград-1» во Владимирской области. В этих случаях удалось выстроить эффективное взаимодействие заинтересованных субъектов регионального развития: от органов федеральной и региональной власти до представителей бизнеса, общественных организаций и профессиональных сообществ.

Успех упомянутых проектов подтверждает, что социальное участие не может быть сведено к формальным процедурам согласования интересов или простому информированию населения о принимаемых решениях. Оно требует создания институциональных механизмов, обеспечивающих реальное включение всех заинтересованных сторон в процессы управления развитием. Такое включение может происходить на всех этапах, от разработки программ до их реализации и оценки результатов. В этом случае социальный диалог становится действенным инструментом управления социальным развитием, а принцип социального участия получает конкретное воплощение в практике регионального развития.

Заключение

Проведенный анализ показал, что социальный диалог выступает не только формой коммуникации, а особым социальным

институтом, способным трансформировать характер взаимодействия между различными субъектами социального развития. Во-первых, социальный диалог представляет собой не просто форму коммуникации, а сложный социальный институт, обладающий трансформационным потенциалом в преодолении социальной фрагментации и поляризации через создание общих смыслов и реальностей. Во-вторых, он способствует формированию институционального доверия через создание пространства для конструктивного взаимодействия различных общественных сил. В-третьих, социальный диалог обеспечивает эффективную реализацию принципа социального участия, позволяя заинтересованным сторонам стать подлинными субъектами развития. В-четвертых, он служит медиативным механизмом между различными социокультурными группами, работая с имеющимися противоречиями через поиск новых синтезов, а не через их подавление или обострение.

Вместе с тем институционализация социального диалога не должна приводить к его бюрократизации и формализации. Важно сохранить гибкость и адаптивность диалогических практик, их способность учитывать специфику тех или иных ситуаций и потребностей участников. Только в этом случае социальный диалог сможет стать эффективным инструментом развития гражданского общества и преодоления социокультурных противоречий. Эффективная реализация социального диалога может быть проиллюстрирована на примере отношений между федеральным центром и регионами. Ключевым направлением должен стать переход от административно-командной модели управления к системе партнерского взаимодействия, при которой регионы и их население выступают как полноправные субъекты развития. Целесообразно передать часть властных полномочий от центра регионам, начать процесс децентрализации управления социальным развитием. Иными словами, нужно начинать строить социальный диалог, который потому и называется социальным, что разворачивается между всеми участниками социального развития: федеральным центром, региональными властными структурами и местным населением.

Социальный диалог разворачивается в рамках общего представления о межсубъектном диалоге, но имеет специфическую внутреннюю структуру. В состав субъектов социального диалога входят не только органы управления, но и общественные

организации, которые непосредственно либо косвенно участвуют в управлении и оказывают в той или иной степени поддержку участникам переговорного процесса, партнерства, гражданского общества как формам социального диалога. По существу, социальный диалог – это форма самоопределения определенной части общества, различных социальных групп, выражающих поддержку или несогласие с проектами общественного развития, оказывающих или лишаящих доверия той или иной форме социального действия.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аузан 2024 – Аузан А.А. Индивидуализм и коллективизм: два культурных ядра России // *Философские науки*. 2024. Т. 67. № 4. С. 11–26.

Ахиезер 1996 – Ахиезер А.С. Социокультурные подходы к исследованию переходных процессов (на материале России) // *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*. 1996. № 2. С. 41–47.

Ахиезер 2008 – Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта / 3-е изд. – М.: Новый хронограф, 2008.

Богданов, Почестнев 2024 – Богданов В.С., Почестнев А.А. Дистанционная социальная экспертиза национальных проектов // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 3. С. 699–714.

Давыдов 2021 – Давыдов А.П. Социокультурный раскол в современной России: в поисках «середины» // *Личность. Культура. Общество*. Т. 23. Вып. 1–2 (№ 109–110). С. 64–75.

Давыдов 2024 – Давыдов А.П. Медиация и конвергентная социальность. К теории социального диалога // *Философские науки*. 2024. Т. 67. № 2. С. 135–159.

Дридзе 1998 – Дридзе Т.М. Социальная коммуникация в управлении с обратной связью // *Социологические исследования*. 1998. № 10. С. 44–50.

Лапина 2006 – Лапина Н.Ю. Отношения Центра и регионов: столкновение концепций // *Россия и современный мир*. 2006. № 4. С. 67–85.

Лепский 2016 – Лепский В.Е. Аналитика сборки субъектов развития. – М.: Когито-Центр, 2016.

Лепский 2022 – Лепский В.Е. Солидарное общество как саморазвивающаяся полисубъектная среда (гармония иерархий, сетей и сред) // *Местное право*. 2022. № 3. С. 11–20.

Мерзляков 2024 – Мерзляков А.А. Проблемы взаимодействия власти и населения в рамках реализации национальных проектов // *Россия реформирующаяся: ежегодник*. Вып. 22 / отв. ред. М.К. Горшков. – М.: ФНИСЦ РАН, 2024. С. 308–338.

Реформирование... 2021 – Реформирование властно-управленческой вертикали в условиях реализации национальных проектов и активизации процессов спонтанного группообразования / отв. ред. А.В. Тихонов, А.А. Мерзляков. – М.: ФНИСЦ РАН, 2021.

Савельев 2024 – Савельев И.А. Полисубъектность как фактор социального развития в контексте диалогизации и дифференциации отношений «центр – регионы» в федеративном государстве // Философские науки. 2024. Т. 67. № 2. С. 97–116.

Bohm 2004 – Bohm D. *On Dialogue*. – London: Routledge Classics, 2004.

Cleveland, Jacobs 1999 – Cleveland H., Jacobs G. *Human Choice: The Genetic Code for Social Development* // *Futures*. 1999. Vol. 31. No. 9–10. P. 959–970.

Forester 2013 – Forester J. *On the Theory and Practice of Critical Pragmatism: Deliberative Practice and Creative Negotiations* // *Planning Theory*. 2013. Vol. 12. No. 1. P. 5–22.

Gergen et al. 2001 – Gergen K.J., McNamee S., Barrett F.J. *Toward a Vocabulary of Transformative Dialogue* // *International Journal of Public Administration*. 2001. Vol. 24. No. 7–8. P. 697–707.

Innes, Booher 2003 – Innes J.E., Booher D.E. *Collaborative Policy-making: Governance through Dialogue* // *Deliberative Policy Analysis: Understanding Governance in the Network Society* / ed. by M. Hajer, H. Wagenaar. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2003. P. 33–59.

Isaacs 1999 – Isaacs W. *Dialogue and the Art of Thinking Together: A Pioneering Approach to Communicating in Business and in Life*. – New York: Currency, 1999.

Yankelovich 1999 – Yankelovich D. *The Magic of Dialogue: Transforming Conflict into Cooperation*. – New York: Simon & Schuster, 1999.

REFERENCES

Akhiezer A.S. (1996) Sociocultural Approaches to the Study of Transition Processes (Based on the Material of Russia). *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*. No. 2, pp. 41–47 (in Russian).

Akhiezer A.S. (2008) *Russia: Critique of Historical Experience* (3rd ed.). Moscow: Novyy khronograf (in Russian).

Auzan A.A. (2024) Individualism and Collectivism: Two Cultural Cores of Russia. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 67, no. 4, pp. 11–26 (in Russian).

Bogdanov V.S. & Pochestnev A.A. (2024) Remote Social Expertise of National Projects. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 24, no. 3, pp. 699–714 (in Russian).

Bohm D. (2004) *On Dialogue*. London: Routledge Classics.

Cleveland H. & Jacobs G. (1999) *Human Choice: The Genetic Code for Social Development*. *Futures*. Vol. 31, no. 9–10, pp. 959–970.

Davydov A.P. (2021) Sociocultural Divide in Modern Russia: In Search of the “Middle”. *Personality. Culture. Society = Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. Vol. 23, no. 1–2 (109–110), pp. 64–75 (in Russian).

Davydov A.P. (2024) Mediation and Convergent Sociality: Toward a Theory of Social Dialogue. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 67, no. 2, pp. 135–159 (in Russian).

Dridze T.M. (1998) Social Communication in Feedback Management. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie issledovaniia*. No. 10, pp. 44–50 (in Russian).

Forester J. (2013) On the Theory and Practice of Critical Pragmatism: Deliberative Practice and Creative Negotiations. *Planning Theory*. Vol. 12, no. 1, pp. 5–22.

Gergen K.J., McNamee S., & Barrett F.J. (2001) Toward a Vocabulary of Transformative Dialogue. *International Journal of Public Administration*. Vol. 24, no. 7–8, pp. 697–707.

Innes J.E. & Booher D.E. (2003) Collaborative Policymaking: Governance through Dialogue. In: Hajer M. & Wagenaar H. (Eds.) *Deliberative Policy Analysis: Understanding Governance in the Network Society* (pp. 33–59). Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Isaacs W. (1999) *Dialogue and the Art of Thinking Together: A Pioneering Approach to Communicating in Business and in Life*. New York: Currency.

Lapina N.Yu. (2006) Relations Between the Center and the Regions: A Clash of Concepts. *Rossiya i sovremennyy mir*. No. 4, pp. 67–85 (in Russian).

Lepsky V.E. (2016) *Analytics of the Assembly of Development Subjects*. Moscow: Kogito-Tsentr (in Russian).

Lepsky V.E. (2022) A Solidary Society as a Self-Developing Polysubject Environment (Harmony of Hierarchies, Networks and Environments). *Mestnoe pravo*. No. 3, pp. 11–20 (in Russian).

Merzlykov A.A. (2024) Problems of Interaction Between the Government and the Population in the Implementation of National Projects. In: Gorshkov M.K. (Ed.) *Reforming Russia: Yearbook* (Vol. 22, pp. 308–338). Moscow: RAS Federal Center for Theoretical and Applied Sociology (in Russian).

Savelev I.A. (2024) Polysubjectivity as a Factor of Social Development in the Context of Dialogization and Differentiation of Center–Region Relations in the Federal State. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 2, pp. 97–116 (in Russian).

Tikhonov A.V. & Merzlykov A.A. (Eds.) (2021) *Reforming the Power-Administrative Vertical in the Context of the Implementation of National Projects and the Activation of Spontaneous Group Formation*. Moscow: RAS Federal Center for Theoretical and Applied Sociology (in Russian).

Yankelovich D. (1999) *The Magic of Dialogue: Transforming Conflict into Cooperation*. New York: Simon & Schuster.

«Середина» как метод: поиск социоиндивидуального*

А.П. Давыдов

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются научные предпосылки социального диалога как медиационного процесса и как способа взаимодействия между индивидуальным и коллективным. Автор обосновывает переход от дуального к тернарному мышлению, подчеркивая необходимость новой доминанты, основанной на взаимодействии «Я» и Другого. Классические философские идеи европейского Просвещения и романтизма постепенно утрачивают актуальность, уступая место альтернативным концепциям, предлагающим медиационный подход к пониманию социальных процессов. Центральное место в исследовании занимают анализ и социологическая реконструкция философского парадокса В.А. Лекторского, согласно которому чем более всеобщий характер имеет деятельность личности, тем в большей мере она лично индивидуальна. Автор раскрывает психологическую и социологическую онтогенетику данного парадокса, демонстрируя его значимость для понимания современных социальных процессов. Особое внимание уделено концепции медиационной середины как пространства взаимопроникновения индивидуального и коллективного, при котором формируется новый тип субъектности. Показано, как через механизм медиации возможны преодоление социокультурного раскола и формирование продуктивного социального диалога. Рассматривается проблема поиска меры совместности в социальном партнерстве как методологического инструментария современной социальной теории. Автором введено понятие «неклассиче-

* Статья подводит итоги заседания секции «Культура, общество, межсубъектные отношения в ракурсе медиационного мышления. Проблемы социального диалога» Всероссийской научной конференции «Индивидуализация и коллективизм в современном российском обществе», посвященной 300-летию РАН (Институт социологии ФНИСЦ РАН, 24 мая 2024 года) и работы исследовательской группы, сформировавшейся в результате деятельности конференции (статьи участников исследовательской группы представлены в журнале «Философские науки», №№ 2, 3, 4 за 2024 год).

ское делиберативное Я», которое противопоставлено традиционным синкретическим смыслам и их статусным ролям. Предлагается концепция полисубъектного партнерства «Я/Мы», основанного на синтезе социоиндивидуального через смыслы личности-индивида и индивидуально-личностное содержание деятельности общества. В заключении сформулировано условие такого полисубъектного партнерства: чем в большей степени деятельность общества соответствует индивидуальным интересам личности, тем в большей мере эта деятельность лично-социоиндивидуальна.

Ключевые слова: социальная философия, медиация, мера, индивид, личность, индивидуализация, социоиндивидуализм, эгоиндивидуализм, унификация, социально ориентированный индивид, делиберативный диалог, философский парадокс Лекторского.

Давыдов Алексей Платонович – доктор культурологии, эксперт РАН по социологии, главный научный сотрудник Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН.

apdavydov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-6429-5758>

Для цитирования: Давыдов А.П. «Середина» как метод: поиск социоиндивидуального // *Философские науки*. 2024. Т. 67. № 4. С. 114–135. DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-4-114-135

The “Middle” as a Method: In Search for the Socio-Individual*

A.P. Davydov

Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article discusses scholarly foundations of social dialogue as a mediative process and as a mode of interaction between the individual and the

* The article summarizes the proceedings of the section “Culture, Society, and Intersubjective Relations through the Lens of Mediative Thinking: Problems of Social Dialogue” at the All-Russian Scientific Conference “Individualization and Collectivism in Contemporary Russian Society,” commemorating the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences (Institute of Sociology FCTAS RAS, May 24, 2024), and the work of the research group formed following the conference (articles by research group members are published in the *Russian Journal of Philosophical Sciences*, vol. 67, issues 2, 3, and 4).

collective. The author justifies the transition from dualistic to ternary thinking, emphasizing the necessity of a new dominance based on the interaction between the Self and the Other. Classical philosophical ideas from the European Enlightenment and Romanticism gradually lose their relevance, giving way to alternative concepts that advocate a mediative approach to understanding social processes. Central to this research is an analysis and sociological reconstruction of V.A. Lektorsky's philosophical paradox: the more universal the character of an individual's activity, the more personally individual it becomes. The author explores the psychological and sociological ontogeny of this paradox, demonstrating its significance for comprehending contemporary social processes. Special attention is given to the concept of a mediative middle as a space for the interpenetration of the individual and the collective, wherein a new type of subjectivity is formed. The article illustrates how mediation mechanisms can overcome sociocultural divides and foster productive social dialogue. It addresses the challenge of finding the appropriate balance of shared understanding in social partnerships as a methodological tool for contemporary social theory. The author introduces the notion of the "non-classical deliberative Self," contrasting it with traditional syncretic meanings and status roles. A concept of polysubjective partnership "I/We" is proposed, founded on the synthesis of the socio-individual through personal-individual meanings and the individually-personal content of societal activity. The conclusion formulates the condition for such polysubjective partnership: the more societal activity aligns with individual personal interests, the more this activity becomes personally socio-individual.

Keywords: social philosophy, mediation, measure, individual, personality, individualization, socio-individualism, ego-individualism, unification, socially oriented individual, deliberative dialogue, Lektorsky's philosophical paradox.

Alexey P. Davydov – Doctor of Cultural Studies, RAS Expert in Sociology, Chief Research Fellow, Center for Sociology of Management and Social Technology, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

apdavydov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-6429-5758>

For citation: Davydov A.P. (2024) The "Middle" as a Method: In Search for the Socio-Individual. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filo-sofskie nauki*. Vol. 67, no. 4, pp. 114–135.

DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-4-114-135

Есть две очень высокие вещи: мера и середина; о них лучше никогда не говорить. Лишь немногим знакомы их признаки и их сила; знание это достигается на сокровенных тропах, в мистерии внутренних переживаний и превращений. Эти немногие чтут их, как нечто божественное, и не решаются осквернить громким словом.

Ф. Ницше. Человеческое, слишком человеческое

Между «есть Бог» и «нет Бога» лежит целое громадное поле, которое проходит с большим трудом истинный мудрец. Русский же человек знает какую-нибудь одну из этих крайностей, середина же между ними ему не интересна, и она обыкновенно не значит ничего или очень мало.

А.П. Чехов. Записные книжки

Введение

Чем активнее в европейской философии укреплялись авторитетность «*cogito ergo sum*», абсолютная самостоятельность и эго-индивидуализм индивида («эгология»), теории чистого Я, абсолютного Я, сверхчеловека, представления об универсальном характере науки логики, объясняющей через себя все законы социальной динамики, тем в большей степени в мировой аналитике нарастала потребность в новой доминанте – в альтернативной системе, объясняющей законы человеческого общежития, субъектом которой выступает Я, осмысливающее себя через Другого. Вся классическая Я-аналитика, родившаяся в эпоху европейского Просвещения XVII–XVIII веков, философии и романтизма XIX века, начала входить в кризис еще до Первой мировой войны в работах Э. Гуссерля, в межвоенный период – в трудах М. Хайдеггера и рухнула после Второй мировой войны в альтернативных философских концепциях Ж.-П. Сартра, А. Камю, социологических методологиях М. Фуко, А. Шюца, Б. Латура; в России – в философствовании М.К. Мамардашвили, В.С. Библера, В.А. Лекторского и др., в рождении советской социологии, у истоков которой стояли В.А. Ядов, Т.И. Заславская и многие другие исследователи российского общества. Современные ученые не отказались от «*cogito ergo sum*», но отодвинули его на периферию своего интереса.

Сегодня смена доминант в российской и мировой научной рефлексии продолжается. И. Пригожин и И. Стенгерс ищут «узкую

тропинку, затерявшуюся где-то между двумя концепциями, каждая из которых приводит к отчуждению; концепцией мира, управляемой законами, не оставляющими места для новации и созидания, и концепцией, символизируемой Богом, играющим в кости, концепцией абсурдного, акаузального мира, в котором ничего нельзя понять» [Пригожин, Стенгерс 2003, 223]. В основе метода Ж. Дерриды лежит нацеливание на то, чтобы «пройти в щель между двумя неприемлемыми крайностями» [Деррида 2005, 139]. Герои современного российского писателя В.О. Пелевина ищут истину, лишь «протиснувшись сквозь лес невозможностей». Философ, культуролог, социолог А.С. Ахиезер утверждает, что смысл реформы состоит в том, чтобы «проплыть между Сциллой роста очагов прогресса и Харибдой возмущения несправедливостью нарушения уравнительности» [Ахиезер 1998, 409]. Специалист по политической философии Б.Г. Капустин определяет понимание современности как решение «проблемы установления Порядка при и на основе “абсолютной самостоятельности индивида”, т.е. не ценой подавления этой самостоятельности, и в то же время – без включения в гоббсовскую “войну всех против всех”», ведь «у “абсолютной самостоятельности” нет логических пределов, – ...она делает невозможным... *какое-либо общежитие людей вообще*» [Капустин 1998, 24–25]. В письме, адресованном мне, 11 декабря 2019 году философ и психолог, академик РАН и РАО В.А. Лекторский пишет о том, что «межсубъектная Я/Мы середина... несет в себе специфическую третью субъектность – она “постоянно меняется, развивается и тем самым определяет изменение как субъекта, так и объекта”» [Давыдов 2021, 197–198]. Во всех перечисленных примерах современной рефлексии общим содержанием является попытка аналитика выйти за рамки дуализации и перейти к тернарному мышлению. И субъект этого перехода изменил место: он из партиципации к одному из властных полюсов либо к обоим перешел в противоречивую и опасную «сферу между» ними – произошел медиационный переход.

Медиационный переход дуального мышления в тернарное и обратно может обретать форму вопросов. Как снять антагонизм противоположностей: веры и знания, индивидуального и коллективного, мышления человека и «мышления» машины? Как ввести в отношения диалога представления о своем и чужом, друге и враге? Как искать компромисс, формировать меру совместности,

«середины»¹, вести «поиск середины», медиацию? Обобщенно проблему можно сформулировать следующим образом: *как соединить несоединимое?* Поиску ответа на эти вопросы была посвящена Всероссийская научная конференция «Индивидуализация и коллективизм в современном российском обществе», прошедшая 23–24 мая 2024 года в Институте социологии ФНИСЦ, Институте философии РАН и Институте психологии РАН. Программой конференцией было предложено введение в научный оборот относительно новых понятий «социально ориентированный индивид», «индивидуализация социального», «социоиндивидуализм» в качестве способа конвергенции описанных выше противоположностей. И в настоящей статье предпринимается попытка найти ответы на вопросы, возникшие в результате медиационного перехода, уже через обращение к идеям и концепциям, предложенным в исследованиях участников конференции.

1. XX–XXI века: медиационные сдвиги в изучении предпосылок диалога индивидуального и коллективного

Имеют место тектонические изменения в теоретическом мышлении философии и социальных наук, которые, полагаем, подводят нас к возможности изучать такие сложнейшие феномены, как мера, граница, субъект, прогресс, диалог, логика взаимопроникновения противоположностей, открывают новый взгляд на статичные схемы «тезис – антитезис – синтез» и «тезис – антитезис – хаос», новое «Я» и нового Другого. Во всех этих изменениях сдвиг происходит через межсубъектное смысловое пространство, через постоянно изменяющийся «поиск середины».

1. Отказ от абсолютизации кантовского категорического императива, согласно которому человек должен рассматриваться исключительно как высшая цель в межсубъектной коммуникации и познавательной деятельности, и переход к равноценности цели и средства, выраженной в формуле В.С. Библера «цель цели – быть средством», «цель без средства – ничто» [Библер 2002, 91–92]. Эта фундаментальная формула родилась в контексте появления в европейской и российской аналитике новой доминанты: представления о том, что наивысшей целью в межсубъектной комму-

¹ «Середина» – термин, введенный в научный оборот в этике Аристотелем, в гносеологии – Г.В.Ф. Гегелем, в структурной антропологии – К. Леви-Строссом, в социокультурном анализе социальной динамики России – А.С. Ахиезером, в китайской философии – Конфуцием.

никации в условиях установки на социальное развитие является не гештальт-человек, который статичная мера всего (Протагор) и поэтому «звучит гордо» (М. Горький), а умение динамичного человека работать над своими способностями. Эта антропоцентричная формула сближает логику Библера с конфуцианским представлением о человеке-субъекте динамичной жизни как «середины» между двумя статичными абсолютами: ничто до рождения человека и после его смерти. Приведенную формулу можно интерпретировать как указание медиационному человеку России, застрявшему в выборе между капитализмом и социализмом, встать на путь творческой Середины – путь Дао, путь «Я/Мы» саморазвития «с человеческим лицом»².

2. Изменение представления о личности: «Неклассическое понимание Я, разрабатывающееся в философии XX века, отказывается от того понимания Я, которое сформулировал Декарт» [Лекторский 2009, 176]. В результате в эпистемологии возникла альтернатива картезианству: 1) система «Я – Другой»; 2) способность Я ответить на зов Другого как формируемая предпосылка возможности коммуникации и диалога. В условиях, когда все более настойчиво требует признания уточняющий медиационный вывод М. Фуко, А. Шюца, Б. Латура, Н. Лумана о том, что если общество с методологической точки зрения состоит не столько из людей, сколько из связей между ними [Луман 2004], то изменяется и представление о личности: личностью является человек, который способен установить определенный (личностный, т.е. «друг для друга» и одновременно «независимый друг от друга» [Давыдов 2021; Давыдов 2020]) вид связи с Другим.

3. Отказ от абсолютизации функции разграничения между противоположностями: верой и знанием, Я (своим) и Другим (чужим), индивидуальным и коллективным, машиной и человеком. Возникает альтернативное представление о границе как проницаемой, пунктирной, мерцающей (М.Н. Эпштейн), скользящей (В.А. Лекторский). Именно на границе между противоположностями, вдали от притяжения исторически сложившихся властных полюсов формируются новые смыслы как основания межсубъектного диалога (М.М. Бахтин).

4. Вывод о том, что методологически общество состоит из связей между людьми, превратился в коперниканский переворот, когда к этому открытию мы присоединили введенное А.С. Ахиезером понятие «смыслоформирующая межполюсная

² Согласно конфуцианскому философу Сюнь-цзы (ок. 313 – ок. 238 годов до н.э.), человек в случае самодостаточности способен подчинить своей динамичной воле даже небо [Сюнь-цзы 1973, 173].

середина» [Ахиезер 2008]. Суть переворота заключается в том, что межсубъектная «сфера между» в условиях аналитической установки на социальное развитие в системе «Я – Другой» стала нести автономную (третью) субъектность, в определенной мере через автономию своих «для»/«от» (А.П. Давыдов). Чем более открыта и диалогична эта «середина», тем более она диктует правила управления/самоуправления в системе «Я – Другой» (В.А. Лекторский, А.В. Тихонов) и тем более динамична и развита система в целом.

5. Понимание того, что обосновать автономность «сферы между», как и межпредметной проблематики в целом, в условиях установки на социальное развитие трудно, а иногда невозможно средствами традиционной социологии. Это можно делать успешнее с помощью методологии направлений, изучающих искусственный интеллект. Сближаются методологии медиационного мышления А.С. Ахиезера, «мышления посередине», «срединного мышления» В.И. Аршинова [Аршинов, Янукович 2024]³ и метаксологии У. Дезмонда⁴. Теория Аршинова вводит представление о медиационном «мышлении вместе-с», т.е. о мышлении человека и машины вместе как о способе углубления представления о мышлении

³ В.И. Аршинов и М.Ф. Янукович предлагают использовать в качестве способа «мышления посередине» сложностное мышление, «о котором писал в частности Э. Морен... Сложностное мышление – это медиативное мышление, срединное мышление... Этот подход не статичен и не нацелен на поиск некоей статичной золотой середины... Сложностное мышление, как утверждает Морен, представляет собой фундаментальный переход от классических, линейных способов упрощающего, редукционистского мышления “по частям” к реляционному, процессуально ориентированному поиску связующих части отношений» [Аршинов, Янукович 2024, 57]. Аршинов – в письме А.П. Давыдову от 3 сентября 2024 года – сообщает: «Вводимый Вами концепт “середина для” (“представление о субъектности “сферы между” культурой и обществом, нацеленной на развитие обоих полюсов через развитие себя как основания этого развития”) представляется мне чрезвычайно интересным».

⁴ Как пишет Д.А. Лунгина о разрабатываемой современным ирландским философом У. Дезмондом концепции метаксологии (от греч. *μεταξύ* – «между»), единство мира «метаксология ощущает как общность бытия, родство несхожих между собой крайностей и интерес к тому, что их развело» [Лунгина 2001]. В отличие от гегелевской диалектики, в которой противоположности снимаются в синтезе, метаксологическая середина характеризуется тем, что она «сочленяет двойное опосредование, непрямое одно в другое». Метаксологический подход позволяет избежать редукции различий к тождеству при сохранении целостности мировосприятия.

как таковом, способе его саморазвития в условиях нарастающей цифровизации. Существенный вклад в изучение техночеловеческого мышления вносит теория границ демаркации субъектов и техносубъектов В.Г. Буданова [Буданов 2024]. Полезна схема Е.В. Балацкого, описывающая метод взаимопроникновения противоположностей, таких как «агрессивность – миролюбие», «конкуренция – договороспособность» и др., в экономической политике [Балацкий 2024]. Эта схема очень пригодится, если социологи-практики будут учиться описывать в единицах измерения «середины» как меру взаимопроникновения индивидуализма и коллективизма в социоиндивидуальном, социоиндивидуализации и т.д.

6. Поиск меры совместности в социальном партнерстве выступает методологическим инструментарием современной социологии [Давыдов 2020]. Один вариант – диалог субъектов социального действия на общем основании («середины-для» М.М. Бахтина и В.А. Лекторского) [Давыдов 2021]. Его основанием является формула партнерства М.М. Бахтина: «Я для Тебя с твоей индивидуальной точки зрения / Ты для меня с моей индивидуальной точки зрения» [Бахтин 2000]. Это одна из форм взаимопроникновения индивидуального и социального в договорной совместно вырабатанной мере партнерства на общем основании.

Другой вариант – диалог субъектов социального действия на различных основаниях («середины-от» Ж.-П. Сартра и Р.С. Гринберга) [Давыдов 2020]. Ж.-П. Сартр писал: «Я ответственен за мое бытие для другого, но я не есть его основание» [Сартр 2000, 380]. В формуле Сартра вырисовывается сложная структура основания возможного партнерства, два уровня, две меры: первая – за сотрудничество, другая – в сомнении и, возможно, даже против, она хочет установить жестко индивидуализированные границы партнерства. Договор и договороспособность становятся главным методологическим средством достижения адекватной меры совместности.

С позиций институциональной политологии основанием межсубъектного диалога служит такой институциональный порядок, который обеспечивает универсализацию норм и постоянно воспроизводящиеся правила социального взаимодействия. Это является и условием, и средством формирования субъектности членов политики. Если институциональная среда не выполняет эти функции, формируются сообщества «своих», или «клик», «действующих на основе личного доверия и “сговора” в обход закона,

формальных правил... Такие клики могут успешно функционировать как в рамках формальных институтов, так и параллельно им, т.к. выполняют функции посредника между государством и частной сферой жизни, между чиновниками и частным бизнесом. Сообщества “своих” главным образом преследуют собственные цели, независимо от связей с формальными институтами» [Патрушев, Хлопин 2007, 307]. Система сообществ «своих» формирует «социум клик», «кликократию» (термин С.В. Патрушева). Это пространство не политической власти, а господства – встроенной в социальные структуры «формы власти, которая противостоит и демократической, и консервативной, и вообще любой политике» [Недяк 2024, 16]. В сфере социальных отношений господства запускаются механизмы развития социальной патологии социума. В логике господства его агенты изымают ресурсы субъектности у объектов воздействия, «переформатируют» их сознание и волю, препятствуют осознанию индивидом своей идентичности, пониманию и артикулированию своих интересов и нормативно-ценностных установок, блокируют пространство публичной политики как места делиберации и социального диалога.

7. В.А. Лекторским введена в научный оборот формула соотношения индивидуального и всеобщего в деятельности личности, которая названа им философским парадоксом. В свете этого парадокса становится понятным, что Институт социологии ФНИСЦ РАН правильно сделал, что сформировал секцию «Проблемы медиации и диалога» на конференции «Индивидуализация и коллективизм в современном российском обществе», а программа конференции рискнула поставить на публичное обсуждение вопрос о создании целого ряда таких оксюморонных (парадоксальных) понятий, как «социально ориентированный индивид», «индивидуализация социального» и «социоиндивидуализм», демонстрирующих новую сложность современного индивидуального и современного социального. Но одна сторона – призвать создать новое, другая же – показать, что сделать это возможно. Первое сделала программа конференции, второе – В.А. Лекторский. Формула Лекторского – это, согласно терминологии Гегеля, *пульсирующий нерв* теоретической концепции сложного социального развития и, следовательно, современной социологии. Поэтому мы назвали эту формулу философским

парадоксом Лекторского, выполнив ее социологическую реконструкцию и предложив специалистам для обсуждения.

2. Философский парадокс В.А. Лекторского и его социологическая реконструкция

Объясняя свою позицию относительно вопроса об отношениях между индивидуализмом и коллективизмом, пытаясь найти пути их взаимодействия в некотором переходном состоянии, В.А. Лекторский пишет: «Настоящее время – это время растущей индивидуализации. Но известна и другая, не менее значимая сторона этого процесса. Индивидуальная идентичность возможна лишь в условиях самоотнесения индивида с тем или иным коллективом. Вне коллектива человек как личностная индивидуальность не существует. Это связано с тем, что в основе имеющегося у индивида образа самого себя (психологи называют это «Я-концепцией») находятся представления об определенной системе принимаемых ценностей, которые влияют на поставленные индивидом цели. Между тем, ценности носят надындивидуальный характер. Индивид не изобретает их, а обретает в рамках той или иной коллективной общности: культуры, страны, социальной группы. Это происходит в результате вхождения человека в тот или иной (большой или малый) коллектив. Особенность великой личности, отличающая ее от других, состоит не в том, что она не похожа на остальных людей, мы все не похожи друг на друга. Ее особенность заключается в том, что такая личность наиболее полно выражает и осуществляет всеобщие, надындивидуальные, сверхиндивидуальные смыслы. *Философский парадокс: чем более всеобщий характер имеет деятельность такой личности, тем более она личностно индивидуальна* (курсив мой. – А. Д.)» [Лекторский 2024, 17].

Рефлексия относительно этой краткой формулы парадокса Лекторского имеет два онтогенетических слоя: психологический и социологический. Оба описывают деятельность человека. Если для австрийского психиатра и психолога В. Франкла (1905–1997), автора книги «Человек в поисках смысла», «мир в действительности является не субъективным проектом субъективного мира, а фрагментом, хоть и субъективным, но фрагментом объективного мира... мир – это существенно большее, чем простое проявление моего простого бытия» [Франкл 1990, 73], то для философа Лекторского мир – это результат взгляда на него через культуру,

которая есть результат социальной и психической, индивидуальной и коллективной деятельности человека. И другого мира для человека, по Лекторскому, не существует. Оба подхода значимы в аспекте анализа методологии парадокса.

2.1. Психологическая онтогенетика философского парадокса Лекторского

Психолог и психиатр В. Франкл задавал вопрос: «Не справедливо ли вообще, что лишь то, что само по себе прозрачно, позволяет увидеть нечто *большее*, чем оно само?» И предлагал ответ на него: «Лишь в той степени, в какой я сам отступаю на задний план, предаю забвению мое собственное существование, я приобретаю возможность увидеть нечто большее, чем я сам. Такое самоотречение является ценой, которую я должен заплатить за познание мира, ценой которой я должен приобрести познание бытия, большего, чем просто проявление моего собственного бытия. Одним словом, я должен игнорировать самого себя. Если мне это не удастся, то мои познавательные возможности терпят ущерб, ведь я сам преграждаю путь своему собственному познанию» [Франкл 1990, 73]. Такое «заглядывание за край» необходимо для изучения парадокса Лекторского, но видится недостаточным. Познание Франкла – объективация, девственная, нерасчлененная, синкретическая, в которой доминируют незамутненные «измы» Античности и Нового времени, а познание еще не стало объектом самокритики и переоценки своих оснований.

Но известна и другая причина того, почему философский парадокс Лекторского требует психологического обоснования. Английский психолог и психотерапевт Р.Д. Лэнг точно описывает психологическую природу проблемы «для/от»: «Любой человек в одно и то же время отделен от своих собратьев и связан с ними. Подобные отделенность и связанность являются взаимно необходимыми постулатами. Личностная связь может существовать лишь между бытиями, которые разделены, но не изолированы. Мы не изолированы, но мы и не являемся частями одного и того же физического тела. Мы имеем здесь парадокс – потенциально трагический парадокс, – состоящий в том, что наша связанность с другими есть существенный аспект нашего бытия, точно так же, как и наша отделенность, но любой индивидуум не представляет собой необходимую часть нашего бытия» [Лэнг 1995, 18]. Из этого следует экзистенциальная (т.е. не только теоретическая, но

жизненная и эмоциональная) проблема: преодолевая исторически сложившиеся состояния связанности («для») и отделенности («от»), т.е. отказываясь от нашей исторически сложившейся культуры, мы выходим за рамки ее стереотипов, и это очень трудно. Но еще сложнее создать новые уровни связанности/отделенности. Вынужденные отказываться от старого знания (своей культуры) и пытаясь с опорой на новое знание создать современное общество как альтернативу устаревающей культуре, мы входим в область трагического вопроса. Как соединить наше настоящее, устремленное в будущее, со своим прошлым, если оно, наше прошлое, ничего об этом новом будущем не знает и, более того, в своем воображении его боится и отвергает?

Вернемся к практике жизни и экзистенциальной социокультурной проблеме. Следуя Р.Д. Лэнгу, фиксируем, что эго-Я, заявляя о разрыве с прошлым, совсем не обязательно с радостью устремляется в будущее. В России оно испытывает страх поглощения, деперсонализации, окаменения, овеществления себя в контакте с Другим, воспроизводит в себе чувство тревоги, отчаяния и полагает, что живет как бы без ощущения жизни и поэтому пребывает в ситуации патологического раздвоения и «относительной депривации» своей личности (вспомним образы Онегина, Печорина, Рудина, Обломова, Демона, тургеневских мужчин, «кисельных» персонажей Чехова, подпольного человека Достоевского в русской художественной литературе). Такой индивид «может ощущать себя скорее нереальным, чем реальным, в буквальном смысле скорее мертвым, чем живым... он онтологически неуверенная личность, так что его индивидуальность и автономия всегда находятся под вопросом» [Лэнг 1995, 33–43]⁵. Следуя В.А. Лекторскому, у нас появляется основание полагать, что логика взаимопроникновения индивидуального и социального, содержащаяся в его философском парадоксе, показывает носителю этих раздвоения и депривации путь избавления от своей патологии: то «мутное», «непрозрачное», «патологически противоречивое», «депривированное», которое мучает эго-Я, исчезает, ослабевает, поскольку Я, избавляясь от самоизоляции и абсолютности своего эго, устремляется к открытости, конструированию личностной связи и диалогу с Другим, вместе с ним создавая адекватную меру

⁵ Ярko и психологически убедительно духовная и социальная катастрофа самоизолировавшейся личности показана в повести Ф.М. Достоевского «Двойник» (см.: [Давыдов 2016]).

совместности («межполюсную середину») и через нее формируя социальное.

2.2. Социологическая реконструкция философского парадокса Лекторского

Лекторский определяет в своей формуле основным такое слово, которое не произнесено, но подразумевается: переход. Это постоянный переход индивидуального в социальное и обратно как два способа бытия людей, вместе составляющие нечто единое, цельное, социоиндивидуальное, полисубъектное. У этого перехода существует основание, в частности совместная полисубъектная деятельность. Но не деятельность вообще, а вполне конкретная: социальное развитие как таковое, а значит, со всей его цивилизационной спецификой – циклами, противоречиями и зависимостями. Указанный переход как межсубъектная трансформация есть динамичная «социоиндивидуальная середина (медиация)» между индивидуальным и коллективным. У этого перехода существует субъект – ответственное и творческое медиационное человеческое, которое через найденную меру (двухголосую, полисубъектную «середину» [Савельев 2024]) совместности отвергает обе крайности в своей деятельности: и эго-равнодушие к социальному развитию, и командно-административное управление социальным развитием. Социоиндивидуализм философского парадокса Лекторского вносит решающий вклад в нравственное обоснование идеи социального развития, отвечая за то, как и зачем человек трудится и живет, к тому же не в одиночестве, а в семье и трудовом коллективе.

Человеческое в парадоксе Лекторского как субъекте социального развития раздвоено: с одной стороны, это индивид (личность), который управляет процессом развития через свой индивидуализм, с другой – социальная группа (слой, общество, сообщество), управляющая развитием через свой коллективизм. Индивидуализм и коллективизм в процессе социального развития имеют различные основания (текущие интересы и исторически сложившиеся ценности), которые могут не совпадать.

Противоречие между индивидуализмом и коллективизмом можно описать иначе. С одной стороны, это – субъектность индивида, пытающегося через эго-индивидуализм осмыслить себя независимой от стереотипов культуры, а также через мышление инновационных элитных групп, нацеленных на ускорение раз-

вития и формирование гражданского общества по модели, сложившейся в Западной Европе в эпоху Просвещения (XVII–XVIII века) и философии Нового времени (XIX век). С другой стороны, это – субъектность исторически сложившейся вечевой, соборно-авторитарной русской культуры, нацеленной на сохранение власти древних культурных стереотипов, закрепившихся в России в советский период и по-прежнему доминирующих в современном обществе. Углубление противоречия между культурной традицией и социальной инновацией грозит социуму социокультурным расколом. Философский парадокс Лекторского содержит поли-субъектный механизм снятия (смягчения) угрозы углубления социокультурного противоречия. Каким образом?

Формула Лекторского вводит понятие «надындивидуальный». Это выход из анализа противоположностей индивидуального и коллективного как антагонистических сущностей в изучение переходного характера «сферы между» ними как условной социоиндивидуальной/социокультурной межполюсной «середины». Нами ранее проанализирован этот методологический прием В.А. Лекторского [Давыдов 2024]. Мы сравнили «надындивидуальное» Лекторского со «сверх-Я» З. Фрейда и обосновали вывод: «Теория З. Фрейда объясняет раскол между культурой и обществом в Я, теория Лекторского помогает понять, как его преодолеть» [Давыдов 2024, 142]. «Сверх-Я» Фрейда родилось из эго-индивидуализма европейского мышления, и до конца XVIII века в философии оно «рассматривалось как нечто внеисторическое, тождественное себе, как важнейшая характеристика человека как такового» [Гайденок 1991, 4]. У Лекторского – иное: эго-Я не умерло, оно есть, без него нельзя, оно важно, но в его философском парадоксе Я изменило свою доминанту. Она локализована не в статичном монологичном эго-Я Нового времени, а в динамичном диалогичном надындивидуальном XXI века, социоиндивидуальном Над-Эго – сфере взаимопроникновения индивидуального и социального. И в этом изменении состоит суть современного Я. Исторически сложившееся эго-Я и современное «Я в пространстве “над”» – это одно и то же Я, но пребывающее в состоянии перехода, все более изменяющееся / в чем-то уже изменившееся и программирующее себя на дальнейшие изменения. В этом смысловом пространстве между двумя состояниями Я рождаются новая культурная эпоха, новое социальное и новая социология. Тем самым разворачивается философский парадокс /

переход Лекторского, и через этот методологический инструмент... Хотя угроза социокультурного раскола в обществе не исчезла, но стало понятным, как через «поиск середины» не допустить, снизить угрозу социокультурного разрыва (Л. Бляхер), раскола (А. Ахиезер), хаоса (И. Пригожин), появился предмет социокультурного делиберативного диалога.

Неклассическое делиберативное Я беспощадно лишает синкретические смыслы их традиционно сложившихся статусных ролей. Так, в неклассической философии лишились доминантных статусов субъектоцентризм, критицизм, нормативизм, фундаментализм, объективизм, наукоцентризм и др. [Лекторский 2009, 103–114]. Что именно не устроило неклассическую философию в этих «измах» эпохи европейского Нового времени? Их нацеленность на то, чтобы через себя *унифицировать* новое социальное разнообразие, родившееся в середине XX–XXI веков, чтобы новизну нынешнего нового объяснять выработанными 200–300 лет назад эго-нормами и моделями. Не отрицаем необходимости эгопотребностей нынешнего индивида. Но рядом с ними возникает сегодня новая ценность, в частности социопотребность, социоиндивидуализация современной личности. На определенном этапе исторического развития эго-нормы и модели оправданы и остро необходимы: герои Шекспира, Сервантеса, Шиллера, Байрона, Гете, Пушкина, Лермонтова дали миру неувядаемые образцы индивидуализма личности. Эти типы личности актуальны и сегодня. Но по мере нарастания эволюционных изменений такое понятие, как, например, индивидуализм снизило эго-унифицирующую, эго-универсальную актуальность. Потребовались критика оснований данного понятия и разабсолютизация унифицирующей роли приставки «эго» при изучении современных форм и процессов социального развития. Делиберативное Я подвергает критике проявление таких социальных форм, подвергшихся унификации, как эго-индивидуализм, коллективизм советского типа⁶, унифи-

⁶ Вспомним о том, как партийное руководство советской экономикой изуродовало прекрасный опыт А.Г. Стаханова по добыче угля, фактически погубив стахановское движение; как местные партийные лидеры Севера и Дальнего Востока СССР отчитывались перед хрущевским руководством страны несуществующими успехами в выращивании кукурузы, производстве товарного мяса и т.д., объясняя эти «успехи» преимуществами советского коллективизма перед буржуазным индивидуализмом капиталистического Запада.

цированные варианты уравнительности, утилитаризма, ускорения и др. [Ахиезер 1998, 514, 516, 518, 520–526].

Субъектность межполюсной «середины» выступает в философском парадоксе Лекторского как договорное и договороспособное, как полисубъектное смысловое и социальное пространство, несущее в себе когнитивные структуры: «сфера между», «середина», «мера», «для», «от», «вместе-с», «полисубъектность», «переход», «надындивидуальное», «alter ego», «делиберативный диалог», «социоиндивидуализация». Если субъект социального действия не способен осуществить его как переход, заменяя дифференциацию унификацией и через *власть кликократии* формируя бесчисленные формы имитации перехода, то возникает, во-первых, разрушение полисубъектного механизма амбивалентного взаимоперехода индивидуального и коллективного друг в друга и, следовательно, смысл социоиндивидуального; во-вторых, происходит распад дуальной оппозиции «индивидуальное – коллективное» как формы социального единого и субъектности Я.

Заключение

Полисубъектное партнерство «Я/Мы» работает при одном условии: чем более деятельность личности носит всеобщий (социальный, формирующий Благо для всех) характер, тем в большей мере она личностно индивидуальна (В.А. Лекторский). И одновременно: чем более деятельность общества в целом или малой социальной группы соответствует индивидуальным интересам индивида (личности), тем в большей степени она личностно социоиндивидуальна (А.П. Давыдов). Таким образом, философско-социологическое мышление формирует представление об амбивалентном взаимопроникновении «личностной социоиндивидуализации» и «индивидуально-личностной социализации» – этих двух сторон формирования меры партнерской совместности индивидуализма и коллективизма (социальности) через смыслы личности-индивида и индивидуально-личностного содержания деятельности общества в целом или малой социальной группы в системе «Я/Мы». Такая амбивалентность позволяет понять динамику индивидуального и социального через медиационный характер системы *измерения их взаимопроникновения: измерение ценности индивидуального ценностью социального и измерение ценности социального ценностью индивидуального*. Поиск меры взаимопроникновения этого типа можно рассматривать как

предмет делиберативного диалога, поскольку найти адекватную меру взаимопроникновения этих противоположностей можно только через диалог, измеряя его социоиндивидуальное основание инструментальными средствами. В ракурсе методологической установки, нацеливающей аналитика на изучение динамики социального развития, философский парадокс Лекторского представляет собой социологический парадокс. В обеих версиях, философской и социологической, этого парадокса/перехода его теоретико-методологическим основанием служит субъектность двувалентной диалогичной, полисубъектной смыслоформирующей «середины / поиска середины / медиации».

Это промежуточный вывод, но что дальше? Поиск через медиацию гуманистической альтернативы крайностям в социальном, политическом, экономическом и культурном развитии России продолжается⁷.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аршинов, Янукович 2024 – Аршинов В.И., Янукович М.Ф. Проблема техносубъекта в оптике мышления «вместе-со-сложностью» // *Философские науки*. 2024. Т. 67. № 3. С. 53–74.

⁷ В работе [Давыдов 2023] мною предложена и на первичном уровне апробирована гипотетическая формула этапизации модернизационной динамики социального развития. Эту гипотезу можно интерпретировать через идеологию данной статьи, а именно: через механизм социальной реформы «унификация – дифференциация – новая унификация» по логике социальной версии философского парадокса Лекторского. В частности, чем более дифференциальные процессы развиваются в модернизирующемся обществе и чем более они формируют новое разнообразие, тем в большей мере они порождают в социальном теле этого общества потребность в новой унификации, в закреплении представления о новом единстве как итога модернизации. И наоборот: чем более унифицирующие процессы фиксируют и закрепляют в теле общества идею единства наличествующего разнообразия на исторически сложившемся основании, тем в большей мере они порождают потребность критики абсолютизации этого основания и развития в нем процессов дифференциации и формирования нового разнообразия. Амбивалентность двух сторон модернизационной динамики порождена цикличностью социального развития в истории России по формуле «развитие – застой – кризис – смута – посткризисное восстановление с элементами как нового развития, так и нового застоя/кризиса» (формула цикличности взята у А.С. Ахизера [Ахизер 2008]).

Ахиезер 1998 – *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта: в 2 т. Т. 2. Теория и методология. Словарь / 2-е изд., перераб. и доп. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.

Ахиезер 2008 – *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта / 3-е изд., испр. и доп. – М.: Новый хронограф, 2008.

Балацкий 2024 – *Балацкий Е.В.* Философия сотрудничества в институциональном проектировании: истоки, ограничения и перспективы // *Философские науки.* 2024. Т. 67. № 4. С. 27–46.

Бахтин 2000 – *Бахтин М.М.* Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000

Библер 2002 – *Библер В.С.* Замыслы: в 2 кн. Кн. 1 / сост. И.Е. Берлянд. – М.: РГГУ, 2002.

Буданов 2024 – *Буданов В.Г.* Техносубъект и антропосоциальные проблемы взаимодействия с искусственным интеллектом: синергия, демаркация, новая рациональность, риски // *Философские науки.* 2024. Т. 67. № 3. С. 27–52.

Гайденко 1991 – *Гайденко П.П.* Проблема рациональности на исходе XX века // *Вопросы философии.* 1991. № 6. С. 3–14.

Давыдов 2016 – *Давыдов А.П.* У истоков Российской Реформации (по прочтении повести Ф.М. Достоевского «Двойник») // *Общественные науки и современность.* 2016. № 3. С. 163–176.

Давыдов 2020 – *Давыдов А.П.* Методологическая «середина» как инструмент изучения социальной реальности // *Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 18 / отв. ред. М.К. Горшков.* – М.: Новый Хронограф, 2020. С. 529–564.

Давыдов 2021 – *Давыдов А.П.* Методологическая «середина-для» в ракурсе неклассики В. Лекторского, медиации А. Ахиезера и принципа комплементарности Р. Гринберга / А. Рубинштейна // *Вопросы философии.* 2021. № 4. С. 191–202.

Давыдов 2023 – *Давыдов А.П.* Александр Самойлович Ахиезер: раскол в России и стратегия его преодоления // *Цивилизация: многозвучие смыслов. Методіа / отв. ред., сост. А.В. Смирнов, Н.А. Касавина, С.А. Никольский.* – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2023. С. 379–388.

Давыдов 2024 – *Давыдов А.П.* Медиация и конвергентная социальность. К теории социального диалога // *Философские науки.* 2024. Т. 67. № 2. С. 135–159.

Деррида 2005 – *Деррида Ж.* Наконец-то научиться жить (последнее интервью) // *Вопросы философии.* 2005. № 4. С. 133–144.

Капустин 1998 – *Капустин Б.* Как понимать вопрос «Что такое современность?» // *Стратегия.* 1998. № 1.

Лекторский 2009 – *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая / 3-е изд. – М.: URSS, 2009.

Лекторский 2024 – Лекторский В.А. Индивидуализация, коллективность, диалог // *Философские науки*. 2024. Т. 67. № 2. С. 13–25.

Луман 2004 – Луман Н. Общество как социальная система / пер. с нем А. Антоновского. – М.: Логос, 2004.

Лунгина 2001 – Лунгина Д.А. О различии между системами Гегеля и Дезмонда // *Логос*. 2001. № 4. С. 131–136.

Лэнг 1995 – Лэнг Р. Расколотове «Я». Антипсихиатрия. – М.: Академия; СПб.: Белый кролик, 1995.

Недяк 2024 – Недяк И.Л. Институциональная политология: развитие неинституционального подхода в российской политической науке // *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»*. 2024. № 3. С. 12–29.

Патрушев, Хлопин 2007 – Патрушев С.В., Хлопин А.Д. Социокультурный раскол и проблемы политической трансформации России // *Россия реформирующаяся: ежегодник*. Вып. 6 / отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Институт социологии РАН, 2007. С. 301–318.

Пригожин, Стенгерс 2003 – Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени / пер. с англ. Ю.А. Данилова. – М.: URSS, 2003.

Савельев 2024 – Савельев И.А. Полисубъектность как фактор социального развития в контексте диалогизации и дифференциации отношений «центр – регионы» в федеративном государстве // *Философские науки*. 2024. Т. 67. № 2. С. 97–116.

Сартр 2000 – Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл. В.И. Колядко. – М.: Республика, 2000.

Сюнь-цзы 1973 – Сюнь-цзы. Глава 17. «О небе» // *Древнекитайская философия*. В 2 т. Т. 2 / сост. Ян Хин Шун. – М.: Мысль, 1973. С. 167–174.

Франкл 1990 – Франкл В. Человек в поисках смысла / пер. с англ. и нем. Д.А. Леонтьева, М.П. Папуша, Е.В. Эйдмана. – М.: Прогресс, 1990.

REFERENCES

Akhiezer A.S. (1998) *Russia: Critique of Historical Experience. Socio-cultural Dynamics of Russia. Vol. 2: Theory and Methodology. Dictionary* (2nd ed.). Novosibirsk: Sibirskiy khronograf (in Russian).

Akhiezer A.S. (2008) *Russia: Critique of Historical Experience* (3rd ed.). Moscow: Novyy khronograf (in Russian).

Arshinov V.I. & Yanukovich M.F. (2024) The Issue of Technosubject through the Lens of “Together-with-Complexity” Thinking. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 3, pp. 53–74 (in Russian).

Bakhtin M.M. (2000) *The Author and the Hero: On the Philosophical Foundations of the Humanities*. Saint Petersburg: Azbuka (in Russian).

Balatsky E.V. (2024) Philosophy of Cooperation in Institutional Design: Origins, Limitations, and Prospects. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 4, pp. 27–46 (in Russian).

Bibler V.S. (2002) *Contrivances in 2 Vols.* (Vol. 1). Moscow: Russian State University for the Humanities (in Russian).

Budanov V.G. (2024) Technosubject and Anthroposocial Challenges of Human–Artificial Intelligence Interaction: Synergy, Demarcation, New Rationality, and Risks. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 3, pp. 27–52 (in Russian).

Davydov A.P. (2016) At the Origins of the Russian Reformation (After Reading Dostoevsky’s Novel *The Double*). *Obshchestvennye nauki i sovremennost*. No. 3, pp. 163–176 (in Russian).

Davydov A.P. (2020) Methodological “Middle” as a Tool for Studying Social Reality. In: Gorshkov M.K. (Ed.) *Reforming Russia: Yearbook* (Vol. 18, pp. 529–564). Moscow: Novyy khronograf (in Russian).

Davydov A.P. (2021) Methodological “Middle-for” from the Perspective of V. Lektorsky’s Non-Classics, A. Akhiezer’s Mediation, and R. Grinberg / A. Rubinstein’s Principle of Complementarity. *Voprosy filosofii*. No. 4, pp. 191–202 (in Russian).

Davydov A.P. (2023) Alexander Samoylovich Akhiezer: The Divide in Russia and the Strategy for Overcoming It. In: Smirnov A.V., Kasavina N.A., & Nikolsky S.A. (Eds.) *Civilization: Polyphony of Meanings. Memoria* (pp. 379–388). Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ (in Russian).

Davydov A.P. (2024) Mediation and Convergent Sociality: Toward a Theory of Social Dialogue. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 2, pp. 135–159.

Derrida J. (2005) Learning at Last to Live (The Last Interview). *Voprosy filosofii*. No. 4, pp. 133–144 (Russian translation).

Frankl V. (1990) *Man’s Search for Meaning* (D.A. Leontiev, M.P. Papush, & E.V. Eidman, Trans.). Moscow: Progress (Russian translation).

Gaidenko P.P. (1991) The Problem of Rationality at the End of the 20th Century. *Voprosy filosofii*. No. 6, pp. 3–14 (in Russian).

Kapustin B. (1998) How to Understand the Question “What is Modernity?” *Strategiya*. No. 1 (in Russian).

Laing R.D. (1995) *The Divided Self: An Existential Study in Sanity and Madness. Anti-Psychiatry*. Moscow: Akademiya; Saint Petersburg: Belyy krokil (Russian translation)

Lektorsky V.A. (2009) *Classical and Nonclassical Epistemology* (3rd ed.). Moscow: URSS (in Russian).

Lektorsky V.A. (2024) Individualization, Collectivity, Dialogue. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 2, pp. 13–25.

Luhmann N. (2004) *Society as a Social System* (A. Antonovsky, Trans.). Moscow: Logos (Russian translation).

Lungina D.A. (2001) On the Difference Between the Systems of Hegel and Desmond. *Logos*. No. 4, pp. 131–136 (in Russian).

Nedyak I.L. (2024) Institutional Political Science: The Development of the New Institutional Approach in Russian Political Science. *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*. No. 3, pp. 12–29 (in Russian).

Patrushev S.V. & Khlopin A.D. (2007) Sociocultural Split and the Problems of Political Transformation of Russia. In: Gorshkov M.K. (Ed.) *Reforming Russia: Yearbook* (Vol. 6, pp. 301–318). Moscow: RAS Institute of Sociology (in Russian).

Prigogine I. & Stengers I. (2003) *Time, Chaos and the Quantum: Towards the Resolution of the Time Paradox* (Yu.A. Danilov, Trans.). Moscow: URSS (Russian translation).

Sartre J.-P. (2000) *Being and Nothingness: An Essay on Phenomenological Ontology* (V.I. Kolyadko, Trans. & Foreword). Moscow: Respublika (Russian translation).

Savelev I.A. (2024) Polysubjectivity as a Factor of Social Development in the Context of Dialogization and Differentiation of Center–Region Relations in the Federal State. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 2, pp. 97–116.

Xunzi (1973) Chapter 17: On Heaven. In: *Ancient Chinese Philosophy* (Yang Hin Shun, Ed.; Vol. 2, pp. 167–174). Moscow: Mysl' (Russian translation).

Религия, политика, власть.

В поисках «середины»

DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-4-136-158

Оригинальная исследовательская статья

Original research article

**Авторитет совести:
к вопросу о легитимности теологии политического
в демократическом обществе**

Б. Бурден

Парижский католический институт, Париж, Франция

Аннотация

В статье рассматривается проблема взаимоотношения теологического и политического в современных либеральных демократиях. Анализируются два подхода к пониманию взаимосвязи религии и политики: политическая религия, стремящаяся к полному совпадению религиозной и политической сфер, и теология политического, основанная на принципе их расхождения, не-совпадения (*dé-coïncidence*). Исследуя историческую эволюцию этих отношений от Античности через средневековое христианство к современности, автор показывает, как христианство ввело принцип не-совпадения между теологическим и политическим измерениями, который затем, в эпоху Модерна, был утрачен. Внимание уделено анализу работ философов Нового времени (Гоббса, Спинозы, Локка, Руссо), заложивших основы современного понимания отношений между религией и политикой. Центральный тезис статьи заключается в том, что либеральные демократии страдают от отсутствия легитимной формы соотношения между религиозным и политическим измерениями. Автор предлагает концепцию теологии политического, основанную на принципе не-совпадения, как способ преодоления этого кризиса. Данный подход позволяет избежать как полного разделения религиозной и политической сфер, так и их слияния в форме гражданской религии. Утверждается, что легитимность теологического дискурса в публичной сфере должна быть основана не на внешнем авторитете религиозных норм, а на способности теологии создавать пространство для критической рефлексии над политическим порядком и социальными нормами. Это особенно важно в контексте современных вызовов, таких как миграционный кризис, биоэтические дебаты, мультикультурализм и религиозный плюрализм. Автор заключает, что выход из текущего кризиса либеральных демократий требует пересмотра и принципов модерна, и

роли религии в публичной сфере. Сделан вывод, что подлинная автономия политического субъекта парадоксальным образом требует признания его фундаментальной неавтономности, что и составляет суть демократического парадокса, наиболее полно выраженного в христианской традиции.

Ключевые слова: социальная философия, политическая философия, философия религии, легитимность, гражданская религия, свобода совести, светскость, либеральная демократия.

Бурден Бернар – доктор философии, доктор истории религий и теологии, доктор хабитат (*habilitation à diriger des recherches*), профессор политической философии и истории идей, директор докторантуры факультета социальных, экономических и юридических наук Парижского католического института.

dm.bourdin@icp.fr

Для цитирования: Бурден Б. Авторитет совести: к вопросу о легитимности теологии политического в демократическом обществе // *Философские науки*. 2024. Т. 67. № 4. С. 136–158.

DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-4-136-158

Authority of Conscience: Legitimizing a Theology of the Political in Democratic Society

B. Bourdin

Catholic Institute of Paris, Paris, France

Abstract

The article discusses the theologico-political relationship in modern liberal democracies. The author contrasts two approaches to understanding the relationship between religion and politics: political religion, which strives for complete coincidence of religious and political spheres, and the theology of the political, based on the principle of their de-coincidence. Exploring the historical evolution of these relations from Antiquity through medieval Christianity to modernity, the author demonstrates how Christianity first introduced the principle of de-coincidence between theological and political dimensions, which was subsequently lost in the modern era. Special attention is paid to analyzing the works of modern philosophers (Hobbes, Spinoza, Locke, Rousseau) who laid the foundations for the contemporary understanding of relations between religion and politics. The central thesis of the article is that modern liberal democracies suffer from the absence of a legitimate form of relationship between religious and political dimensions.

The author proposes the concept of “theology of the political,” based on the principle of de-coincidence, as a way to overcome this crisis. This approach allows avoiding both complete separation of religious and political spheres and their merger in the form of civil religion. The article argues that the legitimacy of theological discourse in the public sphere should be based not on the external authority of religious dogma, but on theology’s ability to create space for critical reflection on political order and social norms. This is particularly important in the context of contemporary challenges such as the migration crisis, bioethical debates, multiculturalism, and religious pluralism. The author concludes that overcoming the current crisis of liberal democracies requires revisiting both the principles of modernity and the role of religion in the public sphere. The author concludes that genuine autonomy of the political subject paradoxically requires recognition of its fundamental non-autonomy, which constitutes the essence of the democratic paradox most fully expressed in the Christian tradition.

Keywords: social philosophy, political philosophy, philosophy of religion, legitimacy, civil religion, freedom of conscience, secularity, liberal democracy.

Bernard Bourdin – Doctor of Philosophy, Doctor of History of Religions and Theology, Dr.Hab. (habilitation à diriger des recherches), Professor of Political Philosophy and History of Thought, Director of Doctoral Studies and Research at the Faculty of Social, Economic and Law Sciences of the Catholic Institute of Paris.

dm.bourdin@icp.fr

For citation: Bourdin B. (2024) Authority of Conscience: Legitimizing a Theology of the Political in Democratic Society. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 4, pp. 136–158.
DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-4-136-158

Введение

Теолого-политическое часто воспринимается как угнетение совести через политическое навязывание религиозной нормы. Но такой подход в действительности смешивает гражданскую или политическую религию с политической теологией, тем более с теологией политического. Благодаря инаковости (или не-совпадению¹), которую последняя устанавливает между теологическим, юридическим и социологическим дискурсами,

¹ О концепции не-совпадения, или расхождения (*dé-coïncidence*), см. гл. 5 «Логика не-совпадения» работы современного французского философа Ф. Жюльена «Богатства христианства» [Jullien 2018].

политическое состояние может быть освобождено как от замкнутой концепции законности, легальности общественного порядка (гипертрофии права), так и от настолько же замкнутой концепции социальной нормы (гипертрофии социальных страстей). Через инаковость теологический дискурс больше не находится в доминирующей позиции по отношению к политическому состоянию. Напротив, он действует внутри него. Это означает признание того, что всегда существует не-совпадение между истиной политического состояния (историей) и конечной истиной человека (эсхатологией). Через такое не-совпадение теологический дискурс может открыть пространство для авторитета совести в демократии, т.е. политической форме обсуждения, делиберации вопросов человеческого существования. Таким образом, именно не-совпадение позволяет мыслить иную концепцию легитимности, которая больше не сводится к религиозной гетерономии.

Прежде чем перейти к сути нашего рассуждения, в частности *теолого-политической легитимности авторитета совести*, обратим внимание на политико-религиозный вызов «возвращения Бога», т.е. требований в условиях либеральной демократии, которые реабилитируют религию как норму совести и религиозную совесть как норму социальной жизни. Раскрытие данного вопроса означает признание того, что теолого-политическая легитимность авторитета совести не лишена двусмысленности. Либеральные демократии как никогда подвержены возможной «войне совестей» (*guerre des consciences*²). Такая война могла бы оправдать возвращение к предписывающей концепции религии в публичной сфере демократии и ослабить законность общественного порядка. Но в рамках отстаиваемой нами проблематики речь идет не о том, чтобы противопоставить легитимность и легальность, авторитет совести и власть для принятия решений, а о том, чтобы их соединить, другими словами, отвергнуть как науку права и социальную науку, подчиненную религиозной гетерономии, так и исключительно позитивистскую и нормативистскую науку права и социальную науку. Этот двойной отказ, следовательно, обязывает прояснить значение «возвращения Бога» в публичную сферу либеральной демократии. Такое прояснение служит необ-

² Во французском языке *conscience* означает и «совесть», и «сознание». В контексте статьи *guerre des consciences* подразумевает войну между нравственным сознанием индивидов, между их нравственными убеждениями. – *Прим. ред.*

ходимым условием для определения научного объекта теологии политического *как ресурса авторитета совести*.

1. «Возвращение Бога»: возвращение теолого-политического либо возвращение гражданской или политической религии?

Если концепция не-совпадения, выдвинутая Ф. Жюльеном, обладает эвристической плодотворностью для иного осмысления отношения Человека к трансцендентному, если эта концепция позволяет сместить разделение между «верующими» и «неверующими» в направлении «неизмеримого в измеримости этого мира» [Jullien 2022, 333–334], то каковы последствия этого в *отношении* теологического к политическому? Или, выражаясь менее концептуально, но более исторически и юридически, каковы последствия этого в отношениях между духовной и политической сферами, между религиями и государством? Поставленные вопросы тем более значимы, что они по-новому проявляются в наших либерально-демократических обществах. Подобно Лохнесскому чудовищу, древнее конкурентное противостояние политического и религии вновь всплывает на поверхность, хотя и в очень парадоксальном и беспрецедентном контексте либерального разделения религий и государства. Возвращение этого конкурентного противостояния указывает на то, что решение проблемы, называемой «теолого-политической», было в действительности лишь кажущимся. В глубине, под поверхностью, всегда оставался нерешенным главный вопрос – вопрос о Боге – и в Европе, вышедшей из христианства, и в арабском мире, в котором господствует ислам, и в светском государстве Израиль, которое тем не менее реактивирует все мифы библейского Израиля. После Ницше стало общепринятым мнение о том, что Бог умер и что религиозные институты, которые его поддерживают, в сущности, являются лишь пережитками его все еще движущегося трупа.

Но «Бог возвращается», и Он все чаще возвращается в наиболее страшной форме, т.е. в форме желания совпадения между абсолютным, к которому Человек стремится в своей глубочайшей сути, и религиозной нормой, которая должна естественным образом быть навязана как проявление трансцендентного присутствия Бога в земной имманентности политических обществ. Небо и земля должны совпадать, и таким был бы проект любой политической теологии. По крайней мере, так говорят все, кто обоснованно этого опасается. Однако можно ли охарактеризовать «возвращение Бога»,

или, по крайней мере, страстное желание этого возвращения, как теолого-политическое? Ответ будет отрицательным, поскольку критика этого словосочетания [Mulhlmann 2022], представляемого как противоположность основополагающим принципам современных либеральных демократий, питается смешением его со словосочетанием «политическая религия». Сочетание понятий «теология» и «политика» ввиду двусмысленности высвечивает возможность не-совпадения двух рациональностей, а сочетание терминов «религия» и «политика» – отношения тождественности между двумя полюсами человеческого существования³. Поскольку они нуждаются друг в друге, они обречены совпадать. Именно свидетелем такого возвращения выступает современный мир, а не возвращения теолого-политического. Религия должна стать политической, чтобы реализовать божественные императивы, а политика – религией, чтобы подчинить людей своему порядку⁴. *Гордиев узел этого союза религии и политики прослеживается в их совпадении. Следствием такого союза станет разрушение и религии, и политики.* Стремление совместить две непримиримые истины человеческого бытия неизбежно ведет к гибели. У современной ситуации известен прецедент: тоталитаризм XX века.

2. Политическая религия, секулярная религия или политическая теология: оспариваемая либеральная Современность

Если XX век вошел в историю как век тоталитаризма, который Э. Фегелин называл «политическими религиями», а Р. Арон — «секулярными религиями», то политическая религия вновь возвращается на мировую арену через приверженность политических режимов (чаще всего авторитарных или даже теократических) к управлению людьми посредством религиозных норм. Но это явление, которое соотносит «религию» и «коллективную идентичность», также четко наблюдается в либеральных демократиях. Хотя это относится ко всем религиям, ислам можно считать самым ярким примером, о чем свидетельствует ношение женщинами

³ Религия античных городов является хорошим примером этого [Фюстель де Куланж 2010]. В другой перспективе – политические религии, которыми были тоталитарные режимы XX века [Voegelin 1994].

⁴ Исламский режим в Иране и недавно в Афганистане иллюстрируют первый случай. Итальянский фашизм отражает второй случай: по собственному признанию Муссолини, фашизм – это религия.

одежды, которая указывает на их религиозную принадлежность. В связи с таким публичным возвращением религии в форме внешней идентификации своей принадлежности словосочетание «политическая теология», или прилагательное «теолого-политическое», стало предметом многочисленных размышлений и публикаций. Доминирующий тезис заключается в том, чтобы выразить беспокойство и противостоять новой ассоциации «теологического» и «политического».

Более того, у этой ассоциации был очень важный теоретический прецедент в немецком католическом мире первой половины XX века, связанный с юристом К. Шмиттом. Вопрос, на который нельзя не обратить внимания, вызван компрометацией немецкого юриста связью с нацистским режимом. Компрометация высвечивает противоречие (а не согласованность, о которой чаще всего говорят) между «его» политической теологией и политической религией национал-социализма. Парадоксально то, что ошибка К. Шмитта оказывает большую услугу политической теологии, свидетельствуя о том, насколько это словосочетание подчиняется значению, противоположному значению «политической религии»⁵. При жизни Шмитт это «признал» (неосознанно), когда вернулся после войны к своим работам, написанным до 1933 года [Schmitt 2011; Doremus 2000]. Если «ошибка» была возможна, то именно вследствие неотъемлемой двусмысленности словосочетания «политическая теология». Его можно толковать как присоединение политического к теологическому или наоборот. Эта смысловая неоднозначность основана на грамматической конструкции термина «политическая теология» (*théologie politique*). В отличие от понятия «теология политического» (*théologie du politique*), в котором предлог «du» создает необходимую дистанцию, разрыв, не-совпадение, термин «политическая теология» не фиксирует четкого разграничения между двумя рациональностями. Шмитт, однако, намекает на это аналогией, которую он проводит между богословской задачей различения грешников, призванных к искуплению, и тех, кто к нему не призван, и политикой, которая различает друга и врага [Шмитт 2016, 341–342].

⁵ К. Шмитт в работе «Политическая теология» (1922) утверждал, что в основе ключевых политических понятий лежат соответствующие понятия теологии. По Шмитту, политика секуляризирует теологические концепции, занимая место религии в формировании коллективной идентичности и легитимации власти. – *Прим. ред.*

Но аналогия Шмитта в действительности является, скорее, структурной гомологией, чем настоящей аналогией. Поэтому сложность наблюдается в четком различении теологической и политической рациональностей [Bourdin 2015, глава VI]. Именно такая двусмысленность все еще доминирует в умах, и от нее нужно избавиться, если теологический дискурс хочет найти легитимность в сфере политической жизни. Для этого он должен быть не-совпадающим, что означает отказ как от отношения подобия, так и от отношения чуждости с политической жизнью. Следовательно, мыслить в терминах «теологии политического» – значит отвергнуть как сторонников классического разделения публичной и частной сфер, так и сторонников нео-христианства, которые всегда стремятся восстановить (даже если это иллюзорно) нормативное христианство в качестве гражданской религии (*theologia civilis*). Она отсылает современного человека к эпохе до появления христианства, для которого совпадение этих двух истин уступило место не-совпадению между истиной теологического и истиной политического.

3. От политико-религиозного совпадения в Античности к теолого-политическому не-совпадению: специфика христианства

Порвав с религиями Античности⁶, христианство постепенно, на протяжении веков, вводило концепцию теологии, противоположную концепции *theologia civilis* (гражданской теологии)⁷. То, что обозначено термином «теология» в христианстве, направлено не на связывание людей между собой гражданскими узами, а на формулирование веры через догмы (или простые доктрины), которые связывают верующих христианской общины через крещение. Христианская община (Ἐκκλησία) поэтому не совпадает со структурированием политического общества. Истина веры, следовательно, не может быть отождествлена с истиной политического состояния. Это также создает различие между юридическим дискурсом о разделении религий и государства и философским дискурсом о не-совпадении между истиной теологического и истиной политического. Разделение вводит когнитивное игнорирование между религией и политическим, не-совпадение парадоксальным образом обеспечивает когнитивный доступ теологии к публично-

⁶ См., например, последнюю главу [Фюстель де Куланж 2010].

⁷ См. книгу VI «О граде Божием» Августина.

политическим делам и, наоборот, когнитивный доступ политики к теологическим вопросам⁸. Другими словами, не-совпадение обогащает разделение, интерпретируя его не просто как сосуществование государства и культов, а как объяснение разрыва между истиной теологического и истиной политического⁹.

По этой причине во всех либеральных демократиях, управляемых юридическим режимом разделения, христианство несет большую ответственность за будущее, поскольку именно эта религия, которая оставила двойственный отпечаток на отношениях между духовным и мирским. Не то чтобы христианство имело монополию на не-совпадение и неизмеримое (трансцендентное) как новое именование Бога, но Европа является дочерью христианства, т.е. наследницей символического аппарата теологических доктрин, носителями которых выступали институты Ἐκκλησία. Не было расхождения без противопоставления Ἐκκλησία и светской власти до появления современного государства. В средневековом контексте об этом свидетельствует различие между Законом Божьим, естественным законом и человеческим законом¹⁰; в контексте Реформации – августиновское переосмысление двух градов через два царства закона и благодати в лютеранской теологии и кальвинистский двойной порядок управления (см.: [Лютер 1994; Кальвин 1999, 465–498]; в православии симбиоз между духовной и временной сферами не всегда был настолько «симфоничным» (см.: [Dagron 1996]).

Благодаря этим различным институциональным противостояниям христианский статус не-совпадения развернулся, чтобы проложить путь определенной модальности трансцендентности, действующей изнутри политических тел. Тем не менее сохраняется двусмысленность «христианского мира», который колебался между христианством как «гражданской религией», не называющей себя таковой, и теологическим видением политического порядка. Именно от двусмысленности освободилась

⁸ В этом заключается сложность отношений между либерально-светским государством и исламом. Эта сложность в большей мере наблюдается во Франции: ввиду юридического непризнания культов государство не может претендовать на доступ к теологическому «знанию» ислама.

⁹ Речь президента Макрона в Коллеж де Бернарден показательна для этого разрыва (см.: [Bourdin 2018]).

¹⁰ См. статус аналогии закона в «Трактате о Законе», в «Сумме теологии» (вопросы 90–97) Святого Фомы Аквинского.

классическая Современность (Modernité) XVI–XVII и XVIII веков. Но это произошло ценой совпадения нового типа, гораздо более радикального и являющегося источником проблем, которые Современность все еще ставит в настоящее время.

4. От христианского теолого-политического не-совпадения к современному политико-религиозному совпадению: подход Спинозы

Если существуют два абсолютно решающих столетия для понимания освобождения от гражданской религии средневекового христианства, то это, несомненно, XVI и XVII века [Бурден 2022]. XVI век был свидетелем роста современного суверенного государства, положившего конец религиозным «гражданским» войнам и тем самым подготовившего путь к его деконфессионализации, а потому веком определяющей роли публичного права¹¹. XVII – век расцвета юридико-политических теорий общественного договора, благодаря которым современное государство смогло обрести философские основания. По этой причине XVII век подготовил путь к эпохе Просвещения и революциям, провозгласившим права человека и гражданина. Однако освобождение от гражданской религии средневекового христианства все-таки не лишило христианства всякой гражданской и моральной роли¹². Если Руссо отказывается от христианства как «гражданской религии» в «Общественном договоре», то это не относится к мысли Гоббса, Спинозы и Локка, а после Французской революции – Канта и Гегеля (даже если эти мыслители не упоминают словосочетания «гражданская религия»). Из ряда крупных политических философий кратко рассмотрим положения философии Спинозы в контексте его «Богословско-политического трактата».

¹¹ Жан Боден – теоретик, который юридически осмыслил концепцию суверенитета государства в «Шести книгах о государстве» [Bodin 1986]. Следствием этой концепции является религиозная толерантность [Bodin 1984].

¹² Американская и французская Декларации прав человека служат показательным примером. Для первой «все люди созданы равными; они наделены Создателем определенными неотчуждаемыми правами». Во второй «Высшее существо» призвано в свидетели в конце преамбулы Декларации прав и свобод человека и гражданина от 26 августа 1789 года для провозглашения «следующих прав человека и гражданина».

Прежде всего укажем, что Спиноза использует не понятие «политическое богословие» («политическая теология»¹³), а только прилагательное «богословско-политический» («теолого-политический»). К тому же данное словосочетание содержится лишь в названии трактата. Спиноза не упоминает его далее, в основном тексте своего произведения [Спиноза 2019]. Однако выбор названия не случаен. Он возвещает о проекте пересмотра библейской экзегезы с двойным следствием: во-первых, в главе XV установлены новые отношения между верой (теологией) и разумом (философией); во-вторых, в главе XVI формируется политико-демократический пакт, завершающийся главой XIX о праве суверена на священные вещи (*jus circa sacra*) и главой XX о свободе мысли. Эти две последние главы в соответствии с главами XIII, XIV, XV помещают теологию на сторону послушания через познание Бога посредством практических действий (справедливости и милосердия), а философию – на сторону свободы суждения и рассуждения. По мнению Спинозы, послушание и свобода необходимы друг другу для жизнеспособности политического пакта. Нет политического пакта, который отчуждал бы свободу мысли, и нет политического пакта без послушания, движимого этикой, основанной на позитивных аффектах¹⁴, которые дает правильно понятая религия (в этом и заключается смысл библейской экзегезы). Таким образом, у Спинозы разрушение гражданской религии средневекового христианства не приводит к приватизации¹⁵ христианства (т.е. к ограничению христианства

¹³ Во французском языке, в отличие от русского, нет отдельного слова для обозначения «богословия» в отличие от «теологии». Поэтому понятие «*théologico-politique*» может быть переведено и как «богословско-политический», и как «теолого-политический». – *Прим. ред.*

¹⁴ Спиноза считал, что религия, правильно понятая, способна генерировать «позитивные аффекты», т.е. эмоции и чувства, которые способствуют социальной гармонии и благополучию. К таким аффектам он относил, например, любовь к ближнему, чувство справедливости, надежду. Эти эмоции, согласно позиции Спинозы, служат основой этического поведения, которое, в свою очередь, необходимо для стабильности политического порядка. Таким образом, послушание, основанное на этих «позитивных аффектах», не является слепым подчинением, а скорее, осознанным выбором, продиктованным рациональным пониманием того, что способствует общественному благополучию. – *Прим. ред.*

¹⁵ С. Бретон блестяще выразил теолого-политическую переформулировку спинозистского пакта: «Теолого-политические узы связывают, таким образом, три момента: *теологический, этический и политический.*

исключительно частной сферой). Он переосмысляет христианство как практическую истину (выраженную в тех или иных действиях), неразрывно связывая его с традицией израильского пророчества и историческим опытом неудачи древнееврейского государства (главы XVII и XVIII).

«Теолого-политическая» операция Спинозы показательна для основ современной политической философии: с одной стороны, решать «теолого-политические» проблемы христианства, т.е. продвигать такую структуру теологической мысли, которая вытеснила философию в ее спекулятивной задаче достижения истины только разумом. С учетом этой двойной операции философия Спинозы играет очень важную роль в установлении наложения, предусмотренного средневековым христианством, между социологическим элементом его гражданской религии (*respublica christiana*) и теолого-политическим элементом (двойной иерархической целесообразностью природного и сверхъестественного). С другой стороны, и на это указано нами ранее, отказ от данной концепции теологии направлен на то, чтобы придать ей иной статус на службе политического пакта. Чтобы это произошло, теология должна совпадать с пактом через познание Бога путем практики справедливости и милосердия.

У этой логики совпадения есть знаменитый предшественник в лице Гоббса. Последний даже в большей степени следует этой логике, поскольку религиозная истина устанавливается сувереном [Гоббс 2001, 364–370]. Гоббс не мог допустить ни малейшего расхождения между «государством церковным и гражданским», как предполагает подзаголовок «Левиафана». Логика совпадения все еще действует у Локка, «либерального» философа, который понимает свободу не как свободу не верить, а только как свободу выбора способа веры [Локк 1988, 125]. В философии Руссо наблюдается совпадение иного рода: оно происходит из возвращения к гражданской религии. Созданная для социальности, она не могла допустить разрыва с общественным договором. Неслучайно

Но если это так, то политической власти принадлежит право определять конкретные определения действительного религиозного. С другой стороны, политическая власть является источником права, следовательно, справедливого и несправедливого, добра и зла. Кажется, следовательно, что «справедливое» даже с религиозной точки зрения имеет политическую природу. Взаимность совершенна: этическая сущность теологического подразумевает политическое, политическое как власть подразумевает определение теологического как этического» [Breton 1977, 82].

Руссо завершает «Общественный договор» главой о гражданской религии¹⁶.

Эта современная логика совпадения ставит нас в центр значительных трудностей в установлении обновленных отношений между «политикой» и «религией». Представлять их как две отдельные и сосуществующие сущности в либеральных демократиях конца XX и первой трети XXI века в дальнейшем невозможно, поскольку граница между «публичным» и «частным» стала очень проницаемой. Именно в контексте такой смены парадигмы в отношениях между публичной и частной сферами политическая теология (*théologie politique*) призвана обрести иной смысл. Поэтому в дальнейшем будем обозначать ее словосочетанием «теология политического» (*théologie du politique*). Благодаря предложению «du» (соответствующему родительному падежу в русском языке) концепция не-совпадения открывает рефлексивное пространство для теолого-политической легитимности авторитета совести. Для этого следует определить научный объект теологии политического.

5. Легитимность теологии политического, или ревитализация демократии: какое взаимопонимание возможно между правом, социологией и теологией?

Ограничение теологии частной сферой¹⁷ в наших либеральных демократиях исключило ее из современной рациональности, одновременно переместив христианство в когнитивное поле социальных наук¹⁸. Она предназначена только для «верующих», чтобы передавать понимание веры. И на этом ее рациональность завершается. Однако именно ее изгнание из общественной жизни парадоксальным образом делает ее снова действенной. *Изгнание* больше не подразумевает таких негативных понятий, как «разделение», «приватизация» (т.е. ограничение частной сферой),

¹⁶ Возвращаясь к понятию гражданской религии, Руссо вносит большой вклад в отделении ее от христианской политической теологии. Об этом свидетельствует его отказ считать христианство гражданской религией, поскольку оно слишком ориентировано на то, чтобы быть религией человека (религией человечности).

¹⁷ Обратный процесс («деприватизация», «опубликование» веры) был по этой причине большим проектом политической теологии Ж.-Б. Меца в 70-х годах XX века.

¹⁸ Об отношениях христианства к социальным наукам см.: [Stoczkowski 2019] (1-я часть, гл. IV, 4-я часть, гл. X, эпилог).

«исключение из игры», а наоборот, предполагает позитивное понятие не-совпадения. Теология даже является не-совпадением *par excellence*. Следовательно, она может выполнять достойную обновленную функцию легитимации высказываний относительно общественных вопросов. Но маргинализация теологии, лишенной средневекового статуса царицы наук, дает ей новую возможность не для того, чтобы отомстить за утраченный древний престиж, а для того, чтобы вывести современные либеральные демократии из их непрозрачности и неизмеримое (Бога) из его приватизации. Задача теологии в наших демократически-либеральных политических режимах – это задача легитимации, поскольку легитимность – одновременно и главная проблема, и решение.

Уместно в контексте этой значимой проблемы привести фрагмент из книги Дж. Агамбена «Тайна зла», посвященной событию отречения папы Бенедикта XVI от престола:

Власти и институты сегодня делегитимизированы не потому, что они впали в беззаконие; если беззаконие столь широко распространено и повсеместно, то это потому, что власти утратили всякое сознание своей легитимности. Поэтому тщетно верить, что можно справиться с кризисом наших обществ с помощью – безусловно необходимых – действий судебной власти: кризис, затрагивающий легитимность, не может быть разрешен только в правовой плоскости. Гипертрофия права, претендующего на регулирование всего, даже своим избытком формальной легальности выдает утрату всякой содержательной легитимности. Как показывает неудержимый процесс упадка, в который вступили наши демократические институты, попытка современности совместить легальность и легитимность, пытаясь обеспечить с помощью позитивного права легитимность власти, совершенно недостаточна... Каждый раз, когда упоминается различие между легитимностью и легальностью, следует уточнить, что мы не имеем в виду, согласно т.н. реакционной традиции, что легитимность – это некий высший иерархический субстанциональный принцип, юридически-политическая легальность которого была бы лишь эпифеноменом или следствием. Для нас, напротив, легитимность и легальность – это две части одной и той же политической машины, которые не только никогда не должны сводиться друг к другу, но и должны всегда каким-то образом функционировать, чтобы машина могла работать [Agamben 2017, 11, 12, 13].

Именно в отношении этой «недостаточности» теология, несмотря на маргинализацию, вновь обрела способность быть

ценнейшим средством не-совпадения, в котором нуждаются либеральные демократии, чтобы восстановить утраченное дыхание, как в концепции легальности политического порядка, разработке социальных норм, так и совести, которая служит ей критическим стимулом. Но если, согласно концепции не-совпадения, теологическое обоснование легитимности противостоит гетерономной (внешней) норме и направлено на прояснение совести и поддержание жизненной силы демократии, то каким образом одновременно с этим исключить то, чтобы теологический дискурс стал алиби для предписаний в вопросах совести? Как избежать этой ловушки?

Ранее в статье [Bourdin 2023a] мне приходилось отстаивать позицию о том, что «чистая» наука – это иллюзия. Время сциентизма и позитивизма давно прошло. Это не означает, по крайней мере для второго утверждения, что практический позитивизм не продолжает процветать. Но процветание, вероятно, отсрочено до тех пор, пока не будет выяснена альтернатива, которую может реализовать концепция не-совпадения между социологией (наукой об эволюции социальных норм), правом (наукой о правовых нормах) и теологией (наукой о неизмеримости Бога). Поскольку эти три науки имеют собственный предмет, они не могут совпадать, но ввиду их не-совпадения теология политического может сформулировать свою задачу легитимации теологического дискурса об общественных делах¹⁹. В силу этой взаимосвязи концепция не-совпадения выполняет архитектурную функцию для теологии политического, сочленяющей социологию, право и теологию. В приведенных терминах нужно по-новому мыслить концепцию легитимности, т.е. как не-совпадения по отношению к легальности политического порядка, по отношению к социальным нормам и по отношению к религиозной нормативности. Легитимность как не-совпадение образует «трещину» между легальностью, социальными нормами и религиозной нормативностью, все три из которых естественным образом стремятся совпасть с самими собой. Ввиду этой «трещины» легитимность не ограничивается тем, чтобы «разоблачать» или «нормировать». Она направлена на то, чтобы сделать конкретный путь эффективным. Это можно сравнить с признанием того, что авторитет совести не должен в

¹⁹ См.: [Jullien 2023]. В главе VII, посвященной политическим ресурсам не-совпадения, Ф. Жюльен обращается к концепции «трещины» (fissure) [Jullien 2023, 64], которую он ассоциирует с политикой не-совпадения.

данном случае подвергать либеральные демократии войне совестей. Такая война будет только способствовать ослаблению либеральной демократии. Между тем демократия должна в равной степени уважать и индивидуальную совесть, и коллективное самоопределение. В этом и заключается смысл теологии политического.

6. Теолого-политическая легитимность авторитета совести, или нейтрализация войны совестей

Апелляция к авторитету совести в условиях демократии настолько необходима, насколько и опасна. Это иллюстрируют несколько современных дебатов. Обратим внимание на четыре из них: проблему миграции, биоэтику, мультикультурализм и религиозный плюрализм. В дискуссиях, посвященных четырем перечисленным проблемам, прослеживается извечная напряженность между Антигоной и Креоном²⁰, между Богом и кесарем, и такие дискуссии способны породить противоборство убеждений, поскольку противоположные стороны могут претендовать на легитимность авторитета совести во имя ожиданий большинства или, наоборот, для противодействия им. Как известно, социальные страсти противоречивы, и это лишь усложняет определение категорий справедливого и несправедливого. Нужно ли принимать всех мигрантов без обсуждения социокультурных последствий? Следует ли оправдывать все социальные изменения без обсуждения того, что следует понимать под «родством», «семьей», «отношением к жизни и смерти»?²¹ Целесообразно ли оправдывать нормативный мультикультурализм без обсуждения того, что отличает его от фактически существующего мультикультурного

²⁰ Противостояние Антигоны и Креона – сюжет древнегреческой трагедии Софокла «Антигона». Антигона, следуя велениям совести и религиозным законам, хоронит брата, нарушая запрет власти, воплощенной в образе тирана Креона. Этот сюжет символизирует конфликт между устоявшимися нравственными нормами и государственными законами. – *Прим. ред.*

²¹ Заявление депутата Ж.-Л. Турэна, выступившего в Национальном собрании Франции, о том, что законопроект о вспомогательных репродуктивных технологиях (искусственном оплодотворении) «идет в направлении истории», является симптоматичным для размывания смысла демократической делиберации. Обращение к «смыслу истории» одновременно означает, насколько ожидается потребность легитимизировать реализацию закона относительно «чувствительной» проблемы продолжения рода.

общества? Нужно ли оправдывать религиозный плюрализм без обсуждения того, что означает «религиозная свобода» и как она связана с гражданским самосознанием?²² Ответы на эти вопросы представляют собой вызов для разработки социальной нормы (социология) и для легальности политического порядка (публичное право). Управление людьми основано только на человеческом законе, норма которого всегда развивается и, следовательно, изменчива. Что означает в свете этой изменчивости теолого-политическая легитимность авторитета совести? Она не может означать поиск совпадения между духовным совершенствованием человечества и всегда относительным политическим состоянием. Напротив, она представляет собой не-совпадение между ними. Именно не-совпадение делает ее легитимной, чтобы освободить совесть от ее исключительно самореферентных требований. Теолого-политическая легитимность авторитета совести может только призвать выйти за рамки исключительно индивидуальных требований для формирования субъекта-гражданина. В первом случае (в случае индивидуальных требований) политическое общество может только распасться, поскольку индивиды стали бы хозяевами общественной жизни. Во втором случае политическое общество восстанавливает все собственные права (общая воля, как сказал бы Руссо) именно в силу своего формирования субъектами-гражданами.

Относительно четырех упомянутых выше проблем отметим, что легитимность авторитета совести, вдохновляемая теологией политического, может только предотвратить войну совестей (естественное состояние), систематически разделяя то, что относится к «индивидуальным правам» (иммиграцию, усыновление детей, уважение культур и религиозной свободы), и то, что относится к сплоченности политического общества. Легитимность теологии политического в итоге неожиданно совпадает с принципами Декларации прав человека и гражданина 1789 года: не может быть

²² Во Франции споры о ношении хиджаба в тех или иных учреждениях служат показательным примером конфликта между «религиозной свободой», или «культурной нормой», и коллективной сплоченностью. Иными словами, такого рода вопросы были очень актуальны в XVI–XVII веках. Чтобы положить конец религиозным гражданским войнам, нужно было сочетать законную власть суверена, толерантность к религиозным меньшинствам и лояльность к суверену. XVI–XVII века до сих пор предоставляют ресурсы теолого-юридического и философского опыта и размышлений.

гарантии прав без ограничения законом (например, ст. 4 Декларации) и человека без гражданина... под эгидой Верховного Существа (преамбула Декларации)! Но, чтобы быть общим для всех субъектов-граждан, трансцендентное (Бог) ни в коем случае не должно совпадать с христианским политическим порядком, иначе оно не может быть общим для всех. Это теологическое и политическое условие того, чтобы Закон Божий и закон человеческий не находились ни в отношениях конкуренции, ни в отношениях незнания. Царству демократической автономии (коллективному самоопределению и авторитету совести) для осуществления нужен его антипод. Следует поставить вопрос о том, что говорит раннее христианство о таком парадоксе.

7. Первоначальное христианство, или демократический парадокс автономии власти в ее самоотречении

В традиции «Послания к Римлянам» Павла (Рим. 13) и «О граде Божиим» Августина нет теологического оправдания христианского политического порядка, что было бы равнозначным стремлению совместить эсхатологическую утопию (в этимологическом смысле слова) Царства Божьего с правовыми порядками этого мира, или, по словам Августина, Град Божий с градом земным. Но отказ от совпадения не означает и оправдания, опять же когнитивного игнорирования между легальностью политического порядка, его социальными нормами и легитимностью теологического дискурса о публичных делах. Это игнорирование может только ослабить демократию как режим, основанный на авторитете совести и коллективном самоопределении.

Из этого вытекает легитимность защиты аргументированных убеждений «по совести», однако не отождествляя такую легитимность с отказом от легальности политического порядка, каким бы несовершенным он ни был (Рим. 13:6). Следовательно, теология политического может только апеллировать к делиберативному измерению демократии, в рамках которого христиане-граждане действуют совместно с другими, с теми, кто ими не является. Их задача – возродить присущее человеку (ζῆλον πολιτικόν Аристотеля) стремление к политико-демократической жизни с ее способностью принимать решения. Поэтому обращение к царству Христа («Царство Мое не от мира сего», Ин. 18:36–38) означает как признание легальности (или автономии) политического порядка (Кесарево кесарю), созданного для управления людьми, так и напоминание о

его нелегитимности претендовать на обладание властью, которая принадлежит только Богу («Божие Богу», Мф. 22, 21, Мк. 12, 17, Лк. 20, 25) [Bourdin 2023b].

Изложенный евангельский сюжет, безусловно, наиболее четко выражает парадоксальное значение теологии политического. С помощью этого парадокса она позволяет объяснить превращение отказа от власти в пользу Бога в демократическое самоотречение от власти, без которого не может быть связи между коллективным самоопределением и авторитетом совести в полном соответствии с идеей светского общества.

Заключение

Общества, вышедшие из-под влияния религии, сталкиваются с беспрецедентной в истории человечества дилеммой: совместить автономию своих основ с новым определением инаковости. Современные либеральные демократии – политическое выражение этой дилеммы. Решение дилеммы возможно через новое понимание действительности концепции легитимности. Вместо того, чтобы рассматривать ее как гетерономную основу легального общественного порядка и как гетерономную основу социальной нормы, ее следует характеризовать как не-совпадающую по отношению к этому порядку, т.е. считать «трещиной» в нем. Суть проблемы либеральных демократий заключается в отсутствии инаковости или расхождения. Либеральные демократии стали жертвами того лучшего, что они принесли: освобождения от всех гетерономных детерминаций, присущих обществам, в которых политика и религия, тесно связанные между собой, формировали гражданскую религию.

Такая неоднозначная ситуация объясняется непроясненностью двусмысленности между гражданской религией (или политической религией в XX веке) и множественными теологическими основаниями политической власти в христианском мире. Двусмысленность между совпадением гражданской религии и несовпадением христианской теологии с политическим была снята с момента формирования основ современной политики. Но это произошло ценой совпадения другого типа: совпадения религии с политическим пактом. Именно он устанавливает правила, поэтому легальность публичного порядка должна совпадать сама с собой. Из этого следует разделение классической Современности между публичной (политической) и частной (религиозной)

сферами, а также панический страх перед «возвращением» (или вторжением) религии в публичную сферу. Поэтому либеральные демократии теперь находятся в тупике. Они колеблются между светской нетерпимостью и адаптацией к религиозным требованиям. В таком колебании действуют две несовместимые и, следовательно, взаимоисключающие логики совпадения. В итоге происходят столкновения идентичностей, которые подрывают индивидуальную совесть, зажатую в тисках двух императивов: императива светского общественного порядка или императива политико-религиозной нормативности.

Чтобы совесть нашла свое законное место, политическая Современность не избежит мучительного пересмотра своих организующих принципов, унаследованных от века Просвещения, в частности, путем переосмысления разграничения публичной и частной сфер. Это относится и к религиям. Религии не могут радоваться «возвращению Бога» в публичную сферу, не задаваясь вопросом, является ли Он тем, кто устанавливает «объяснительную самодостаточность» или создает «трещину» в непрозрачности мировых порядков. Если речь идет о таком Боге, то демократия и религия созданы для взаимопонимания и совместного выхода из очень трудного положения, поскольку и та, и другая имеют общую черту – чувство инаковости (или не-совпадения). Поэтому авторитет совести и коллективное самоопределение неразделимы. Речь идет о необходимом условии для нейтрализации абсолютизации того и другого. Именно эту важнейшую гражданскую задачу должны взять на себя религии, что особенно становится очевидным в библейской мысли, вновь вводя легитимность как концепцию не-совпадения по отношению к порядкам этого мира. В эпоху выхода из-под влияния религии автономия все-таки не является индивидуальным и коллективным *владением* собой. В этом состоит великая задача христианства для Европы от Атлантики до Урала.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бурден 2022 – *Бурден Б.* Христианский мессианизм: альтернативная политическая философия освобождения // *Философские науки.* 2022. Т. 65. № 4. С. 7–26.

Гоббс 2001 – *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / пер. А. Гутермана. – М.: Мысль, 2001.

Кальвин 1999 – *Кальвин Ж.* Наставления в христианской вере. Кн. IV. О внешних, или вспомогательных средствах, какими пользуется Бог, чтобы привести нас к Сыну своему Иисусу христу и сохранить в нем / пер. Г.В. Вдовиной. – Grand Rapids, MI: CRC Publications, 1999.

Локк 1988 – *Локк Дж.* Послание о веротерпимости / пер. Н.А. Федорова // *Локк Дж.* Сочинения: В 3 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1988. С. 91–134.

Лютер 1994 – *Лютер М.* О светской власти. В какой мере ей следует повиноваться / пер. Ю. Голубкина // *Лютер М.* Избранные произведения. – СПб.: Андреев и согласие, 1994. С. 131–163.

Спиноза 2019 – *Спиноза Б.* Богословско-политический трактат / пер. с лат. М.М. Лопаткина. – М.: Академический проект, 2019.

Фюстель де Куланж 2010 – *Фюстель де Куланж Н.Д.* Древняя гражданская община : исследование о культе, праве, учреждениях Греции и Рима / 3-е изд.; пер. с фр. Н.Н. Спиридонова. – М.: URSS, 2010.

Шмитт 2016 – *Шмитт К.* Понятие политического / пер. А.Ф. Филиппова // *Шмитт К.* Понятие политического: сборник. – СПб.: Наука, 2016. С. 280–408.

Agamben 2017 – *Agamben G.* Le mystère du mal Benoît XVI et la fin. – Paris: Bayard, 2017.

Bodin 1984 – *Bodin J.* Colloque entre savants qui sont de différents sentiments secrets cachés des choses relevées / trad. et éd. par F. Berriot, K. Davies, J. Larmat, J. Roger. – Genève: Droz, 1984.

Bodin 1986 – *Bodin J.* Les six livres de la République. – Paris: Fayard, 1986.

Bourdin 2015 – *Bourdin B.* Le christianisme et la question du théologico-politique. – Paris: Les Editions du Cerf, 2015.

Bourdin 2018 – *Bourdin B.* République laïque et Église catholique. Proposition d'un pacte pour la cohésion nationale // *Etudes.* 2018. N° 6. P. 67–76.

Bourdin 2023a – *Bourdin B.* Le théologico-politique est-il une imposture ? Réponse à Géraldine Mühlmann // *Revue des sciences philosophiques et théologiques.* – Paris: Vrin, 2023.

Bourdin 2023b – *Bourdin B.* Le chrétien peut-il aussi être citoyen ? Pour une démocratie de la dé-coïncidence. – Paris: Les Editions du Cerf, 2023.

Breton 1977 – *Breton S.* Politique, religion, écriture chez Spinoza. – Paris: Desclée, 1977.

Dagron 1996 – *Dagron G.* Empereur et prêtre. Étude sur le « Césaropapisme » byzantin. – Paris: Gallimard, 1996.

Doremus 2000 – *Doremus A.* Une vue « critique » de Carl Schmitt sur la philosophie de l'histoire en 1950 « Trois possibilités d'une image chrétienne de l'histoire » // *Les Etudes philosophiques.* 2000. N° 3. P. 405–421.

Jullien 2018 – *Jullien F.* Ressources du christianisme: mais sans y entrer par la foi. – Paris: L'Herne, 2018.

Jullien 2022 – *Jullien F.* Moïse ou la Chine. Quand ne se déploie pas l'idée de Dieu. – Paris: Editions de l'Observatoire, 2022.

Jullien 2023 – *Jullien F.* Ouvrir des possibles, Dé-coïncidence, un art d'opérer. – Paris: Editions de l'Observatoire, 2023.

Mulhmann 2022 – *Mulhmann G.* L'imposture du théologico-politique. – Paris: Les Belles Lettres, 2022.

Schmitt 2011 – *Schmitt C.* La visibilité de l'Eglise, Catholicisme romain et forme politique, Donoso Cortés / trad. par A. Doremus, intro. par B. Bourdin. – Paris: Editions du Cerf, 2011.

Stoczkowski 2019 – *Stoczkowski W.* La science sociale comme vision du monde, Emile Durkheim et le mirage du salut. – Paris: Gallimard, 2019.

Voegelin 1994 – *Voegelin E.* Les religions politiques. – Paris: Editions du Cerf, 1994.

REFERENCES

Agamben G. (2017) *Le mystère du mal. Benoît XVI et la fin.* Paris: Bayard (French translation).

Bodin J. (1984) *Colloque entre savants qui sont de différents sentiments secrets cachés des choses relevées* (F. Berriot, Ed.). Geneva: Droz (in French).

Bodin J. (1986) *Les six livres de la République.* Paris: Fayard (in French).

Bourdin B. (2015) *Le christianisme et la question du théologico-politique.* Paris: Cerf (in French).

Bourdin B. (2018) République laïque et Eglise catholique. *Études.* No. 6, pp. 67–76 (in French).

Bourdin B. (2022) Christian Messianism: An Alternative Political Philosophy of Emancipation. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki.* Vol. 65, no. 4, pp. 7–26.

Bourdin B. (2023a) Le théologico-politique est-il une imposture? *Revue des sciences philosophiques et théologiques.* No. 107, pp. 157–172 (in French).

Bourdin B. (2023b) *Le chrétien peut-il aussi être citoyen?* Paris: Cerf (in French).

Breton S. (1977) *Politique, religion, écriture chez Spinoza.* Paris: Desclée (in French).

Calvin J. (1999) *Institutes of the Christian Religion. Book IV* (G.V. Vdovina, Trans.). Grand Rapids, MI: CRC Publications (Russian translation).

Dagron G. (1996) *Empereur et prêtre. Étude sur le « césaropapisme » byzantin.* Paris: Gallimard (in French).

Doremus A. (2000) Une vue « critique » de Carl Schmitt sur la philosophie de l'histoire en 1950 « Trois possibilités d'une image chrétienne de l'histoire ». *Les Etudes philosophiques.* No. 3, pp. 405–421.

Fustel de Coulanges N.D. (2010) *The Ancient City: A Study on the Religion, Laws, and Institutions of Greece and Rome* (N.N. Spiridonov, Trans.). Moscow: URSS (Russian translation).

Hobbes T. (2001) *Leviathan, or The Matter, Forme and Power of a Common Wealth Ecclesiasticall and Civil* (A. Guterman, Trans.). Moscow: Mysl' (Russian translation).

Jullien F. (2018) *Ressources du christianisme: mais sans y entrer par la foi*. Paris: L'Herne (in French).

Jullien F. (2022) *Moïse ou la Chine. Quand ne se déploie pas l'idée de Dieu*. Paris: Observatoire (in French).

Jullien F. (2023) *Rouvrir des possibles. Dé-coïncidence, un art d'opérer*. Paris: Observatoire (in French).

Locke J. (1988) A Letter Concerning Toleration. In: Locke J. *Works* (Vol. 3, pp. 91–134) (N.A. Fedorov, Trans.). Moscow: Mysl' (Russian translation).

Luther M. (1994) On Secular Authority: To What Extent It Should Be Obeyed. In: Luther M. *Selected Works* (pp. 131–163) (Yu. Golubkin, Trans.). Saint Petersburg: Andreyev i soglasie (Russian translation).

Muhlmann G. (2022) *L'imposture du théologico-politique*. Paris: Belles Lettres (in French).

Schmitt C. (2011) *La visibilité de l'Eglise, Catholicisme romain et forme politique, Donoso Cortés* (A. Doremus, Trans.; B. Bourdin, Intro.). Paris: Cerf (French translation).

Schmitt C. (2016) The Concept of the Political (A.F. Filippov, Trans.). In: Schmitt C. *The Concept of the Political: Collected Works* (pp. 280–408). Saint Petersburg: Nauka (Russian translation).

Spinoza B. (2019) *Theologico-Political Treatise* (M.M. Lopatkin, Trans.). Moscow: Academicheskii proyekt (Russian translation).

Stoczkowski W. (2019) *La science sociale comme vision du monde*. Paris: Gallimard (in French).

Voegelin E. (1994) *Les religions politiques*. Paris: Cerf (French translation).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Обзоры, объявления, сообщения

Объявление
Announcement

Конференция «Образование будущего и будущее образования»

Международная конференция по развитию современного образования ICMED'2025 «Образование будущего и будущее образования» приглашает к участию ученых, представителей органов государственной власти, сотрудников образовательных и научных учреждений, учащихся, заинтересованных в создании научных методов становления образования будущего.

Становление образования будущего – фундаментальная задача современности, от решения которой зависит благосостояние государств, народов и каждого человека. Конференция ICMED'2025 объединит специалистов из разных областей знаний для формирования образов образования будущего.

Конференция является официальным мероприятием Десятилетия науки и технологий в РФ. Сопредседатели – доктор психологических наук, профессор Д.Б. Богоявленская и доктор философских наук А.О. Карпов, основатель программы «Шаг в будущее». В программный комитет вошли ведущие ученые в области образования, философии, психологии, социологии, культурологии.

Журнал «Философские науки» выступает информационным партнером конференции.

Конференция состоится 24–27 марта 2025 года во время Всероссийского форума научной молодежи «Шаг в будущее», на которой соберутся более 1000 талантливых школьников-исследователей и студентов. Участники конференции смогут посетить защиту проектов на выставке лучших работ.

Цель конференции – междисциплинарная разработка ключевых проблем развития современного образования, определение его роли в антропологической, социальной, культурной и экономической системах будущего общества.

В программе – пленарные заседания, научные секции и дискуссионные площадки для школьников-исследователей, учителей, студентов, аспирантов и молодых ученых (до 35 лет). Рабочие языки – русский и английский (с переводом). Участие бесплатное.

Для участия необходимо **подать заявку до 19 января 2025 года на сайте <https://шагвбудущее.рф/icmed>.**

Редколлегия и редакция журнала
«Философские науки» выражают искреннюю
благодарность и признательность
Алексею Платоновичу Давыдову
за существенный вклад
в подготовку номеров журнала,
в которых были опубликованы статьи по тематике
Всероссийской научной конференции
«Индивидуализация и коллективизм
в современном российском обществе»,
посвященной 300-летию РАН.

Цели и задачи

«Философские науки» – ежемесячный рецензируемый научный журнал, публикующий статьи на русском и английском языках. Журнал был учрежден в 1958 г. как научное образовательное просветительское издание для системы отечественного образования. Статьи журнала посвящены как традиционным, классическим философским темам, так и актуальным проблемам современности и перспективам социокультурного и цивилизационного развития человечества.

Aims and Scope

Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosoфskie nauki is a peer-reviewed monthly journal published in Russian and English languages. The journal was founded in 1958 as a scientific and educational periodical for the educational system. The papers of the journal are dedicated to classical problems of philosophy as well as to important issues of the modernity and prospects of sociocultural and civilizational development of humankind.

С условиями публикации материалов в журнале
и порядком рецензирования статей можно ознакомиться на сайте:
<https://www.phisci.info/jour/about/submissions#authorGuidelines>

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса Россия» – 45490

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77 – 15513 от 20 мая 2003 г.

Подписано в печать 15.11.2024 г. Формат 60x90/16. Печать цифровая.

Бумага офсетная № 1. Печ. л. 10,0. Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано в типографии Издательского дома «Гуманитарий».

E-mail: humanist@academyrh.info